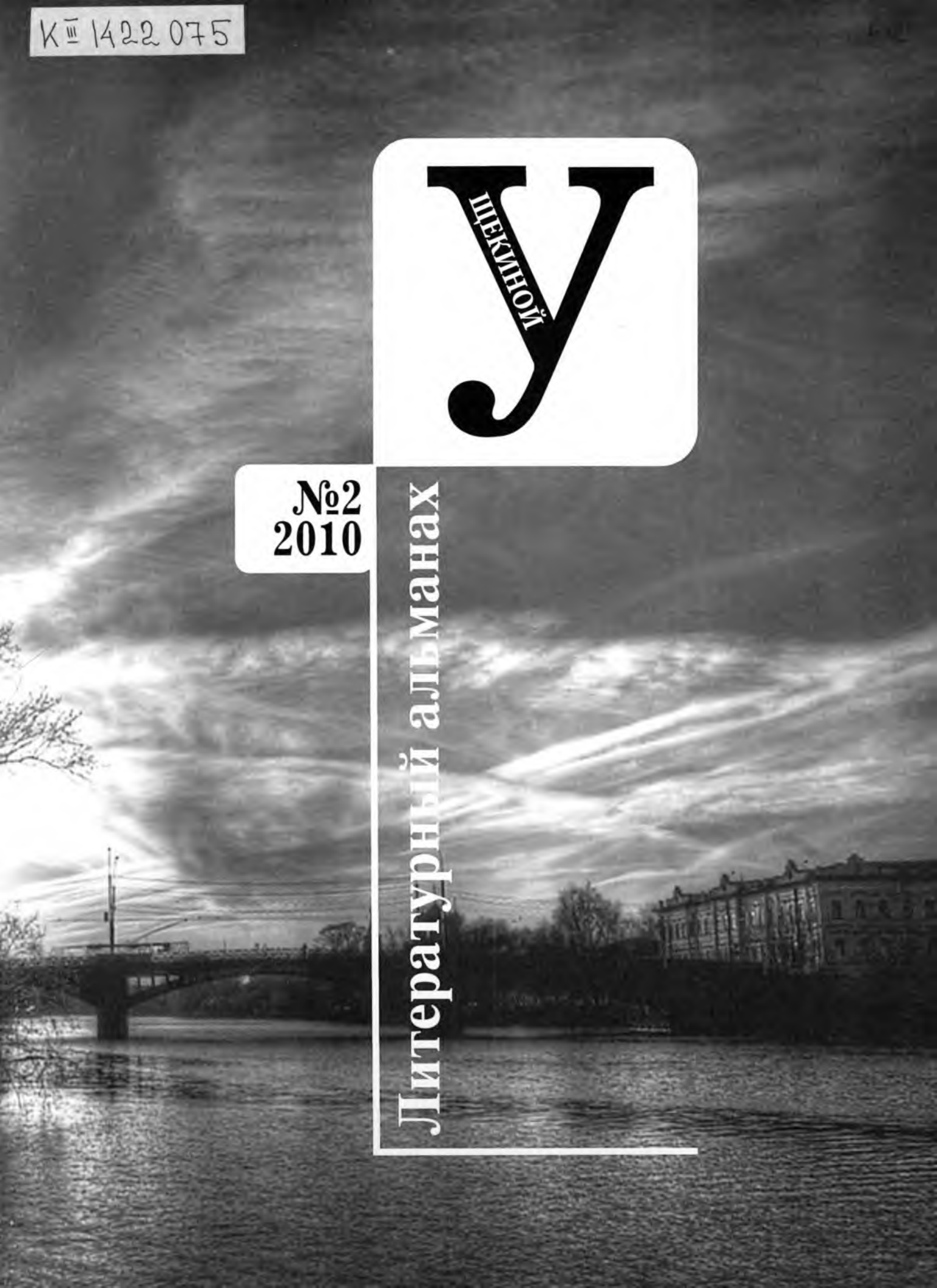

КШ 1422 075

ЩЕКИНОЙ

№2
2010

Литературный альманах

НЕГРОМКАЯ ХРОНИКА.....	2
Татьяна РЖАННИКОВА.....	2
*Энергия памяти. (Памяти А. Башлачева)	
«Вологда читающая» – 2010.....	2
* (Итоги конкурса)	
Владислав ШАШКИН.....	4
*Из Вологды с книгами.	
Вологодский «Новый Диоген».....	4
* (Новости литературного салона)	
Тамара СИЗОВА.....	4
*Шестнадцатый «Диоген» – интересные тенденции.	
Татьяна СНЕЖИНА.....	5
*Хороший, добрый праздник. (О двадцатом «Диогене»)	
Artvologda.Ru.....	6
*Лауреаты «Большой книги» расшевелили Вологду.	
ЧТЕНИЕ И ЧТИВО.....	7
Галина ШЕКИНА.....	7
*Семинары по критике в студии «Лист».	
Регина СОБОЛЕВА.....	8
*Концепт мифопоэтики этого века в прозе Т. Ржанниковой.	
Нина ПИСАРЧИК.....	9
*Занимательное краеведение Павла Шабанова.	
Нина ВЕСЕЛОВА.....	12
*Живу. (О Ларисе Миллер)	
*Привет от Марфы. (О повести Г. Гордиенко «Не хочу быть ведьмой»)	
Анастасия АСТАФЬЕВА.....	16
*Я честно пыталась... (Критическая статья на А. Илличевского «Дом в Мещере»)	
Елена ЧУБАРОВА.....	17
*Михаил Жаравин: решает любовь.	
ЛЮБОВЬ МОЛЧАНОВА.....	18
*Жаравин – мастер сказа.	
Аксана ХАЛВИЦКАЯ.....	19
*Препарируя нежную кожу чувств... (Творчество Марты Кетро)	
Гелена СОЛОВЬЕВА.....	22
*Более красиво и честно... (Заметки о романе Е. Колядиной «Цветочный крест»)	
Галина ШЕКИНА.....	23
*Встречи накоротке. (О книге Н. Писарчик «Я – читатель»)	
Светлана ДУРЯГИНА.....	24
*В них пульсирует жизнь. (Рецензия на сборник рассказов Г. Шекиной «Мелисса»)	
СЕТЬ.....	25
Сергей ФАУСТОВ.....	25
*Метакритика С. Фаустова. (Рецензии)	
ОБСУЖДЕНИЕ.....	31
*БЛК на Стихи.Ру	

НОВЫЕ КНИГИ..... 34

Игорь ЗАХАРОВ.....	34
*Провокация верлибра и картинки 3D. (О книге С. Василенко «Проза в столбик»)	
Тамара СИЗОВА.....	36
*Вовне. («Проза в столбик» С. Василенко)	
Андрей КОВРАЙСКИЙ.....	38
*«Дерево без коры». (Поэтический сборник О. Люсовой)	
Сергей БАТАЛОВ.....	39
*Откуда взялась Наташа? (О книге стихов Н. Сучковой)	
Нина ПИСАРЧИК.....	40
*Её лирические герои. («Лирический герой» Наты Сучковой)	
Игорь ВОЛКОВ.....	42
*Бить или не бить? Вот в чём вопрос... (Слово к обсуждению книги Н. Сучковой)	

ДИАЛОГ..... 43

Нейтральная территория. Позиция 2010.....	43
* (Беседа Леонида Костюкова с Натой Сучковой)	
Стихи – это глупости.....	53
* (Интервью Александра Переверзина Регине Соболевой)	
Анчаровский десант за красотой.....	57
* (Разговор Галины Шекиной с Олегом Моисеевым)	

МЕМУАРЫ..... 65

Татьяна СОПИНА.....	65
*«Пронесло меня вольным и битым...» (Предисловие)	
*«Из далей харьковские клёны...» (Три памяти в творчестве М. Сопина)	

УЧЁНАЯ СТЕЗЯ..... 74

Мария СУВОРОВА.....	74
*Историко-культурная репрезентация края в фотографиях «Вологодского альбома»	
*У.К. Брумфилда: Источниковедческий анализ. (В сокращении)	

Региональный литературный альманах «У»
(У Шекиной) № 2 – 2010.
Критика. Обзор. Эссе. Диалог

ББК 95(2Рус-Волог)
У 11

Изд. № 327312393. Издательство «ЭРА» (Москва)
Выходит в Вологде. Формат А 4.

Составление – Галина Шекина.
Редактура и корректура – Нина Писарчик.
Верстка – Наталья Меркулова.

Адреса для писем:
galera50@gmail.com
nina.pisarchik@yandex.ru

Дизайн обложки и титула – Антон Черный.
Фото на обложке – ragusnik.com
Техническое обеспечение – ИП Кисслев А. В.

Отпечатано ИП Кисслев А. В.
г. Вологда, Козленская 35, оф. 18
тел. (8172) 72-88-32
Тираж 100 экз.
Заказ № 847.

У: НЕГРОМКАЯ ХРОНИКА

Татьяна Ржанникова, Череповец

Энергия памяти

(Памяти Александра Башлачева)

«Это был очень светлый и теплый концерт. И все участники это отметили. И волновались, как будто бы впервые... 27 мая – день рожденья Сашбаша...

Идея «Энергии памяти» тоже оказалась удачной. Ян Шенкман писал: «Исповедь как-то не располагает к публичности. Цель ее – вычерпать до дна мутную воду своих сомнений. Своего одиночества и темной, запретной, по-рой языческой радости.

Незадолго до смерти Башлачева поразила немота. Не физическая, а поэтическая. Он почти не писал и старался не выступать со старыми песнями. Целых два года (те самые, за которые сочинил почти все свои вещи) Башлачев жил в таком напряжении, что истощение не могло не наступить. Он отдал слишком много и слишком быстро. Да и вообще чудо не может длиться всегда и, тем более, – стать профессией. Чудо длится мгновение – жизнь многим дольше. Как и память о чуде.

«Я знаю, – говорил Башлачев, – душа начинает заново маяться на земле, как только о ее предыдущей жизни все забыли. Души держит на небесах энергия памяти». Эта «энергия памяти» и есть, наверно, любовь. «Нет тех, кто не стоит любви», – поется в одной из лучших его вещей. Действительно, таких людей нет. Что уж говорить про Башлачева. Его любили многие...

Была в зале и мама Саши, и его сестра, а также школьные друзья.

Слово держал известный теоретик рока и музыкант Александр Липницкий.

Потрясающей позитивной энергетикой наполнили слушателей москвичи – группа «Ключевая». Еще два череповецких коллектива – «Хиросима» и «Дарвин клуб» – показали свои лирические вещи в качественном электрическом звучании, чем заслужили особое внимание и одобрение Александра Липницкого – музыканта и теоретика рок-движения. Звучали стихи Саши в необычных обработках – их читали поэты под джазовый аккомпанемент Михаила Мельникова.

Можно бесконечно рассказывать про выступающих – их было аж двадцать четыре человека... Череповецкие поэты: Анна Казакова, Елена Остренко, Алена Родина и Сергей Комлев прочитали как свои стихи, так и полю-

бившиеся им произведения Башлачева. Воложане внесли в действо юмор, задор и глубокое знание предмета – то бишь, поэзии Александра Николаевича. Харизматичный Денис Романенко был настоящим разведчиком, облачившись в кожаный плащ 30-х годов и шлем летчика тех же времен, и оживил башлачевский «Подвиг разведчика». А ироничный Павел Тимофеев, размышлявший о природе поэзии и предназначении поэта в нынешнее время, обаял череповецкую публику своим поэтическим даром. Мария Запольских исполнила изумительные по своей мелодичности собственные произведения.

Встречали хлебом-солью всех гостей, выдавали талончики на «любовь», «счастье», «творчество»... Ярославцы выступили одним блоком – сильно, метко, лаконично. Красочно читала под аккомпанемент Хрусталева Надя Кудричева – «Подвиг разведчика». Михаил Кочкин и Тарас Поройко представили свои музыкальные баллады – посвящения. Выступил со стихотворением «Я сегодня устал» и автор мемориальной доски в Череповце на доме, где жил Башлачев, – Сергей Мухин.

Каждый из участников рассказал, предвзятое выступление, историю знакомства с Сашиними песнями...

Были дети, много детей в зале, они плели веночки, ели сушки, пускали мыльные пузыри и самолетики. В зале было почти двести человек!

Мы попытались сделать все действие легким, непринужденным, безо всякого пафоса, как если бы Саша сам здесь присутствовал и порадовался бы вместе с нами.

Единственный минус – много по времени – три с половиной часа.

Но они вообще пролетели незаметно...

Поскольку каждый был искренен...

Получается, что этот концерт объединил не только череповчан, которые (кстати, были и такие, кто первый раз слышал про Сашу) пришли в музей, но и Ярославль, Москву, Вологду...».

tat-rzhannikova@yandex.ru

Вологда читающая – 2010

(Итоги конкурса)

24 апреля 2010 года Центром чтения ВОУНБ подведены итоги областного конкурса «Вологда читающая». В сезоне 2009–2010 года в конкурсе приняли участие 303 человека.

Возраст участников – от 7-ми до 85-ти лет. География конкурса – вся область.

У нынешнего конкурса были свои особенности: номинаций – четыре, активно участвовали

учителя школ, работы стали интересней, глубже. Губернатор Вологодской области Вячеслав Евгеньевич Позгалёв прислал в подарок победителям конкурса книги с пожеланиями удачи, добра и успехов.

Предприниматель Т. В. Меднов победителям прислал два больших торта с надписью «Вологда читающая», а Департамент культуры и охраны культурного наследия Вологодской области профинансировал приобретение подарков, призов, грамот и цветов победителям.

Центр чтения Вологодской областной универсальной научной библиотеки благодарит всех участников конкурса, всех, кто помогал в его организации, за это большое и благородное дело – областной конкурс «Вологда читающая».

В номинации «Вологда, читай!» приняли участие 19 работ. Итоги подводились отдельно по темам «Продвижение чтения» и «Книга и её автор».

«Продвижение чтения»:

1 место – Корепанов Вадим, Крупеников Максим, Репин Леонид – 8-б класс, ГОУ «Вологодская областная кадетская школа-интернат»;

1 место – Реутова Наталья Юрьевна – зав. библиотекой МОУ «СО школа №5», г. Вологда;

2 место – Прокофьева Галина Анатольевна, Канавина Галина Анатольевна – Детский дом семейного типа №1, г. Вологда;

2 место – Кузнецова Светлана Анатольевна – зам. директора по ВР, МОУ «Белоусовская СО школа», Вытегорский р-н;

3 место – Зайцев Артём, Маслов Костя – 6-б класс, МОУ «СО школа №8», г. Вологда.

«Книга и её автор»:

1 место – Старцева Любовь Владимировна – с. Чушевицы, Верховажский р-н;

2 место – Калинюк Валентина Витальевна, Финичев Алексей Николаевич – МУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система», Усть-Кубинский р-н;

3 место – МДОУ «Детский сад общеобразовательного вида №7», г. Харовск.

В номинации «Письмо другу» приняли участие 55 работ. Итоги подводились отдельно среди школьников и среди взрослых.

Среди школьников:

1 место – Кузьмин Дмитрий – МОУ «СО школа №5», г. Вологда;

2 место – Куимов Василий – 10 класс, МОУ «Пяжелская СО школа», Бабаевский р-н;

2 место – Дорогова Елена – 8-б класс, МОУ «СО школа №22», г. Вологда;

3 место – Парфёнова Елена – 15 лет, ГОУ «Вологодский детский дом №1».

Среди взрослых:

1 место – Самсонова Татьяна Владимировна – г. Белозерск;

2 место – Сняtkова Елена Ивановна – г. Харовск;

3 место – Короткова Татьяна Георгиевна – с. Шуйское;

3 место – Дечкин Алексей Павлович – с. Спас-Ямщики, Междуреченский р-н.

Поощрительные призы:

а) Кашина Наталья Викторовна – г. Вологда;
б) Сухарева Надежда Поликарповна – учитель Шольской средней школы, с. Зубово, Белозерский р-н;

в) Кузьменко Вера Юрьевна – учитель школы №9, г. Вологда.

В номинации «Есть такая профессия – Родину защищать» прислано 145 работ. Итоги подводились отдельно среди школьников и взрослых.

Среди взрослых:

1 место – Ятвицкий Павел Яковлевич – г. Вологда;

2 место – Булатов Фёдор Валентинович – г. Вологда;

3 место – Леонтьев Николай Николаевич – с. Липин Бор, Вашкинский р-н;

3 место – Гулева Людмила Анатольевна – с. Шуйское, Междуреченский р-н.

Среди школьников:

1 место – Верещак Дарья – 6-а класс, МОУ «СО школа №4», г. Вологды;

2 место – Киселёва Евгения – 10 класс, МОУ «Антушевская СО школа» Белозерский р-н;

2 место – Воронина Олеся – 9-а класс, МОУ «Шуйская СО школа», Междуреченский р-н;

3 место – Шунина Елена – 7-б класс, МОУ «СО школа №26», г. Вологда.

Поощрительные призы:

а) Брюшинин Илья – 1 класс, Суховерковская библиотека, Кирилловский р-н. – Самый младший участник конкурса (приз получила мама);

б) Самарин Александр – МОУ «Вохтожская СО школа №2», Грязовецкий р-н;

в) Кораблёва Дарья – МОУ «Вохтожская СО школа №2» Ю Грязовецкий р-н;

г) Проничев Николай Васильевич – село Липин Бор, Вашкинский р-н. – Ветеран Великой Отечественной войны.

В номинации «Чтение и чтиво» приняли участие 84 работы. Итоги проводились отдельно среди взрослых и школьников.

Среди школьников:

1 место – Смирнова Дарья – 9 класс, МОУ «СО школа №5», г. Вологда;

1 место – Бакаева Ксения, Прокудина Ольга – 9 класс, МОУ «СО школа №5», г. Вологда;

2 место – Разгонова Елена – 11 класс; МОУ «СО школа №8», г. Вологда;

2 место – Попов Сергей – 9 класс, МОУ «СО школа №16», г. Вологда;

3 место – Лушникова Наталья – 9 класс, ГОУ «Детский дом №1», г. Вологда;

3 место – Гришина Мария – МОУ «Пяжелская СО школа», Бабаевский р-н.

Среди взрослых:

1 место – Соболева Регина Олеговна – г. Вологда;

2 место – Писарчик Нина Викторовна – г. Вологда;

2 место – Веселова Нина Павловна – Костромская область;

3 место – Безнина Елизавета Михайловна – г. Вологда;

3 место – Астафьева Анастасия Викторовна – г. Санкт-Петербург.

Поощрительные призы:

а) Халвицкая Аксана – г. Вологда;

б) Малозёмов Юрий Полиэктович – г. Вологда;

в) Щекина Галина Александровна – г. Вологда.
irgrid@inbox.ru

Владислав Шапкин, Ярославль

Из Вологды с книгами

Предпоследняя суббота мая ознаменовалась плодотворным визитом в Ярославль известного прозаика из Вологды, координатора нескольких литературных проектов Галины Александровны Щекиной. Устроителями ее творческого вечера, состоявшегося в Центральной городской библиотеке им. М.Ю. Лермонтова, выступили организатор традиционных встреч с читателями И.Х. Шихваргер и молодой прозаик и литературный критик А.Д. Коврайский.

Вот уже более двадцати лет Галина Александровна активно содействует развитию вологодской литературы. Руководимая ею студия «Лист», отметившая в сентябре 2009 года шестилетие, играет важную роль в становле-

нии молодых поэтов, прозаиков, драматургов, критиков. Здесь не только учат азам писательского мастерства, но и прививают навыки вдумчивого анализа художественных произведений.

Среди воспитанников студии есть те, кто уже завоевал признание на региональном и общероссийском уровне. Так, совсем недавно в московском издательстве «Воймега» вышла скромная, но представительная книга стихов Наты Сучковой «Лирический герой». «Птенцы гнезда» Галины не раз становились финалистами общероссийских литературных конкурсов «Дебют» и «Илья-премия», лауреатами различных поэтических фестивалей, в том числе ярославских «Логорифм».

Будучи членом Союза российских писателей, Щекина всячески поддерживает начинания талантливых ребят. При ее деятельном участии студийцы издают журнал «Листва», на страницах которого представлены и любовная лирика, и остросоциальная проза, и философская эссеистика.

Для авторов, умудренных жизненным опытом, Галина Александровна также является грамотным наставником и помощником. Она ведет «взрослую» литературную студию «Ступени», на собственные средства выпускает областную литературную журнал «У» – правопреемник «Свечи», которая «сияла» на протяжении пятнадцати лет, во многом благодаря ее неиссякаемому энтузиазму.

Остается только удивляться, как при столь бешеном ритме жизни Галина Александровна находит время и для собственного творчества! Причем каждое ее произведение пользуется заметным читательским успехом, а роман «Графоманка» в 2008 году был включен в «короткий список» национальной премии «Русский Букер».

...По завершении оживленной беседы Галина Александровна призналась, что в лице ярославских любителей словесности обрела новых друзей и непременно еще не раз посетит наш гостеприимный город. Будем ждать!
kovrayskiy@mail.

**НОВОСТИ ВОЛОГОДСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО САЛОНА
«НОВЫЙ ДИОГЕН»:**

Тамара Сизова

**Шестнадцатый «Диоген» –
интересные тенденции**

Первая тенденция – все больше становится иногородних поэтов, то есть, клуб стал межрегиональным. Надежда Кудричева из Ярославля привезла нового талантливого

человечка с кудрявой шевелюрой – это Никита Титаренко. Правда, он слишком часто упоминает Бога всуе, и это бестактно. Но есть в нем простодушие неопита, это трогательно. Надя, как всегда, поразила потоком света. Не знаю более позитивных и добрых текстов.

Вторая тенденция – это широкая дорога молодым. Вот Сюткин стал таким примером.

Третья тенденция – это уже фишки Памятова, узнавание поэта. Тоже позитив. Может и смешно, но я бы ему посоветовала уже брать поэтов местных. В этом есть намек и смысл глубокий.

Теперь замечания: Таюшева считаю по-этом, в первую очередь, и во вторую – бардом. Дворовые песни на Салоне не понравились. Какой же это Салон тогда? Завалинка, вызов вкусам... Сам образ «андрей-таюшевский», с его седеющей благородной головой, взором с поволокой, предполагает романтику, которая была успешно разрушена. Тот же самый момент у Лунева: поэтически и литературно он показался мне сильнее, чем с музыкой. Впечатление осложнилось тем, что Лунев (Санкт-Петербург) в некоторые моменты очень уж БГ напоминает по интонации. Купленный диск оказался бестолков, начинается с ускоренных кадров – пустых информационно и без музыки, а видео довольно некачественно записано. Хотя человек, поэтически восходящий чуть ли не к китайской поэзии, меня приятно поразило, он очень интересен.

Джем сам по себе приучает запоминать имена. А на этот раз Джем закончился удивительно – группой «Облако Рай», у кого музыкальные хитросплетения «сошлись в экстазе». Когда люди играют ради удовольствия, забывая о сцене, это и есть праздник, без толпы и пошла, праздник духа. И, столь злящий меня громким аккомпанементом, Мориссон вдруг предстал красивой стороной. Бывает же такое...

tat-ark@yandex.ru

Татьяна Снежина

Хороший, добрый праздник

(О двадцатом собрании «Диогена»)

Начало вечера было очень захватывающим, тут, наверняка, меня поддержат все, лицезревшие Дениса Романенко, его эффектный выход. Денис Романенко! Больше даже и говорить ничего не нужно, правда, мне кажется, выступление было порой, особенно ближе к окончанию, монотонным, из-за чего внимание зала рассеивалось. Но! В любом случае, артистичный Денис запомнился нам надолго.

Раз уж речь зашла о памяти, то нельзя не отметить Елену Волкову. Её «лёгкая, эротическая» проза еще больше подогрела атмосферу в зале. Было интересно наблюдать, как текст, по словам автора, написанный много лет назад, вызвал бурное оживление среди присутствующих.

В течение вечера я мысленно вручала выступающим авторам кубки за маленькие достижения в различных номинациях. Самым эмоциональным чтением порадовал Павел Тимофеев. Он, как всегда, ярко, полон различных интонаций и жестикующий. Самым сдержанным участником вечера можно, по праву, назвать Наталию Боеву. Сдержанно прочитывала текст, сдержанно опускала взгляд, иногда вслед за ним немного наклоняя голову, этим обозначая конец произведения, и так же сдержанно возвращалась в зал. Наличие в программе столь различных типажей, каждый из которых хорош по-своему, сделало мероприятие еще интересней.

Нам обещали сюрпризы. Их было много. Настоящими же сюрпризами стали гости из других городов. Очень похвально, что «Новый Диоген» не ограничивается Вологодой и даже Вологодской областью. Хочется отметить женский вокал. Исполнительницы были великолепны. Звуки гитар и их чистые голоса хотелось слушать ещё и ещё. Мне особенно понравилась Оля Кашинцева выбором песен, произведения были не похожи друг на друга, что несомненный плюс.

Еще несколько слов о музыке. Музыкальная импровизация. Никто не сомневается, что инструменты находились в руках настоящих профессионалов, но, как известно, лучший экспромт тот, который приготовлен заранее. Очень проигрышно смотрелись выступления, начинавшиеся с вопросов «У тебя что?» или «Как?», особенно неудачно те, где звучал ответ «Подстроись». Я считаю, что на эти организационные мелочи можно было потратить две-три минуты до начала мероприятия и согласовать с авторами выбор музыкального сопровождения.

Милые организаторы, вечер был насыщен чудесными произведениями, зачем же вы убрали бисовку? Особенно после того, что вначале нам её обещали. Поверьте, среди выступающих были достойные выйти ещё раз по просьбам зрителей.

Хороший, добрый праздник на двадцатом собрании удался! Пусть и случались маленькие заминки, но они быстро забывались, когда очередной талантливый человек знакомил нас со своими творениями, получая в награду благодарные аплодисменты.

tat-snezhina@yandex.ru

Artvologda.Ru

Лауреаты «Большой книги» расшевелили Вологду

В зале «Центра чтения» 26 августа от публики было яблоку упасть негде. А перед залом — два ярких представителя русской литературы. Западный образец в виде веселого уважаемого Михаила Шишкина (живет в Швейцарии) и российский под видом грустно-худого и драматичного Александра Кабакова (живет в Москве). Знакомство с такими людьми меняет отношение читателя к литературе.

Департамент культуры и Вологодская областная библиотека раскланиваются в реверансах, ясно — официальная литература, осененная государством. Кого попало осенять не будут. А что делать людям, которые не читали прославленных романов? Когда насаждают сверху, вообще читать не хочется.

Самые официальные речи сказали Елена Шубина, главный редактор «Современной русской прозы» издательства «АСТ», литературовед, член жюри Национальной литературной премии «Большая книга», и Мария Веденяпина, генеральный директор Некоммерческого Фонда поддержки книгоиздания, образования и новых информационных технологий «Пушкинская библиотека». Они дали понятие о смысле своей работы — все это внушительно, но слушать скучно. Премия «Большая книга» (www.bigbook.ru), оказывается, крупнейшая в России и вторая в мире по размеру призового фонда (5,5 млн. руб.) после Нобелевской премии по литературе. Учредил ее Центр поддержки отечественной словесности в ноябре 2005 года. Но это же интересно только тем, кто ее получил...

Беседа с писателями потекла живее. Михаил Шишкин расшевелил народ рассказом о том, почему он очутился за границей — не из-за политики или работы, а просто надо было жене рожать в нормальных условиях... Ну, потом он отщутился от вопроса — как относится к критике. Сначала читал. Потом, после одного памятного пасквиля, поручил человеку отслеживать. И тот отслеживает и дает Шишкину читать, если положительные отзывы. Отрицательные не дает.

М. Шишкин — лауреат премии «Национальный бестселлер» 2005 года, премии «Русский Букер» 2000 года, Национальной литературной премии «Большая книга» 2006 года (за роман «Венерин волос»). Автор романов «Все ожидает одна ночь», «Взятие Измаила», литературно-исторического путеводителя «Русская Швейцария». Автор же настолько обаятельный, раскованный!

Александра Кабакова читатели начали спрашивать о каких-то социальных проблемах. Тот разгорячился, мол, вы забыли прошлое, а я помню, что мы не обеднели сегодня, а всегда были нищими, и вчера, и сегодня. Разговор, было, ушел в сторону, но тут подбросили вопрос писателям об авторитетах, и сразу стало в сто раз интереснее.

Кабаков любит русскую классику: «Герой нашего времени» М. Лермонтова лежит рядом с диваном. Отцом литературным считает Юрия Трифонова, дружил с Василием Аксеновым. Шишкин читает не только классику, но и авангард, любит Сашу Соколова, его «Школу для дураков».

Читатель привык, что все романы автор списывает с себя. Но, на вопрос, что именно от автора досталось герою книги «Беглец. Дневник неизвестного», Кабаков сходу откликнулся: «Что вы, ничего похожего!». Он лауреат Национальной литературной премии «Большая книга» за роман «Всё поправимо» (2006 г.). Выпустил более десятка книг: «Невозвращенец», «Похождения настоящего мужчины в Москве и других невероятных местах», роман «Беглец». Дневник неизвестного», цикл рассказов «Московские сказки», повесть «Дом моделей». По произведениям А.А. Кабакова сняты фильмы «Десять лет без права переписки» (Режиссёр В. Наумов, 1990) и «Невозвращенец» (Режиссёр С. Снежкин, 1991). Председатель жюри премии «Русский Букер» — 2006.

После встречи публика окружила гостей и культурно брала автографы.

Книги были дорогие, 400 рублей и выше. А как иначе доказать, что на такой высокой встрече побывали! Зачем «Большая книга» поехала в провинцию? Уже восемь регионов объехали! Ради просвещения. Новые имена прозвучали. Многие ушли в приподнятом настроении. Была гордость за державу. Не только. Хотелось прийти и сразу написать что-то новое. Энергетика летала по залу, несмотря на плохую акустику и забывчивость Кабакова, который ронял микрофон ниже и ниже. Но литература хочет и может вернуть молодых читателей, которых на вечере было много.

artvologda@gmail.com

У: ЧТЕНИЕ И ЧТИВО

Галина Щекина

Семинары по критике в студии «Лист»

(Хроника)

17 января
Активизация критики – это ступение литературной атмосферы, привлечение широкого внимания к авторам и их книгам. Но для того, чтобы молодежь охотней включалась в комментирование литературных событий, решено было провести несколько семинаров на тему критики. Итак, речь шла о критике. Прозвучало вводное слово.

Персоны современной критики – Игорь Шайтанов, Андрей Немзер.

Шайтанов – вологжанин, ныне москвич, профессор литературы, редактор «Вопросов литературы» и основной «мотор» проектов «Открытая трибуна» и «Вологодские пенаты». Пишет о поэзии, его большой труд – книга «Дело вкуса». Немзер – москвич, автор много-многого «Дневника читателя».

Поэтому сначала читали Кушнера и Бородинскую вокруг, потом Немзера о них. Реплики: критика касается лишь одной стороны, или темы, или аспекта. Критика – вещь, в основном, очень избирательная и точечная.

24 января.
Мой рассказ о семинаре в Булгаковском Доме в Москве. Эта рискованная авантюра описана в ЖЖ. Меня поразили многие вещи на семинаре «Октября». Редактор Барметова спрашивала у гостей мнение о журнале – но ответов не было, и тогда она стала язвить – куда же вы идете, не пытаетесь узнать лицо – формат издания. Я захотела от страха тут же удрать. Правила игры надо объявлять заранее.

Редактор ушла, остались зав отделом прозы и зав отделом критики. Вела семинар критик Валерия Пустовая, ибо соведущий был, видимо, пьян.

Мне было ее жалко – она барахталась в море неизвестности. Хотелось ей помочь, тем более, что я много рукописей прочла. Это был эксперимент – что скажут семинаристы, а они-то пришли слушать о себе... Редакцию не поймешь – то они уже выбрали группу и составили мнение, то они послушают нас... Было очень скользкое положение. Разбирать того, кого выкрикнули – несправедливо. Меня выкрикнула незнакомая девушка Женя... Я ей благодарна.

Если они не хотели обсуждать всех, так надо было повесить список. Зачем авторы сюда ехали и шли, если их не отобрали?

Василенко не высказывалась, а ее мнение меня, как раз, волновало больше всех. Все-таки это очень обидно. Я столько прочтала текстов, это было подсказкой. Мне, кроме Пустовой, понравились реплики Дорофеева. Пожалуй, еще трем человекам хочу написать.

Организация, увы, ужасная. В журнал так и не попала. Больше не поеду. Да они только делают вид, на самом деле им никто не нужен. Тогда зачем делать вид? Сама провожу семинары иначе. Заранее говорю, кого обсуждать. Втягивать людей в разговор – одно из условий. И второе – нужен результат, публикация. Иначе все разговоры теряют смысл.

Мария Суворова: «Рассказ о семинаре в Булгаковском Доме показал студийцам, что нужно быть активными в обсуждениях, не бояться высказывать свое великое мнение. Главное, забыть о пафосе собственных речей».

31 января
Мы говорили сначала о видах критики, о ее задачах в общем виде. Потом разбирали, чем отличается критика от отзыва, какие у не параметры. Писали критику на поэта Панкина (который приезжал на встречу!). Потом перешли к персонам русской современной критики. На группе ЛИСТ Соболева развилась дискуссия по статье «злого» критика Топорова – студийцы в ней вообще не участвовали. Шайтанов, Немзер – о них отдельно поговорили. Было задано, чтобы каждый принес сообщение хотя бы по одной персоне. Лично я принесла тексты про критика Данилу Давыдова, который признан лучшим критиком поэзии по итогам 2009 года. У него и книга новая вышла – «Контексты и мифы». Сообщение это можно увидеть здесь <http://proza.ru/2010/02/01/535>.

Приведен пример конкретных работ Давыдова – о семитомнике Айги и о поэте Тимофеевском. Но для идеального восприятия необходимо знать первоисточник. В этом заключается трудность изучения любых критических текстов.

Интересно говорил С. Фаустов об истории вопроса, откуда появилась его книга критических эссе «Харизма вологодской литературы». А именно – после Ярославля – в 1996 году и появления нового Союза началась в СМИ травля Щекиной, и он заинтересовался авторами новой литературной волны. Рассматриваемые тексты он не делит на прозу и поэзию, но все же предпочитает поэзию, так как она более динамично развивается, она более наглядна.

О современной критике он сказал, что она порой сводится к сочинению концепции, а стихи пристегиваются как иллюстрации. Взгляд на критику самого критика Фаустова постоянно меняется: то он говорит, что критика более

не нужна, неконструктивна, действенна только, как похвала автору, то говорит, что критика выходит на новую ступень.

Сергей Фаустов: «Картина сегодняшнего литературного мира не воспринимается. Попытка очертить картину обнаруживает, что самое главное находится за границами картины» (из книги «Гипотеза поэзии»). Это по поводу любого критика, в том числе и Д. Давыдова.

Поэт Игорь Волков тоже вклинился в разговор о критике, относительно бумажной и сетевой литературы. Он читал любопытный цикл стихов – «географический», все было так экзотично и гармонично, никакого негатива, навязшего уже в зубах бедных читателей.

Я приводила примеры критики, как инструмента продвижения автора к профессионализму. Один из примеров действенности критики – удачная рецензия Нины Писарчик на роман Е. Колядиной «Цветочный крест» – сразу же публикация главы из произведения в альманахе «Аргатак. Татарстан» (вместе с рецензией), целиком романа – в журнале «Вологодская литература» №7 (2010). И номинация романа на «Русский Букер» – 2010 (шорт-лист).

В Вологде не первый год проходит конкурс рецензий «Вологда читающая». Конкурс «Чтение и чтиво» для пишущих авторов ВОСРП проводился два раза, на третий удалось встроить его в большой областной конкурс «Вологда читающая» отдельной номинацией. В числе тех, кто прислал тексты на эту номинацию, были и студийцы «Листа», некоторые из них стали победителями и областного конкурса.

galera50@gmail.com

Регина Соболева, Вологда - Москва

Концепт мифопоэтики этого века в прозе Татьяны Ржанниковой

Ржанникова Татьяна

Сновидящие

(Короткая проза). – М.: Издательское
содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2009

Литераторы любят рассуждать о поэтах-прозаиках. Якобы есть неизгладимая связь. У поэтов проза стихотворная, ритмическая, убаюкивающая. Стихи в прозе. Проза в стихах. Диалектика. Чушь!..

Во-первых, всякое творчество изначально эклектично. В прозе есть своя поэзия. А в поэзии – своя проза. Иначе не было бы гомеровских одиссей, ведических книг, скандинавских, древнеславянских, европейских героических саг и тому подобных точек отсчета. Неотделима

была словесная гармония от музыки слова и правды или неправды жизни. И не надо орать о том, что драконов не было. Вы не можете знать наверняка.

Во-вторых, и критериев разграничения, четкой позиции, по невозможности того или иного поэтического жеста в прозе, попросту нет. Да и в современной литературе современные любители повыпендриваться пишут только стихами в прозе и прозой в стихах, что бы это ни означало. Либо это лень, либо гордыня. В любом случае, рассуждения о поэтах, не могущих превзойти поэзию, не корректны.

Недавно взяла в руки Тургенева. Читала с десятком его повестей. Терпеть не могу его манеру повествования. Но еще больше не люблю его стихотворений в прозе. Они кощунственно бездарны, искусственны и лицемерны. Все у него там напоено актерством. Это к вопросу о том, что в семьдесят лет (особенно, если ты всего лишь мужчина) начинать писать стихи откровенно поздно. У этого прозаика с тридцатилетним стажем эмоции были выжжены схемами, концепциями и конструкциями. Тургенев тщился написать что-то более концентрированное, чем все писанное им до этого (вовлекающее и направляющее читателя за счет сюжета, который одновременно и усложнял, и утяжелял вещь) – он искал в слове смысла. И ошибся со временем. Получались остаточные выжимки из уже выжатого винограда. Потому что, откуда было и брать-то настоящее, большое, трепещущее (это к вопросу о важности биографии того или иного автора относительно к его творчеству)? Тогда, в девятнадцатом веке, Тургенев был автором социальных повестей, самым злободневным борзописцем из всех известных, но Тургенев не был автором стихотворений в прозе. Просто потому, что об этом факте никто не знал. Этот факт никого не интересовал. Время было другое. Время реализма. Некрасовское время.

Теперь же, как я говорю не в первый раз, настало время мифопоэтики. В сей термин я включаю поэтические и прозаические произведения, которые в медитативной и магической форме излагают концепции сверхидеи (в высоком понимании, конечно) – этаким легенды, мифы, сказки для взрослых среднего возраста и малого ума.

Возможно, путь этот зачал Бродский своими венецианскими эссе и поэмами. Возможно, еще раньше, Андрей Белый – «Серебряным голубем». Или, позже, Иван Вырыпаев – «Кислородом». Можно называть много имен. В России – с начала двадцатого века. В Европе – с конца девятнадцатого. Но суть такова – все мы, люди пишущие и осмысляющие, ищем концентрацию духа в образе. И никто еще ничего не смог придумать лучше мифического образа, сказочного... В широком смысле этого слова.

Проза Татьяны Ржанниковой именно потому выгодно смотрится на фоне стихотворений в прозе Тургенева, что не идет наперекор времени, а потому она искренняя вполне. Старухи, сновидцы, поэты, музыканты – герои ее прозаических прозрений – безмянны часто и часто типичны (типичностью, что выше реалистического понимания этого термина). Эти люди – уже сами по себе концентрация идеи!

Книга «Сновидящие» концептуальна, ибо герои произведений Татьяны Ржанниковой действительно могут похвастаться тем, что живут и видят сны, что одареннее жизни. От каждого рассказа, от каждой миниатюры создается одно впечатление – убаюкивающей мелодии. Вся словесная паутина – напев. Именно поэтому – лексическая избыточность. Ведь необходимо же как-то оплести человека магическими формулами, заклинаниями, заставить даже во время чтения прикрыть глаза на миг. Каждая строчка бьет в цель. Именно так – да! – действительно, явь неотличима порою от сна. А в существовании многих из нас явь есть сон. Эти параллельные пересекаются безбожно. Нам кажется, что мы видим себя со стороны. Мы апатичны и ленивы. Перед нами проносится время так, будто оно – загнанная лошадь.

Здесь концептуализм сопрягается с мифопоэтикой лишь для того, чтобы в иносказательной форме объяснить механизм погружения в сон-жизнь, из которого так неохота выкарабкиваться.

Пройдемся по композиционной нитке книги.

Первая часть книги мне кажется более ранней. В ней нет вещности, практически отсутствуют детали, герои ходульны (не в театральном понимании), абстрактны, сонливы, как сами произведения. Это – символистские эссе. Часто от них остается ощущение незавершенности. Обрывочность будто заставляет нас искать ответы в себе и удивляться тому, что их нет. Образы расплывчатые, но в то же время... До рассказа «Челаэк», по которому я хочу провести своеобразный водораздел книги, образы мешаются в один ком сна. Действительно, напоминают сон. Да и автор сам признавался, что видел эти рассказы во сне. Следовательно, и разбирать их следует на каком-то ином, психологическом уровне. Для подобного разбора потребуется хорошее знание биографии Татьяны Ржанниковой, также как и ее подсознательных страстей и страхов. Это стало бы интереснейшим экспериментом по анализу того, что всегда должно оставаться сокрытым (дабы не нарушать ощущения высоты духа и прекрасного). Но не будем об этом. Сие – не наша область. Могу сказать только, как человек посторонний, что не всегда эти полусны-рассказы захватывают меня, как читателя. Честно признаюсь, парочку мест я все же пропустила. Тем не менее – атмосфера есть. Тяжелый глубокий запутанный сон о сне, о другой реальности. Фактически о неудовлетворенности геро-

ев своим миром. Так начинается шизофрения и наркомания. Так начинается сон, из которого не хочется выбираться. Та сторона луны, души, мышления.

Практически – Метерлинк. Концентрированный и краткий Кафка. Опять же венецианский Томас Манн. Антисоциальный Платонов. Двигайтесь ассоциативно – не прогадаете. Если, конечно, вы в достаточной мере сумасшедший.

Вторая часть книги, начинающаяся рассказом «Челаэк», тематически все там же. О маргинальности потустороннего поет автор. И это ему чертовски хорошо удается. Здесь реалистические вещи соседствуют с новейшими мифами («Деревянный человек»), не скрывающими себя. Впервые, по прочтении, кажется, что это откуда-то из легендарных сказаний североамериканских индейцев (анимализм, тотемизм и одухотворение всего сущего) – так глубоко в человеческую душу может заглянуть только Человек. Это уже – историческое прошлое, в человеческом настоящем воплотившееся. Мифопоэтика творчества в действии. Еще глубже в подсознание – и вот уже ты сам плюешь себе в лицо, проходя мимо («Селетка»). Только момент писания (возможно, моментами бесконтрольный) способен на такой эффект. Тут чем меньше правки – тем лучше. Так зачем же в это плетение вставлены такие циничные вещи, как «Чтобы не растерять» или «Мыльный пузырь»? Затем, чтобы «Хозяева» и «Какие у него глаза?» выглядели органичной. Все стороны человеческого лицедейства описаны емко, напевно. Читатель видит работу духа и пера. Возможно, это что-то отрицательное. Но меня лично в моменты чтения накрывала волна приятия. Добрые люди, злые люди. С одинаковой, в сущности, проблемой, с одинаковой мыслью, с одинаковым стремлением к счастью. Глупо? По-женски? Возможно. Но – сверхреалистично (то есть, это повествование заключает в себе зерно, которое чище и выше реализма, как такового). Но – концептуально. Но – идейно. Человек – сам себе миф и Бог. Сам в себе счастье и несчастье, добро и зло.

Что же еще в книге было заложено – это уже дело психически здоровых читателей – разбирать. Я разбираться не намерена. Мне страшно понять, что я тоже всего лишь сплю.
gorodumirgu@mail.ru

Нина Писарчик

Занимательное краеведение

Павла Шабанова

Шабанов Павел. История города Вологды. Черное зеркало. – Вологда, Полиграфист, 2008.
Шабанов Павел. Заболотье. – Вологда, ООО «Полиграф-Книга», 2009.

А начиналось так: некий журнал в Интернете заказал мне статью о писателе-мистике, любом, на мой выбор, и я с лёгкостью согласилась. На слуху была книга Стефании Майер «Сумерки», а на виду – одноимённый фильм. Заручившись восторженными отзывами о фильме, рискнула посмотреть несколько кадров из него и поняла – очередная сказочка о неземной любви, а мистика – для «разогрева». Читать вещь на предмет критики расхотелось.

Спасать тему был призван вологодский литератор и журналист Павел Шабанов. Кто, как не Шабанов, пишет о привидениях, гуляющих по нашим улицам, да так материал подаёт, будто лично с ними встречался и чуть ли не раскланивался!.. Правда, молодая его коллега по журналистскому цеху заявила полувосхищённо – полупрезрительно: «Да какой он мистик? – Он сказочник!..». Но, книги Шабанова были уже на моём столе...

Павел Петрович Шабанов – личность в Вологде известная. Кто не встречал на многих культурных и особенно литературных тусовках видного мужчину средних лет, одетого неизменно в камуфляжную форму и берет, опирающегося на палку?.. Особенно камуфляжной выглядит эта палка, словно атрибут Воланда, – кажется, вот сейчас, за ненадобностью, хозяин отбросит её и побежит по своим таинственным делам. Хотя, внешней суетливостью наш герой не отличается, напротив, полон достоинства и всегда загадочно молчалив. Притом с затаённой усмешкой и заметным любопытством вглядывается в мир светлыми глазами, – детали немаловажные в этом портрете.

Теперь к литературе. Издаются автором книги, можно сказать, ежегодно: «Как пройти в библиотеку Ивана Грозного?» (2005 г.), «Легенда о Белоризцах» (2006 г.), «Настоящий Дед Мороз» (2007 г.), «История города Вологды. Чёрное зеркало» (2008 г.), «Заболотье» (2009 г.) – все в местном издательстве, официально, с ISBN (своеобразным «знаком качества»), на хорошей бумаге и в переплётах, что подтверждает догадки – человек он не простой, а пользующийся уважением людей влиятельных. Что и следует из содержания его произведений, где автор, рассказывая о событиях от первого лица, причисляет себя к лику таинственной организации, по образу «вольных каменищиков», пекущейся о всеобщем благе. «Заболотье» – Святая Русь, ушедшая в подполье, в параллельный мир, но исподволь влияющая на земные дела. Вековая мечта о справедливой власти!..

Должна сказать, что манера вести рассказ от первого лица характерна для Павла Шабанова, и эта журналистская привычка очень органична во всех его произведениях. Присутствие автора, как главного действующего

лица или же комментатора «за кадром», придаёт описанным событиям и явлениям ощущение правдивости, хотя бы правдоподобия. Рассказ о реальной службе охранником перетекает в воспоминания о боевом прошлом – в экзотических местах и с нехилыми ребятами – с таким знанием военного дела, что читатель склоняется к мысли о былом, а не былинном. Правда жизни в книгах Шабанова должна бы противоречить сказочности, в которой уличают автора. Правдоподобие произведений Павла Шабанова держится на том, что он создаёт у читателя иллюзию автобиографичности произведения. Как только читатель покупается на доверительный тон автора и увлекается коллизиями его непростой жизни, тут его, читателя, заводят в такие дебри то ли правды, то ли вымысла, из которых он выбирается на свет Божий совершенно ошеломлённым, так реалистично претворены автором в жизнь все легенды и мифы Вологодчины. Есть подозрение, что автором же и произведены на свет многие из этих легенд и мифов. Или доммыслены. Или раскручены.

Так сказочник ли автор? Или ловкий мистификатор, потакающий людскому любопытству к «загадкам» и «тайнам»? А попробуйте-ка сами спросить у него, существует ли на самом деле «чёрное зеркало»? Я таки решилась поинтересоваться, очень уж убедительным выглядит повествование, и герои – известные всем люди. Но Павел свет Петрович так хмыкнул, что я почувствовала неловкость – и как поверившая, и как не поверившая...

Итак, в руках у меня две последние книги Павла Петровича Шабанова.

Павлом Петровичем звали и Бажова. Так вот кого напоминает мне П. П. Шабанов!.. Но, произведения Бажова зовутся «сказками», не «сказками», в основе их – реальная жизнь, а герои – работавшие «по горному делу» мастера-резчики и прочий приисковский люд. Наслоение автором местных горняцких легенд на реальную, «жизненную» основу сделало славу сказочника Павлу Бажову. То же и в нашем случае: писатель тире журналист Павел Шабанов, углублённо знающий реальную жизнь, оснащает её «сказочными» деталями, используя мифологию своего края. Но, ни «сказками», ни «сказками» его произведения не назовёшь. Книги его написаны, скорее, в манере научной фантастики, хотя выглядят, как научно-популярная литература. Всегда привносится какая-то идея, авторская находка, которую он затем с успехом доказывает, приводя бесспорные и веские доводы, начиная от интуиции и логики и кончая именами учёных и перечислениями их публикаций.

Да, я готова поверить, что «русские вовсе не славяне», а нынешнее население русского Севера имеет предками угро-финнов, живших

здесь от начала истории, принявших Православие и ассимилировавших всех пришельцев за последующие века. До сих пор местные носят видовые черты: невысокий рост, светлые глаза, причём харовский тип не похож на белозерский или вытегорский. История моей семьи – подтверждение доказательств, приводимых Павлом Шабановым. Одна бабушка – из карел. Другая – с противоположного берега Онежского озера, её предками была «чудь белоглазая», как называли местных жителей новгородские славяне (словене), достигшие этих берегов. Из тех славян дед, – известно, что его отец был пришлым, чужеродным в этих местах, и роста он был высокого. Но никто из семьи не унаследовал его внешности: все в большой родне – невысокие, коренастые, светлоглазые и светловолосые, с характерными скулами. Так кого ассимилировал? Да, местные племена переняли (благодаря Православию) славянскую культуру и стали называться общим именем «русские», чему способствовали и многочисленные переписи, да и вся единая история государства. Вот язык – он самый верный свидетель, и то, что мы называем «диалектизмами», и было настоящим языком наших предков. «Ничего от славян в русских нет. Есть только околославянский русский язык, сложившийся в течение многих веков на основе церковнославянского языка». Но, когда же современная историческая наука согласится с неоспоримыми, казалось бы, фактами? А пока книги Павла Шабанова считаются «научной фантастикой», а сам он – «сказочником». Хотя между ним и сказочником Павлом Бажовым – огромная пропасть. Бажов был претворял в «сказ», в мифологию. Шабанов же превращает мифы и предания в реальную, повседневную жизнь.

Есть, есть у писателя Шабанова авантюрная жилка!.. И влечение к детективному жанру, которое автор называет «историческим расследованием». Причём расследование начинается с развенчания устоявшихся стереотипов: «Учебники истории пишут дебилы, а преподают по ним кретины». И всё бы ладно, читатель уже убеждён, и заморожен, и согласен с автором, что Ломоносов – внебрачный сын Петра Великого, а новгородские ушкуйники на самом-то деле были вологодскими и основали донское казачество, а воины древности могли преодолевать огромные расстояния не иначе, как способом телепортации, а древние восточные единоборства возникли именно на Руси и совершенствовались монахами-воинами... Но, тут-то и начинается чертовщина!.. «В общем... есть и такое явление, в котором Вологда, похоже, уникальна – привидение Сталина».

Не верить человеку, который на предыдущих двухстах семидесяти шести страницах «Истории города Вологды» – с цифрами, датами и документальными свидетельствами

– доказывал правоту собственных (и доказуемых!) версий? Или верить? «За долгие годы его видели множество людей, и мне известны, по крайней мере, два случая, когда милиционеры патрульно-постовой службы пытались проверить документы... В ответ на законное требование ... он подходил к скамейке возле дома (Дом-музей И. В. Сталина в Вологде) сел на неё и исчезал, причём в одном случае он медленно как бы растаял, и ещё несколько минут можно было видеть его силуэт и можно было разобрать, как он неспешно набивает трубку и закуривает, а во втором случае он просто исчез – вот, только что он был, а вот – пустая скамейка. И только раскрытая книга осталась лежать на скамейке...»

Комментировать как-то не хочется. Не мог же автор в третьей части книги – «Учебника для вологжан, желающих понять себя, и для приезжих, которые хотят понять вологжан» – скомпрометировать написанное в предыдущих двух частях – истинных «исторических раследованиях»!

Или вот рассказ «Старая мельница» – личный опыт автора, побывавшего в ином измерении, и «...остаётся лишь попытаться понять... меня ли занесло в век восемнадцатый, мельницу ли забросило в наше время? Бог весть...». Или легенда о «зеркале, показывающем будущее»... И, наконец, «Сиреневый туман» – убедительно и подробно рассказанная история о том, как автор не просто привидение видел, а беседовал с Константином Батюшковым посреди города Вологды, прямо на месте будущего памятника поэту, вскоре воздвигнутого...

Мистик ли Шабанов? Мне тут видится другое: автор не может не поставить на выигрышные номера, ибо «искусство репортёра – правильно исказить действительность» (фраза из Интернета). Павел Шабанов – прежде всего – журналист, публицист, недаром же его произведения прошли первоначальную «обкатку» на страницах прессы, в основном, еженедельника «Русский Север», где он работал ряд лет репортёром. Язык его произведений именно очерковый. Проблемный очерк – излюбленная форма произведений Павла Шабанова. Его романы и повести состоят из глав-очерков. Такое своеобразие стало авторским стилем. Обширные знания, разносторонние интересы, жизненный опыт, журналистская хватка, а ещё – авантюризм и склонность к мифотворчеству – все перечисленные качества писателя Павла Шабанова обогащают его произведения. Читать их ИНТЕРЕСНО.

И не мои ли это проблемы, если я искренне верю всей его «чертовщине»?! Я действительно хочу разобраться, сказочник он или мистик! И прихожу к выводу, что он журналист, увлечённый краеведением. Я рассуждаю с точки зрения читателя, а не взгляда на своего хоро-

шего знакомого. Я с ним, собственно, только в лицо знакома, а он со мной. Я исхожу именно из его текстов: они озадачивают и убеждают, тем не менее. Вы не поверите, но я пишу о нём именно в его тоне. Разве вы не чувствуете за-таённой усмешки в его текстах? Когда я читаю, невольно вхожу в атмосферу автора, настраиваюсь на его тон. Понимаете ли, я чувствую тона и полутона рассказчика – неважно, устно он говорит или письменно...

Надо знать, что на нынешнем рынке печатной продукции наибольшим спросом пользуются именно детективы, мистика и фантастика. Все три из востребованных литературных жанров задействованы в писательской кухне Шабанова. Можно бы и о конъюнктуре поговорить... Но, отличие-то Шабанова-писателя в его искреннем увлечении краеведением. И в умении рассказывать о своём увлечении занимательно. Так что спор: «мистик» он или «сказочник» – оказался совершенно бессмысленным.

nina.pisarchik@yandex.ru

Нина Веселова

Живу!

(О Ларисе Миллер)

/12/

Миллер Лариса. Потаенного смысла поимка. (Поэзия). – М. Время, 2010.

Миллер Лариса. Золотая симфония. (Эссе). – М. Время, 2008.

Несомненно, я счастливый человек – потому что в моей личной библиотеке есть книги Ларисы Миллер. Сейчас трудно представить, как бы я – без них. А ведь жила...

В сонме современных поэтических имён редко случается выделить близкий и понятный тебе голос. Нужно какое-то стечение обстоятельств, какой-то редкий миг, чтобы – обожгло и – навсегда.

Со мной это произошло в феврале 2006-го, когда «Литературная газета» подборкой стихов Ларисы Миллер предварила выход в свет в издательстве «Время» её сборника «Сто оттенков травы и воды». В моей жизни был тяжелейший период – всего месяц назад не стало мужа, и душа моя иступлённо искала, за что бы в этой жизни ухватиться. Как потом я прочитаю у Ларисы – «но в хаосе надо за что-то держаться». И негаданно случилось, что я ухватилась за протянутую, ею, руку.

Теперь, анализируя спасшие меня строки, я понимаю: они заново научали меня принимать тщетность бытия и радоваться каждому движению и оттенку жизни. «Помни, – сказали мне, – помни» всё, что было. Да, непререкаемо то, что все мы «плывём в сплошную темноту,

блаженно щурясь на свету». Да, у всех «душа в болящем теле бьётся», но – «не умираем никогда», потому как «Чьи-то лёгкие, лёгкие руки Приподнимут нас и понесут Над землёй, как хрустальный сосуд»... Мне спасительно представлялось, что вслед за почившим супругом моим все мы будем «и лелеемы, и спасены, В даль пресветлую унесены». И значит – разлука временна и не столь трагична. И мир не столь жесток и опасен – ведь все мы живём «у Господа в горсти», как в детстве на материнских руках...

Это Лариса Миллер снова вернула мне радость жизни и зоркость сердца. Я кожей осознала: «Но я живу, и, значит, можно Речной и хвойный воздух пить». Я обнаружила себя распластанной в густой траве рядом с «молящимся» кузнечиком и одновременно – вращающейся в бесконечности миров вместе с нашей тёплой планетой. И так тоже захотелось воскликнуть: «Как ты зовёшься, былинка моя?.. Дайте немного ещё поживу, Всех вас по имени я назову». А если временами и плакалось ещё, да и теперь – плачется, то я шепчу благодарно её слова: «Плачется мне. Хорошо нынче плачется»...

Те дни были прелюдией наших отношений. Вскоре в опубликованной тогда в «ЛГ» «колонке на троих» я, отвечая на вопросы издания, среди дорогих мне литературных имён назвала имя Ларисы Миллер. А потом случилось маленькое чудо: ко мне в тихую деревеньку неожиданно пришла от Ларисы бандеролька с названной книгой и словами благодарности за признание её таланта. Конечно же, я написала ей ответное письмо, а потом мы созванивались, а потом и встретились у неё в квартире в Тёплом Стане. И библиотечка книг от Ларисы стала у меня расти и расти.

В отдалённом пребывании от столиц мне ошибочно казалось, что серьёзных поэтических книг теперь не выпускают. Ведь поэзия Миллер – прежде всего поэзия философская, а кто ж сегодня у нас в государстве всерьёз задумывается над вечными темами? Превышне всего теперь экономика, финансы, а романы и прочая лирика – удел неустроенных, не вписавшихся в новые человеческие отношения. Хотя... Именно поэты никогда и не вписываются в любые нововведения и с болью оповещают мир о своих печальных предчувствиях.

Но, если кому-то близка, в таких случаях, лирика открыто гражданская, то Ларисе Миллер удаётся заставить звучать набатом обычные человеческие переживания. «Между облаком и ямой, Меж берёзой и осиной, Между жизнью лучшей самой И совсем невыносимой, Под высоким небосводом Непрестанные качели Между босховским уродом И весною Боттичелли».

Ранимая душа поэта не может не отзываться на неизбежные печали каждодневного су-

ществования. Потому естественно рождаются и строки социального звучания – вроде тех, о старике со старухой, которым дали золотую рыбку, «но зато ободрали как липку», ибо «спинка минтая Стоит дорого, как золотая». Однако такие стихи для Миллер не очень характерны.

Прослеживая её развитие по наиболее полному сборнику издательства «Время» «Где хорошо? Повсюду и нигде...», отмечаешь, как трудно обнаруживать истоки стихотворений, их бытовую платформу. И если иногда мы явно угадываем, что разлад в душе поэта, например, из-за боязни вынужденной эмиграции («Господи, не дай мне жить, взирая вчуже, Как чужие листья чуждым ветром кружит...»), то, чем дальше, тем глубже прячутся корни внутреннего смятения. В состоянии усталости, когда «В тягость шорох за спиной, В тягость крылья за спиной», оказывается проще уйти во внутреннюю, душевную эмиграцию, дабы ощутить себя вольной и свободной от всех земных пут, но – владеющей всей безграничностью миров.

Однако ощущение нашего бытия, как ни на миг не останавливающих своё колебание качелей, не покидает Ларису Миллер никогда. Ещё не успели мы вместе с ней насладиться цветением сирени, только-только «Разжала боль свои тиски, И я упала на траву, Беззвучно выдохнув: «Живу!...», – а душа уже рвётся в терзаниях по поводу невечности всего живого: «Жизнь уходит, а я не готова Отпустить её. Боже ты мой...».

«Поверь, возможны варианты», – говорят сегодня её строки, – «Мы не повязаны сюжетом», и вокруг – «Боже мой, какое счастье! Всё без моего участия – Ливень, ветры, и трава, И счастливые слова, Что в загадочном порядке Появляются в тетрадке». Вверившись Божественному началу жизни, Лариса, как и всякий творческий человек, ощущает внутренние силы и, указывая словом-перстом на величественность окружающего нас природного царства, учит читателя отыскивать эти силы в самом себе.

Но минует день или миг, и снова душит её внутреннее отчаяние, и не знает она – «...о чём говорить, чтобы не разрыдаться». Ведь «дни уходят в никуда». Ведь сегодня ей кажется, что «Земля – это гиблое место... Спасайся, кто может, беги, Покинув земные круги». Ведь «в этом лучшем из миров Мы наломали столько дров», что «помочь не в силах никому, Не в силах совершить полёт – Бескрылый ангел слёз льёт».

По её собственному признанию, одно из главных её желаний – желание «избавиться от себя», «выйти из судьбы», а «избавиться от себя невозможно без погружения в собственную душу». Именно поэзия является для Мил-

лер «крайней формой такого погружения, потому что «всё, от чего хочется бежать подальше, становится материалом, сырьём, глиной». Стихи, которые «лепятся» из этого сырья, помогают ей избавиться от духовных недугов.

Излечивая себя, она лечит и читателя. «Миру всякая смерть, Что слону дробина», «Бьёшься рыбой в сети – Бейся, ради Бога. Тянет вовсе уйти – Скатертью дорога». Собеседник подводится к мысли, что не стоит ждать от людей и от мира участия в твоей судьбе, никто не обязан ни с кем нянчиться. Взрослость в том, чтобы понять: мы должны самостоятельно выстраивать свои отношения с действительностью и с Богом и сознавать своё высокое предназначение.

По убеждению Ларисы, человек силён тогда, когда общается с окружающим миром на духовном уровне, одновременно признавая божественность всякой твари и былинки. Тогда и бытовые тяготы и испытания – неизбежные в любые века и при любом общественном устройстве – не будут преобладать и позволят увидеть новый смысл в дарованных тебе днях.

Миллер не просто учит отыскивать счастье рядом с собой, открывать новые миры, не уезжая в далёкие страны. Она воспитывает в читателе потребность в гармонии, без которой не может жить сама:

«Чем выше энтропия, тем сильнее у меня потребность в гармонии. Я настолько боюсь хаоса, я настолько его чувствую в мире, вокруг... Стихотворение – это, как лодочка, на которой я должна удержаться. Гармония стиха, даже при трагическом его содержании, сама является спасательным кругом».

Не будь этого признания поэтессы, возможно, я долго терзалась быть загадкой её поэзии, полной внешнего пессимизма, но не оставляющей, однако, тягостного впечатления. Всякого живущего гнетёт сознание разрушительности времени, но редко кому удаётся разрабатывать эту тему столь откровенно и столь эффективно, неведомым образом примиряя непримиримое.

Разгадать загадку поэзии Ларисы Миллер помогают её проза и эссеистика, справедливо не оставленные без внимания издательством «Время». В книге «Золотая симфония» перед нами предстаёт девчонка, из-за войны лишившаяся «отца с музыкальными пальцами», девчонка, несущая по жизни комплекс того, что её некому защитить, усиленный и тем, что в школе её избивали за её еврейское происхождение; девчонка, выросшая в квартале трудяг-бедняков, знавших цену хлебу и человеческой чести, «косолапая цапля», бесперспективно мечтавшая стать балериной. Страница за страницей мы прослеживаем, как из неё рождается истинный поэт-философ, не теряющий, однако, детской веры в счастливое стечение

обстоятельств, при котором можно победить смерть и «любое единство, любая цельность, нарушенные однажды, могут восстановиться вновь». Именно этим – улавливанием, возрождением утраченных мгновений и покоряет, влечёт к себе её поэзия.

Есть у неё своя особенность – приметы жизни в ней почти обезличены, лишены деталей, являют собой как бы образ вещи или события, а не их плоть. Лариса признаётся в интервью:

«Я нигде не могу спрятаться от ощущения бесконечности времени. Поэтому моя поэзия почти за чертой бедности. Я была бы счастлива – уйти в какую-то конкретность – не могу. Я всё время остаюсь наедине с пространством... Я всё время чувствую, что нахожусь на грани выпадения в космос. Самое сильное ощущение – бездны, которая буквально в двух шагах».

«Ты сброшен в пропасть – ты рождён. Ты ни к чему не пригвождён. Ты сброшен в пропасть, так лети. Лети, цепляясь по пути За край небесной синевы, За горсть желтеющей травы, За луч, что меркнет, помелькав, За чей-то локоть и рукав».

«У меня страстное желание во что-то спрятаться, – читаем ещё одно из сокровенных признаний поэтессы в интервью, опубликованном в книге «Где хорошо?...». – Я и в детстве не могла ни во что уткнуться. Я и тогда чувствовала, что жизнь очень легко может нарушиться». И нам становится ясно, где истоки стихотворения, начальная строка которого читается, как «Под небесами так страшно слоняться».

И чей «локоть и рукав» помогает Ларисе Миллер держаться на плаву в этой жизни, нам тоже становится благодарно понятно из её прозаических публикаций:

«Мне кажется, до него я жила так, будто стояла на скользком мшистом камне. Когда-то в детстве, живя на море, я очутилась далеко от берега на огромной черной камере. Камера спустила, и моей единственной опорой стал скользкий камень, покрытый мхом. Я стояла на цыпочках, высоко задрав подбородок, чтоб вода не затекала в рот. А мох шевелился и жил под моими ногами, и чудилось, что опора вот-вот исчезнет. Солнце слепило, от колеблющейся воды кружилась голова. Казалось, малейшее движение, и я захлебнусь, потеряю равновесие. Меня спасли, но ощущение, что стою невесть на чём и вот-вот упаду под воду, осталось, пока не появился он, ставший моим берегом, твердью, единственной незыблемостью на свете».

«Обними меня крепче за плечи. Мне не жить без тепла твоего Накануне не знаю чего»...

Сколько раз, перелистывая подаренные Ларисой книги, я ловила себя на полной невозможности выбрать для рецензии из стихотворных строчек некие единственные, «ударные», концентрирующие в себе всю её

поэтическую силу. И это оттого, что у неё все строки, мысли и чувства равновесны по наполненности и единственны в своём сочетании, у них нельзя позаимствовать частицу, не нарушив их целостности и не исказив содержания. И каждый стих – как новая планета с полным циклом жизни, дотошное всматривание в которую позволяет угадывать все прошлые и все будущие события. И каждый стих – как целая книга, роман.

А книга прозы при этом – как стих, от которого остаётся особое полифоническое звучание, возвращающее нас к поэтическим строкам и образам. Остаётся в памяти растущая горка оточенных воспитательницей карандашей, сохранившая «томление по сосредоточенной тишине, рождающей миры».

Остаётся музыка: «Так чудно находить нужные клавиши, нажимать и вдруг обнаруживать, как звуки, сцепляясь друг с другом, рождают нечто, отчего дух захватывает... Тайна. Тайна. Преддверие».

Остаётся миг обретения внутренней силы:

«Я вдруг поняла, что могу быть не хуже других. И даже лучше. Из унылых троечниц я выбилась в хорошистки, а потом – о чудо! – в отличницы. Как описать, что я чувствовала, когда всю дорогу из школы домой несла на вытянутых руках первую и последнюю в своей жизни похвальную грамоту!»

Остаётся миг слития душою с матерью: «Я водружаю на мамину голову свой увядший венчик, кормлю её усохшей земляничкой, осторожно снимая её с травинки, кладу ей на колени гербарий и внимательно слежу за её лицом. Не разочарована ли она?» И, ведущее по жизни, бабушкино – «А через не могу!». Всю жизнь, зарабатывающая на хлеб преподаванием английского языка, Лариса Миллер однажды обнаружила в себе «страсть, сопоставимую с желанием писать стихи». Это было жившее в ней с детства желание танцевать, двигаться. И мечта эта стала реальностью, когда она узнала об уникальной алексеевской гимнастике.

«Эта гимнастическая система подобна танцу, подобна театру одного актёра, в котором каждый играет для себя самого». Это движение, сближенное с музыкой, не механистичное, не стеснённое жёсткими нормами, как в балете, а такое, «которое доступно каждому и в котором нуждается не только тело, но и душа». Эта система рассчитана на тех, кто «любит движение, но не пригоден для профессионального спорта».

Увлёкшаяся этим и нашедшая в гимнастике упоение и полёт для души, Лариса и сама стала преподавать её и «сочинила более полусотни собственных упражнений-этюдов».

Читая об этом, я вдруг поняла, что и поэзия её в чём-то сродни этому чуду свободного движения под музыку. Ведь там, на занятиях, «за

часовой урок нас как бы демонтируют, чтобы потом собрать из более гибких и послушных частей».

Мне кажется, что точно так же и душа всякого, обратившегося к поэзии Ларисы Миллер, неизбежно претерпит над собой означенное и явится миру обновлённой и способной нести его тяготы легко и мудро.

kineya@yandex.ru

(Впервые опубликовано на странице ЖЖ издательства «ВРЕМЯ»)

Нина Веселова

Привет от Марфы

(Рецензия на повесть Галины Гордиенко «Не хочу быть ведьмой»)

Гордиенко Галина. Не хочу быть ведьмой. (Повесть). – М., АСТ, 2008

Мне довелось прочитать одно произведение Галины Гордиенко – повесть «Не хочу быть ведьмой». Начну с конца – с того, что оно всё-таки примирило меня с собою, хотя поначалу вызывало стойкое отторжение. И в причинах этого мне хотелось бы разобраться.

Первая, несомненно, в том, что я в принципе не люблю сочинений о школьниках. Однако по-настоящему захватывающее и профессионально написанное произведение почувствую сразу и могу им увлечься. Здесь же я пересиливала себя страницы до двадцатой, памятуя, что обещала сделать рецензию. Значит, чего-то не хватило мне для затравки, не зацепило в самом начале. И, полагаю, не только меня, а и других читателей. Мне кажется, автору стоило бы всерьёз поработать над начальными главами, над их языком и характерами персонажей. Повествование начинается с диалога, однако он не облегчает, а затрудняет нам вхождение в текст – ведь мы ещё не знакомы с героями, не знаем ни их возраста, ни проблем, а потому с трудом двигаемся вперед. Первые страницы более похожи не на литературу, а на «ширпотребный» сериальный сценарий, в котором все просто говорят и ходульно двигаются. Но в кино мы хотя бы сразу увидим персонажей, и многие вопросы снимутся, а тут... Вообще, подкупить можно искренностью, проникновением в душу героя, попыткой пробудить в нас к нему жалость, усмешку, теплоту. А для этого нужен эпизод, где мы слились бы с ним в чувствах. Однако до такого в повествовании оказывается очень и очень далеко. Вместо того, чтобы увидеть главную героиню в её детских «подвигах», мы вынуждены довольствоваться простым перечислением содеянного ею и на слово верить в авантюризм её характера. Мы вынуждены принять как данность характеры родителей,

даже если нам кажется, что все их поступки и реакции продиктованы единственным – авторской волей: как только они начинают мешаться, Гордиенко удаляет их с поля битвы. Но, когда к концу повести они по-настоящему не встревожены даже почти умирающей дочерью и оставляют её на попечение детей, доверие к сочинителю подрывается окончательно.

Даже мало зная прозу о подростках, я могу допустить, что того требует жанр: нужно дать простор для проявления детских характеров, а потому отодвинуть всё мешающее. Однако динамизм в развитии событий не помешает никогда. Вряд ли интересно даже школьникам читать описание потасовки в третьем классе – её лучше увидеть, если это на экране, или ограничиться парой фраз. Так же длинно и вяло двигается действие на уроке физкультуры, на который опоздали герои. Для глубины нашего сопереживания нужны не внешние детали событий, а оттенки чувств. С этим же у автора, повторюсь, не всегда порядок. Однако не хотелось бы спешить обвинять Галину Гордиенко в неумении воссоздавать желаемое. Станным образом где-то с половины повесть набирает обороты, обрастает мускулами, заставляет вжиться в действие. Не хочется гадать – автору самому известно, как писалась эта вещь, и почему мы видим такой результат. Но даже язык, безликий, почти канцелярский, газетно-случайный в первой трети сочинения, к концу вдруг становится выразительным и точным, не обескровливающим, а наоборот, оживляющим повесть. Так, если сначала были трафаретные «непослушная прядь», «искренняя заинтересованность», «безмятежный взгляд» и прочее, то в конце уже образные средства берут на себя психологическую функцию и рисуют нам ситуацию: «Его друг искательно улыбнулся и фальшиво забормотал».

Что касается замысла повести, то мне очень симпатично обращение к теме, которая может всерьёз заинтересовать всех. Колдовство, ведьмачество, экстрасенсы и прочее – всё это очень неоднозначные вещи, и их восприятие в детской среде не исследовано по-настоящему. Рассуждения героев о плюсах и минусах колдовства, о праве каждого на свою судьбу, без вмешательства извне, – страницы об этом одни из лучших в повести. Очень интересен образ вороны Марфы – вот уж чей характер предстаёт во всей красе! И самое интересное действие обнаруживается именно в тех эпизодах, где присутствует ворона.

Проявляется к концу и брат Тайки Ильи (в отличие от оставшейся безликой Риты). Вдруг становится живым персонажем Игорь, вместе с Ильей ездивший к светлой колдунье за зельем. Именно там, вдали от дома и школьных скучных дел, жизнь обретает истинные кра-

ски. Да и автор становится свободным в вольностях фантазии – брат Илья, спасший сестру, едва сам не попадает под бесовское действие мёртвой бабки-колдуньи. И уже грезится новый поворот темы, и уже кажется, что куда-то уведут нас за горизонт наших знаний... Увы. В столь интересной теме мы остаёмся на голодном пайке. Мельком – о том, что способности можно и нужно в человеке с малолетства развивать, мельком – про волосы, которые хранят полную информацию об их владельце. А что ещё? Стоит помнить, что детки вслед за нами, пишущими, идут развитее и продвинутее. Чем их заманить в текст? Как пробудить их душу к истинным знаниям о мире? Как не скатиться в болото обывательской боязни всего нового, непознанного?

Я вижу в авторе задатки для того, чтобы всерьёз разрабатывать такие темы. Но видит ли Гордиенко в себе это сама и готова ли работать, доводя написанное до совершенства? Ответ на это знает только она.

kineya@yandex.ru

Анастасия Астафьева

/16/

Я честно пыталась...

(Размышления над книгой Александра Илличевского «Дом в Мещере»)

Илличевский Александр. Дом в Мещере. (Современная проза). – М., Время, 2009.

Сложные у меня отношения с современной литературой. Так как сама я стоцентный приверженец литературы классической, внятной, конкретной, трудно мне постигнуть новомодные стили и веяния. А тут – финалист «Большой книги», лауреат «Русского Буккера» – 2007. Захотелось настоящего, крепкого (не в смысле «крепкого словца»!) русского языка, да и название невольно навело что-то бунинское...

Нет, нельзя себя заранее так настраивать. Но я совершенно искренне хотела порадоваться за красиво изданного автора, за книгу, в таком нежном, чуть загадочном по орнаменту переплете. Взяла книгу в поезд, так как в дороге всегда хорошо погружаюсь в чтение, позабыв о делах сиюминутных.

И что же меня ждало?

Цитата: «Год спустя я сидел, болтая с приятелями, покончив с синюшным яйцом под якобы майонезом и двумя порциями салата «Нежность», жуя корку черного и выуживая ложечкой чернослив из мутного столбика компота, когда он, медленно прихрамывая, можно сказать, небыстро ковыляя, проходил мимо нашего стола и так же точно – не глядя вовне, как в зеркало, обронил те же деньги подле моей

тарелки: *сунув* руки в карманы пальто, неторопливо вышел, у двери внимательно *подняв* голову к узкому стеклу пасмурной фрамуги».

Я выделила курсивом деепричастные обороты, которые, несомненно, украшают русский литературный язык, но не в таком же количестве, господа! Давайте попробуем понять следующее: *продираясь* сквозь этот солдатский строй деепричастных оборотов, *пытаясь* представить предложенную – на самом деле, мизерную по значимости – сцену, *вникая* во все необязательные детали и уточнения типа «медленно прихрамывая, можно сказать, небыстро ковыляя», *задумываясь* над особенностями авторского стиля и *пробуя* оправдать его позицию, даже *припоминая* свои собственные литературные ошибки, тем не менее, от текста такого просто хочется куда-то спрятаться, убежать! Он, словно спрут, всеми восемью ногами деепричастных оборотов, подтягивает читателя, как жертву, к своему ротовому отверстию, где темнота и смрад. Любой мало-мальски грамотный редактор, уровня учителя средней общеобразовательной школы, предложил бы автору разбить это предложение на несколько более простых и убрать из него ненужные детали вроде названия салата «Нежность».

Цитата: «В юности он иногда приходил в студенческую столовую, чтобы, взяв экономно двойной гарнир и много хлеба, в черном, коротком, наглухо застегнутом пальто – сидеть, согреваясь в прогорклом нищенском воздухе помещения, надолго застывая зигзагом крылатого профиля, не жуя, задумчив, печален без скорби, и возвращаясь – как к ноше – к тарелке, перебирая вилкой гречневые крупинки, – он был почему-то самым существенным из того, что тогда время от времени происходило».

Взяв, согреваясь, застывая, не жуя, задумчив, печален, возвращаясь, перебирая... Господи! Я чувствую себя Сизифом, прущим в гору свалывшиеся в тяжеленный камень словеса! А еще можно подсчитать количество нагрузных, вязких эпитетов, которые тоже не упрощают восприятие текста, а просто делают его неудобоваримым. От такого чтива, пожалуй, возникнет изжога.

Что происходит с читателем, когда он пробует вникнуть в такой текст? Слова автора превращаются в бесконечное бормотание сумасшедшего, от которого устаешь через три минуты, а на пятой просто перестаешь слушать. От текста укачивает, как на корабле от морской болезни! Оттого и читать произведение господина Илличевского не просто трудно, а невозможно.

Кроме того, рядом с увязанием в украшательствах мы видим, как обрывает писатель фразы вроде «корку черного». Казалось бы, понятно, о чем речь. Но злоупотребление таким приемом делает текст небрежным.

Путается Илличевский и в определении героя, о котором в данный момент текста ведется речь. С нищего горбуна в настоящем времени он перескакивает на какие-то воспоминания из прошлого, без всякого предупреждения. И на протяжении страницы, наполненной словом «он», ты думаешь, что читаешь все об одном, и вдруг понимаешь, что речь уже давно идет о ком-то, просочившемся в текст без твоего ведома. Так, в сцене с получением письма сперва речь идет от первого лица: «Больше я никогда его не видел...», «О ней я забыл...», и вдруг: «Он отошел от окна...», «Он открывает дверь – и застывает...» (тут еще и сбой времени действия). Кто «он»? – спрашивает себя читатель. Горбун? Какой-то молодой человек? Сам автор? Тогда почему «он», если был «я»?

Текст Илличевского так перегружен деталями, что они теряют свое главное предназначение – создавать видимую картинку, образ. Такое ощущение, что автору сложно выбрать самый точный эпитет, и он ставит пару-тройку, которые размывают смысл, отвлекают от главного. Но, как хорошо и как запомнилось мне (вызвав даже легкий оттенок зависти) сравнение пробивающейся на лице мужчины щетины с молотым перцем. Какая вкусная, зримая, осязаемая деталь!

Непонятыми остались и внезапные «срывы» абсолютно прозаического текста в верлибр. *Цитата (курсивом выделены «срывы»): «Горбун, всплеснув руками, подбегает, дергает за шкирку, мычит трехцветному хищнику: «пусти», – тот, жадностью инстинкта неподвижен, держит насмерть, ворона трепыхается на грани, предсмертный «кр-р» исторгнув напоследок; и этот сложносоставной скандал весь целиком долой вдруг исчезает, поскольку разом все запахивает штора, и варится неспешно превосходный колумбийский кофе, и сигаретой – первой за день – выводит-ся наружу легкое круженье головы...»*

Такое чувство, что у автора как раз случилось «круженье головы», раз его мотало туда-сюда.

И самое страшное, что все приведенные мною примеры – это первая глава книги! Если читателю достанет сил продрагаться сквозь нее, он будет уже так изможден, что вряд ли продолжит чтение дальше. Во всяком случае, отложит его до следующего дня, а то и недели. Да так и не узнает, что же все-таки хотел сказать миру Александр Илличевский. А ведь заявка-то казалась заманчивой и обещала дать ответы на серьезные вопросы.

Не хватило на это сил и мне. Большую часть книги я пролистала, так и не зацепившись взглядом за что-то близкое и понятное читателю человеку. Я всегда была уверена, что литература пишется для читателя. И каждому автору хочется, чтобы люди его поняли. Здесь, к сожалению, автор поработал для себя.

astafasja@mail.ru

Елена Чубарова

Михаил Жаравин: решает любовь

Михаил Жаравин крупным планом. (Сборник). – Вологда, «Свеча», 2005.

Дождемся снега – он закроет раны,
Земля и души родственны вполне.
Мы чем-то наполняемся извне,
Когда перед собою цели ставим,
Когда летим по Млечному пути
К своей звезде далекой и прекрасной,
Когда идем тропинкою опасной,
Еще не зная, что там впереди.

Работая в библиотеках более 30 лет, хочу сказать, что привыкаю к постоянным читателям, как к близким людям! Поэтому, когда кто-то исчезает, становится не по себе – здоров ли он, все ли ладно в его жизни? Михаил Жаравин, в отличие от многих, был читателем немногословным, спокойным. Видимо, кипение чувств, страсти находили свое выражение в творчестве. Хорошо помню, как молодые читатели, начинающие писатели, собирались в нашей литературно-музыкальной гостиной под крылом Галины Александровны Щекиной (фотографии, запечатлевшие эти мгновения, включены в сборник «Сердечная рана»). Помню и те холодные дни, когда мы все вместе переживали за жизнь Михаила. Галина Александровна приходила, встревоженная, принося каждый раз неутешительные вести. Видимо, судьба спрессовала его жизнь, подарив мгновения творчества.

В его творчестве и проявились яркие впечатления деревенского детства, чуткая душа, умеющая любить и страдать, светлая грусть от несбывшейся любви и сожаление о детях, остающихся без отца.

Немного о творчестве М. Жаравина. «Морозко» – так называется поэтическая сказка о силе материнской любви. Разговорный язык Кич-Городецкого района добавляет достоверности рассказанной истории. Главная героиня – реальная женщина, работающая в колхозе. Время действия – 60-е годы XX столетия. И в то же время – это сказка, так как главная героиня встречается с Морозком. «О Новый год по три раза избяные двери отпирали – Морозко кликали: «Проходи, Морозушко, потчуйся, чем Бог послал...» Дабы весь год в достатке, да с хлебушком на столе быть».

Погода не балует жителей Кич-Городецкого района, поэтому живы языческие верования в Мороза. Чем и хороша сказка, что отражает красоту местного говора, традиции предков, способствует вере в то, что любовь – самое главное на Земле. Главной героине надо было доставить сына из гостей, от бабушки, за один

день. Лошадей никто не дает, темно, холод, волки, дорога идет лесом. Но какова сила материнской любви: выехал к ней Мороз в саночках, на лошадке, в шубе блестящей. Предложил доставить её на место. Оробела Афанасья, но делать нечего. В этот же день вернулась с сыном домой. Вот какие чудеса творит любовь матери.

Тему любви продолжает и «Сказ о белом камушке». Сила любви спасла Катюшу от злобы, изменила судьбу. «Осенью в старой, черной, заброшенной бане загодя бросали на каменицы галечника – разноцветных мелких речных камушков. Поодиночке ночью ходили и тащили: каков камушек – такова суженая будет». Главная мысль сказки: «Слово материнское жизнь строит... добрые напутствия – в любом деле помощь... лаской, благословеньем Божиим и родительским жив народ...».

В «Сказе о белом камушке» мы встречаемся и с необычным героем – Прокофеем-лесником, за глаза которого звали колдуном. «Вреда от него никому не было – пользовал людей от разных хворей и напастей: то травинку какую даст, то слово какое скажет». Продолжение этой темы в философской сказке «Равновесие». Бабке Серафиме, известной всей округе своим умением лечить людей, подкинули как-то мальчика с недоразвитыми ногами. Через боль, испытания прошел ребёнок, но она не только научила его ходить, но передала свой дар – исцелять. Не стало Серафимы. Сложно входил в мир людей Проня. Необычного человека хотели убить, не принимали, боялись. Понял он: свой дар только на добро можно направить, иначе не состоится его жизнь. В каждом из нас перемешано добро и зло, черное и белое, но каждый знает: «Сохраняя равновесие в своей душе, в отношениях с людьми, в гармонии с природой, можно прожить достойно и счастливо».

Все сказки Михаила Жаравина – о любви к жизни, о гармонии с миром, о равновесии в наших душах.

cbs_vologda@mail.ru

Любовь Молчанова

Жаравин – мастер сказа

Жаравин Михаил. Сказы. – М., ОксиПресс, 2009.

Творческий путь Михаила Жаравина оказался коротким, как и его жизнь. Всего несколько лет – с 1989 по 1995 год. Но след он оставил глубокий, яркий и самобытный.

Особенно интересны его прозаические произведения, написанные в форме сказа, которые привлекают внимание читателя всех возрастов – от подросткового до самого преклонного.

Если понимать под сказом тип повествования, основанный на стилизации речи того героя, который выступает в роли рассказчика, то форме сказа подчинена практически вся жаравинская проза. Повествование ведется от лица героя-персонажа либо рассказчика, в присущей ему речевой манере, имитируя живую разговорную речь с характерными особенностями – просторечной лексикой и фразеологией, диалектизмами.

Это устный народный рассказ, повествующий о современности или недавнем прошлом, записанный писателем. Хотя очень легко представить, что со временем некоторые сказы могут превратиться в легенду, предание, былинку, сказку, все-таки речь в них идет о реальных событиях. Это не миф, не сказка, а реальная жизнь в наиболее ярких, экстремальных проявлениях, описанная рассказчиком, который сам поражен и хочет поделиться необыкновенной историей со слушателем. В сказах – рассказах и повестях Жаравина нет четко сформулированной «морали басни», но всегда чувствуется народное представление о высокой морали, добре, справедливости, подлинной красоте. В мире его сказов живут по законам справедливости и в гармонии с природой. Если человек преступает нравственные нормы, то нарушается установленный порядок, равновесие и наступает расплата за содеянное.

Это отмеченные всеми деревенские сказы «Морозко», «Сказ о белом камушке», «Четыре черных петуха», «Волчья морда», «И хочется жить», рассказ «Манило» и повесть «Равновесие».

Маленький шедевр – рассказ «Морозко», который читатели воспринимают, как волшебную сказку. Но это не сказка, а рассказ о реальном событии, для рассказчицы очень памятном. Рассказ о том, как материнская любовь погнала за тридцать верст лесом к больному дитяти морозной зимой, как обессилевшую женщину подобрал удивительный ездок в розвальнях, одетый в богатую шубу мехом наружу. Все, как в сказке – за свою любовь и веру получила Офонасья помощь. А кто же был её попутчик? Думать можно по-разному. Ульяна на полдороге поднесла стакан вина – «ходчая и легче пойдешь», поэтому восприятие событий стало уже чуть другое. Звездная холодная ночь, «небушко вызвездило... и скрип сзаду...». Лошадь вся в инее, а у седока в розвальнях шуба мехом наружу, наверное, тоже в инее и под звездами серебрится. А утром не нашли никакого следу, так ведь накануне с самого вечера пороша. По-всякому можно растолковать, а Авдей, потом, нескоро, забрел и высказал: «Морозко вез тебя, Офонасья...». А Офонасья «опять промолчала, все одно разглядеть не успела. Мужик как мужик. Шуба, правда, чинно-важная – у нас таких не носят...». В общем, судите сами. А если вернуться к началу сказа, то еще попозже, по прошествии времени, Офо-

нася решила: «он был, Морозко, некому боле. Да не сразу меня догадка взяла».

«Сказ о белом камушке» – фантастический сказ о том, как Колька Канюков невесту себе в бане выгадал, сохранила бабушка рассказчица, она Канюковым внучкой приходилась. Сказ превращается в семейное предание о материнском проклятии и, всё злое преодолевших, любви и ласке.

«И хочется жить» – рассказ Дуни-Евдокии, чья молодость выпала на годы гражданской войны и становления советской власти, о своей женской судьбе, в которой было все: и участь восьмой снохи, что хуже падчерицы, и счастье в детях, внуках, когда плохо, здоровья нет, а жить хочется. И опять мастерство писателя заключает всю эту жизненную историю в кольцо, серебряное колечко, сквозь которое Дуня при гадании пытается разглядеть свою судьбу. А перед кончиной вспоминает и гадание, и свою длинную жизнь, что на десятый десяток перевалила. Окончательно же подводит итог и истории, и женской судьбы любимый внук Евдокии Алешка и, конечно, автор.

Рассказ «Сергуня» – о временах совсем недавних, для писателя современных. Это начало 90-х. Но сюжет старинный, былинный. Вспоминается былина о Вольге и Микуле Селяниновиче. Повествование, без сомнения, идет от лица старшего брата Митьки о младшем, Сергуне. Старший брат – колхозник, хотя больше ему подходит слово «крестьянин». Это крестьянин, который, как в старопрежние времена, выходит на первый покос в белой вышитой рубахе, стараясь превратить начало изнурительного крестьянского труда в праздник. Сергуня, которого в детстве защищал Митька, – москвич, восемь лет дома не бывал. В армии отслужил в спецназе, после армии нашел работу непыльную и денежную, раз матери и брату к праздникам слал бандероли и переводы. При встрече через восемь лет братья соревнуются на покосе. Здоровый, тренированный Сергуня так и не смог догнать простоватого, несовременного, похожего на рисунок из букваря брата – Митька выкосил больше почти вполовину. Напрасно волнуются родные – не стал Сергуня вором, шпаной, не даром ему денежки даются, ладони в мозолях. Вышел из простой крестьянской семьи, а поднялся наверх – охраняет президента. Но, как и в былине, не удалось ему взять верх над крестьянином, который силу черпает от земли-матушки. Но эта былина рассказана на современный лад – при всей симпатии автора к старшему брату выглядит он каким-то пережитком, уцелевшим от прежних времен, несовременным. И в колхозе он остался – сохранился лишь по причине своей ущербности – в детстве глаз из рогатки выбили. Это придает всей истории трагедийное звучание.

Жаравин использует разные композиционные формы сказа. Произведение целиком

состоит из сказа – например, «Морозко», «Пестерь». Здесь повествование ведется от лица рассказчика. Этот сказ особенно близок к живой интонации устной речи, в сказе «Морозко» – народной речи вполне конкретной местности (Кич-Городецкий район Вологодской области). Произведение может иметь минимальные авторские сигналы, указывающие читателю на отделенность автора от рассказчика – например, «Две затяжки», «Манило», «Штыбзик» и многие другие. Повествование здесь ведется от третьего лица, без введения реального рассказчика, и эта форма ближе к обычному авторскому повествованию.

Сказ может включать в себя значительные куски авторской речи, как в повести «Равновесие» – первая часть, предисловие или предыстория приемыша Прони. Затем события описываются с точки зрения самого Прони, его языком. И в самом авторском повествовании чувствуется налет чужой речи – речи деревенского и лесного жителя, с сочувствием и удивлением передающего начало диковинной истории.

Сам Проня тоже герой необыкновенный, исключительный, под стать антикам Н. Лескова. Имя замечательного рассказчика Н.С. Лескова вспоминается потому, что Жаравин, сам по себе, тоже был замечательным рассказчиком, излагающим фантастические истории языком, чаще всего далеким от книжной традиции. И диалектизмы всех видов, и просторечная лексика, и армейский жаргон служат у него прежде всего изобразительным средством, ярким, сочным – в отличие от гладкой, унылой, единообразной «культурной речи». И литературную премию имени Лескова М. Жаравин получил вполне заслуженно – как мастер сказа.

cbs_vologda@mail.ru

Аксана Халвицкая

Препарируя нежную

кожу чувств

(Творчество Марты Кетро)

Кетро Марта. Женщины и коты, мужчины и кошки. – М., АСТ, 2010.

На сегодняшний день мы можем наблюдать ряд интересных особенностей, возникающих в связи с виртуализацией литературного процесса и литературы как таковой. Одной из таких особенностей является появление так называемых современных сетевых авторов, публикующих свои произведения в живых журналах. Там же они набирают свой уникальный круг читателей, с которыми общаются посредством комментариев к записям в журнале. И тут возникает такой феномен: ав-

тор в своих постах выкладывает произведение (стихотворение или миниатюру) или отрывок из более крупного произведения, читатели на него реагируют и, в некоторых случаях, даже имеют возможность корректировать данное произведение, то есть повлиять на автора. Таким образом, читатели участвуют в процессе сотворения произведения; допустим, до его опубликования на бумажных носителях или же, если данное произведение так и останется опубликованным в сети, оно может редактироваться бесчисленное множество раз, как будто являясь живым, подвижным, становится особой уникальной формой существования текста.

Далее хотелось бы обратиться непосредственно к творчеству одного из популярных сетевых авторов, получившего известность под псевдонимом Марта Кетро.

Марта Кетро – писатель, член СП Москвы, автор популярного сетевого дневника, входящего в первую десятку рейтинга Яндекс. Дневник ведется только с 2005 года, однако уже сейчас количество его постоянных читателей – более 5 тысяч человек. «Самая нежная и искренняя из легенд русского Интернета», – говорят о ней читатели. В 2005 году Марта Кетро получила популярную сетевую «Премия Паркера» в номинации «Литература».

Книги автора: «Хоп-хоп, улитка», «Улыбайся всегда, любовь моя», «Три аспекта женской истерики», «Московские фиалки», «Горький шоколад. Книга утешений», «О любви», «Умная, как цветок», «Справочник по уходу и возвращению».

Марта Кетро поражает глубокой психологичностью текстов, она находит пути к восприятию самыми различными людьми, поскольку вызывает яркие, невероятные эмоции от смеха и иронии – до слез. Вот несколько отзывов на ее книги, в которых чувствует душевный отклик читателей:

«Марта Кетро наделена уникальным талантом: она пишет по-настоящему женскую прозу, полную любви, облегченную до житейской мудрости, манящую. Не почувствовать ее притяжения невозможно, как невозможно объяснить, почему именно эта девушка, идущая навстречу по улице, в марте, в легком пальто, кажется тебе жизнью» – Ася Датнова, сценарист.

«Это большое и мучительное счастье – знать, что есть такое чудесное зеркало, заглянув в которое, узнаешь о себе то, о чем не подозревал. Ведь тебя, центр вселенной и пуп земли, венец творения и тупик эволюции, сложнейший мозг и бездну одиночества – понимают. Потому что вас, как минимум, двое. Ты и Марта Кетро, которая написала новую книжку, бьющую тебя под дых каждым абзацем» – Lightbird, журналист, редактор.

«Как ей удастся так сложить буквы, что, начав читать – совершенно невозможно оторваться, а закончив читать – совершенно невозможно забыть о прочитанном? Марта, я счастлива, что нашла тебя и твои книги. Они помогают мне жить» – Надежда Яцык, менеджер.

«Марта пишет о том, что все думают, но боятся произнести вслух. Но фокус в том, что это только инструмент, чтобы затронуть более глубокие сферы, поразмышлять о главном, о жизни, о любви, если хотите, даже пофилософствовать...» – Вивиан дель Рио, художник.

Книги Марты Кетро различны по содержанию, но объединены общей манерой написания. Собственный оригинальный взгляд на вещи, хлесткая, ироничная манера рассуждать, глубокая чувственность привела к неординарному яркому стилю, к специфическому языку, который уже ни с кем не перепутаешь. Марта решительно ничего не боится. Ее откровенность и сарказм порой зашкаливают:

«Кот у меня не просто так, у него профессия есть, называется – Участник. То есть, чтобы я ни делала, не позднее, чем через пять минут после начала процесса из-под моего локтя высовывается заинтересованное лицо кота, который внимательно смотрит то на меня, то на объект деятельности. Иногда лезет в процесс руками. Кот-участник особенно квалифицированно встречается в следующие действия: приготовление пицци и поедание ее, дефекация, творческие и половые акты, чистописание и чисто чтение, пересаживание цветов, чистка зубов, химические опыты и минет» (Женщины и коты, мужчины и кошки).

Ее самоирония и бесконечное попадание в точку вызывает улыбку и какое-то детское ощущение счастья:

«Если вы живете с человеком, которого, условно говоря, укусил писатель, то будущее ваше темно и неприятно. Любимое существо на глазах начнет превращаться в сумеречного демона, таиться и плакать, не понимая, что с ним происходит. Вам покажется, что он сошел с ума, завел любовника, пересел с травы на асфальт, или на тяжелые наркотики, или еще что, в зависимости от живости вашего воображения. Но проверять вены и мобильный телефон на предмет наличия следов бесполезно – у него все здесь, в голове. И в компьютере. За компьютером он теперь всегда – пасьянс раскладывает, и это называется «не мешай, я думаю». Если же он наострил средний палец и стучит по клавиатуре со скоростью шестьдесят печаток в минуту, подходить нельзя – дико заорет, кинется грудью на монитор, попытается свернуть документ, нечаянно закроет, не сохранив, а потом, скорее всего, за-

бьется в судорогах. Не надо, не трогайте. Для вас настали черные дни, вы будете томиться неизвестностью, пока однажды не узнаете (сам проболтается или кто другой скажет), что ваш человек теперь Писатель» (Справочник по уходу и возвращению).

Ее чувственность и мудрость вызывает трепет и мурашки по всему телу:

«Тех, кто тебя любит, нужно убивать. Лучше прямо сразу, как только заметишь этот собачий взгляд, неотрывно следящий за твоим лицом, эти брови домиком и рот арочкой, эту манеру бродить за тобой из комнаты в комнату и всё время держать тебя в поле зрения. Разумеется, жалко, и кажется, что пока не за что. Но сделай это сейчас, иначе будет поздно. Потому что он, любящий, выроет неподалёку тёплую затхлую норку, из которой будет некоторое время наблюдать за тобой, а потом начнёт наступать, слегка подталкивая и даже подтаскивая, чтобы ты просто заглянул, только одним глазком посмотрел, как у него всё замечательно. Ну да, уютненько... Всегда тепло, еда, чистая постель, множество занятых безделушек, каждую из которых он готов подарить тебе, - мило, хотя и душновато. Ближе к зиме тебе начинает казаться, что это даже хорошо, когда ниоткуда не дует. Возможно, в этом году ты устоишь и, кое-как перезимовав в сугробе, встретишь весну свободным, почти свободным, потому что между лопаток у тебя поселится ощущение красной точки, оптического прицела его любящего взгляда. И ты привыкнешь, что иногда всё-таки нужно звонить. Хотя бы отвечать на эсмэски. Хотя бы есть его стряпню раз в неделю. Хотя бы спать с ним раз в десять дней. Потому что любит.

Потом приходит неизбежное чувство вины - кажется, что ты губишь его жизнь, бездумно пользуясь теплом его сердца и ничего не давая взамен. И однажды, когда вечер твой будет особенно одиноким, ты придёшь к нему без звонка и останешься. Потому что приятно увидеть, как его лицо озаряется счастьем только оттого, что ты рядом. Чувствуешь себя волшебником. Нужно ли говорить, как это закончится? Как его объятия станут всё теснее, твоё личное пространство всё меньше, его просьбы превратятся в требования, и счастье на его лице сменится капризно-раздражительной маской. Поэтому убей его сейчас. А потом, когда останешься один, загляни в шкаф и достань из-под вороха белья фотографию того единственного, кому хотелось отдать свою жизнь, кто умел делать тебя счастливым, от кого невозможно было отвести глаз. Того, кто убил тебя однажды». (Горький шоколад).

Этот нервный трепет, это понимание на уровне ощущений и является, на мой взгляд, самым ценным в творчестве Марты Кетро.

Поэтому, более подробно хочется остановиться на книге «Горький шоколад: книга уте-

шений» на самой эфемерной, нежной и трогательной.

О чем эта книга? Конечно, о любви, безусловно, о любви. Сама Марта постаралась сделать из нее концентрат чувств, так и вышло. Убивает сразу, с первой страницы, с первых строчек, как только ты читаешь:

когда сказаны все слова,
написаны все письма,
когда вопросов не осталось,
и встречи прекратились,-
прощаются все обиды,
кроме одной -
что ж ты, сука, меня не полюбил?!
неужели трудно было?..

В этих сточках заключена квинтэссенция книги, основная мысль, идея. Структурно книжка представляет собой сборник миниатюр, зарисовок. В ней нет сюжетной линии. «Перед вами осколки зеркала, в которых отражается изменчивое лицо любви. Вглядываясь в него, вы поймете, что не одиноки в своих чувствах. И что все проходит», пишет Марта Кетро. Но, тем не менее, все миниатюры объединены общим духом глубоких внутренних переживаний. Книжку можно читать с любой страницы, с любой миниатюры, и она погрузит тебя в эмоциональный мир лирической героини. Или все-таки в твой собственный эмоциональный мир? Чьи эти чувства и мысли - Марты Кетро, или ваши сокровенные чувства и мысли? Вот что ты переживаешь, когда читаешь...

В книжке не присутствуют конкретные персонажи, они все абстрактны и спрятаны за строчками. Это книга ощущений. И ты чувствуешь их присутствие в своей жизни. Ты воспринимаешь эти образы еще тоньше, еще откровеннее. Эта книжка больше тех страниц, в которых заключен текст, возможно, поэтому в конце книги оставлены пустые страницы, которые допишет читатель.

Вот несколько примеров неуловимости и чувственности, выраженных в художественных средствах: «...оно вылетало из моих губ, как долгий выдох, короткий вдох, как поцелуй» (сравнение); «...мне, в отличие от него, недоставало духу пойти до конца в божественном обмане, необходимым для сотворения мира. И однажды ему не хватило игл, чтобы заштопать все прорехи. И тогда я сорвала яблоко» (метафора); «когда человек, заведомо не любящий, занимаясь сексом, прикасается с такой нежностью, что кожа твоя превращается в свет» (метафора); «этой ночью мне все равно приснятся фиолетовые молнии, его вдохновенное тело, его пот на моей коже, - и я проснусь, задыхаясь от любви к тому, чего на свете нет»; «к тебе протягивается длинная серебряная рука тво-

тор в своих постах выкладывает произведение (стихотворение или миниатюру) или отрывок из более крупного произведения, читатели на него реагируют и, в некоторых случаях, даже имеют возможность корректировать данное произведение, то есть повлиять на автора. Таким образом, читатели участвуют в процессе сотворения произведения; допустим, до его опубликования на бумажных носителях или же, если данное произведение так и останется опубликованным в сети, оно может редактироваться бесчисленное множество раз, как будто являясь живым, подвижным, становится особой уникальной формой существования текста.

Далее хотелось бы обратиться непосредственно к творчеству одного из популярных сетевых авторов, получившего известность под псевдонимом Марта Кетро.

Марта Кетро – писатель, член СП Москвы, автор популярного сетевого дневника, входящего в первую десятку рейтинга Яндекс. Дневник ведется только с 2005 года, однако уже сейчас количество его постоянных читателей – более 5 тысяч человек. «Самая нежная и искренняя из легенд русского Интернета», – говорят о ней читатели. В 2005 году Марта Кетро получила популярную сетевую «Премия Паркера» в номинации «Литература».

Книги автора: «Хоп-хоп, улитка», «Улыбайся всегда, любовь моя», «Три аспекта женской истерики», «Московские фиалки», «Горький шоколад. Книга утешений», «О любви», «Умная, как цветок», «Справочник по уходу и возвращению».

Марта Кетро поражает глубокой психологичностью текстов, она находит пути к восприятию самыми различными людьми, поскольку вызывает яркие, невероятные эмоции от смеха и иронии – до слез. Вот несколько отзывов на ее книги, в которых чувствует душевный отклик читателей:

«Марта Кетро наделена уникальным талантом: она пишет по-настоящему женскую прозу, полную любви, облегченную до житейской мудрости, манящую. Не почувствовать ее притяжения невозможно, как невозможно объяснить, почему именно эта девушка, идущая навстречу по улице, в марте, в легком пальто, кажется тебе жизнью» – Ася Датнова, сценарист.

«Это большое и мучительное счастье – знать, что есть такое чудесное зеркало, заглянув в которое, узнаешь о себе то, о чем не подозревал. Ведь тебя, центр вселенной и пуп земли, венец творения и тупик эволюции, сложнейший мозг и бездну одиночества – понимают. Потому что вас, как минимум, двое. Ты и Марта Кетро, которая написала новую книжку, бьющую тебя под дых каждым абзацем» – Lightbird, журналист, редактор.

«Как ей удается так сложить буквы, что, начав читать – совершенно невозможно оторваться, а закончив читать – совершенно невозможно забыть о прочитанном? Марта, я счастлива, что нашла тебя и твои книги. Они помогают мне жить» – Надежда Яцык, менеджер.

«Марта пишет о том, что все думают, но боятся произнести вслух. Но фокус в том, что это только инструмент, чтобы затронуть более глубокие сферы, поразмышлять о главном, о жизни, о любви, если хотите, даже пофилософствовать...» – Вивиан дель Рио, художник.

Книги Марты Кетро различны по содержанию, но объединены общей манерой написания. Собственный оригинальный взгляд на вещи, хлесткая, ироничная манера рассуждать, глубокая чувственность привела к неординарному яркому стилю, к специфическому языку, который уже ни с кем не перепутаешь. Марта решительно ничего не боится. Ее открытость и сарказм порой зашкаливает:

«Кот у меня не просто так, у него профессия есть, называется – Участник. То есть, чтобы я ни делала, не позднее, чем через пять минут после начала процесса из-под моего локтя высовывается заинтересованное лицо кота, который внимательно смотрит то на меня, то на объект деятельности. Иногда лезет в процесс руками. Кот-участник особенно квалифицированно встречается в следующие действия: приготовление пицци и поедание ее, дефекация, творческие и половые акты, чистописание и чисто чтение, пересаживание цветов, чистка зубов, химические опыты и минет» (Женщины и коты, мужчины и кошки).

Ее самоирония и бесконечное попадание в точку вызывает улыбку и какое-то детское ощущение счастья:

«Если вы живете с человеком, которого, условно говоря, укусил писатель, то будущее ваше темно и неприятно. Любимое существо на глазах начнет превращаться в сумеречного демона, таиться и плакать, не понимая, что с ним происходит. Вам покажется, что он сошел с ума, завел любовника, пересел с травы на асфальт, или на тяжелые наркотики, или еще что, в зависимости от живости вашего воображения. Но проверять вены и мобильный телефон на предмет наличия следов бесполезно – у него все здесь, в голове. И в компьютере. За компьютером он теперь всегда – пасьянс раскладывает, и это называется «не мешай, я думаю». Если же он наострил средний палец и стучит по клавиатуре со скоростью шестьдесят опечаток в минуту, подходить нельзя – дико заорет, кинется грудью на монитор, попытается свернуть документ, нечаянно закроет, не сохранив, а потом, скорее всего, за-

бьется в судорогах. Не надо, не трогайте. Для вас настали черные дни, вы будете томиться неизвестностью, пока однажды не узнаете (сам проболтается или кто другой скажет), что ваш человек теперь Писатель» (Справочник по уходу и возвращению).

Ее чувственность и мудрость вызывает трепет и мурашки по всему телу:

«Тех, кто тебя любит, нужно убивать. Лучше прямо сразу, как только заметишь этот собачий взгляд, неотрывно следящий за твоим лицом, эти брови домиком и рот арочкой, эту манеру бродить за тобой из комнаты в комнату и всё время держать тебя в поле зрения. Разумеется, жалко, и кажется, что пока не за что. Но сделай это сейчас, иначе будет поздно. Потому что он, любящий, выроет неподалёку тёплую затхлую норку, из которой будет некоторое время наблюдать за тобой, а потом начнёт наступать, слегка подталкивая и даже подтаскивая, чтобы ты просто заглянул, только одним глазком посмотрел, как у него всё замечательно. Ну да, уютненько... Всегда тепло, еда, чистая постель, множество занятных безделушек, каждую из которых он готов подарить тебе, – мило, хотя и душновато. Ближе к зиме тебе начинает казаться, что это даже хорошо, когда ниоткуда не дует. Возможно, в этом году ты устоишь и, кое-как перезимовав в сугробе, встретишь весну свободным, почти свободным, потому что между лопаток у тебя поселится ощущение красной точки, оптического прицела его любящего взгляда. И ты привыкнешь, что иногда всё-таки нужно звонить. Хотя бы отвечать на эсэмэски. Хотя бы есть его стряпню раз в неделю. Хотя бы спать с ним раз в десять дней. Потому что любит.

Потом приходит неизбежное чувство вины – кажется, что ты губишь его жизнь, бездумно пользуясь теплом его сердца и ничего не давая взамен. И однажды, когда вечер твой будет особенно одиноким, ты придёшь к нему без звонка и останешься. Потому что приятно увидеть, как его лицо озаряется счастьем только оттого, что ты рядом. Чувствуешь себя волшебником. Нужно ли говорить, как это закончится? Как его объятия станут всё теснее, твоё личное пространство всё меньше, его просьбы превратятся в требования, и счастье на его лице сменится капризно-раздражительной маской. Поэтому убей его сейчас. А потом, когда останешься один, загляни в шкаф и достань из-под вороха белья фотографию того единственного, кому хотелось отдать свою жизнь, кто умел делать тебя счастливым, от кого невозможно было отвести глаз. Того, кто убил тебя однажды». (Горький шоколад).

Этот нервный трепет, это понимание на уровне ощущений и является, на мой взгляд, самым ценным в творчестве Марты Кетро.

Поэтому, более подробно хочется остановиться на книге «Горький шоколад: книга уте-

шений» на самой эфемерной, нежной и трогательной.

О чем эта книга? Конечно, о любви, безусловно, о любви. Сама Марта постаралась сделать из нее концентрат чувств, так и вышло. Убивает сразу, с первой страницы, с первых строчек, как только ты читаешь:

когда сказаны все слова,
написаны все письма,
когда вопросов не осталось,
и встречи прекратились, –
прощаются все обиды,
кроме одной –
что ж ты, сука, меня не полюбил?!
неужели трудно было?..

В этих сточках заключена квинтэссенция книги, основная мысль, идея. Структурно книжка представляет собой сборник миниатюр, зарисовок. В ней нет сюжетной линии. «Перед вами осколки зеркала, в которых отражается изменчивое лицо любви. Вглядываясь в него, вы поймете, что не одиноки в своих чувствах. И что все проходит», пишет Марта Кетро. Но, тем не менее, все миниатюры объединены общим духом глубоких внутренних переживаний. Книжку можно читать с любой страницы, с любой миниатюры, и она погрузит тебя в эмоциональный мир лирической героини. Или все-таки в твой собственный эмоциональный мир? Чьи эти чувства и мысли – Марты Кетро, или ваши сокровенные чувства и мысли? Вот что ты переживаешь, когда читаешь...

В книжке не присутствуют конкретные персонажи, они все абстрактны и спрятаны за строчками. Это книга ощущений. И ты чувствуешь их присутствие в своей жизни. Ты воспринимаешь эти образы еще тоньше, еще откровеннее. Эта книжка больше тех страниц, в которых заключен текст, возможно, поэтому в конце книги оставлены пустые страницы, которые допишет читатель.

Вот несколько примеров неуловимости и чувственности, выраженных в художественных средствах: «...оно вылетало из моих губ, как долгий выдох, короткий вдох, как поцелуй» (сравнение); «...мне, в отличие от него, не доставало духу пойти до конца в божественном обмане, необходимом для сотворения мира. И однажды ему не хватило игл, чтобы заштопать все прорехи. И тогда я сорвала яблоко» (метафора); «когда человек, заведомо не любящий, занимаясь сексом, прикасается с такой нежностью, что кожа твоя превращается в свет» (метафора); «этой ночью мне все равно приснятся фиолетовые молнии, его вдохновенное тело, его пот на моей коже, – и я проснусь, задыхаясь от любви к тому, чего на свете нет»; «к тебе протягивается длинная серебряная рука тво-

его единственного мужчины, которая начинает подыгрывать, только вместо флейты – ты» (метафора) и т.д.

Вы ощущаете, как автор передает то, что, казалось бы, и словами-то нельзя выразить, и задыхаетесь. Она берет скальпель и препарирует нежную кожу ваших чувств, и вы плачете от боли и наслаждения. И в этом новизна и ценность творчества Марты Кетро. В этом ее уникальность. Кто еще осмелится с чувствами так поступить?

molnia77799@mail.ru

Гелена Соловьева

Более красиво и честно

(О романе Елены Колядиной «Цветочный крест»)

«Вологодская литература», № 7/2009

Роман обсуждался на Лито «СТУПЕНИ». Я во многом не согласна с отзывами, услышанными на Лито.

1. Язык романа. Первое, что бросается в глаза – огромная работа, проделанная автором. Иногда желание донести до читателя почерпнутые пословицы и поговорки, делает их включение в текст слишком искусственным, притянутым за уши. Может, не надо было включать все? Кроме того, иногда заметна ограниченность словарного запаса “того времени”, вернее, автор использует определенный набор слов, от чего он кажется не полным. Например, я от своей бабушки с детства помню намного больше диковинных названий... В романе упор делается на части тела, что иногда надоедает и раздражает.

2. Было высказано мнение, что роман антирелигиозный. Абсолютно не согласна! Присутствие божественного в романе достаточно сильно. Отец Логгин служит не Богу, он служит себе. Да, были такие люди, и сейчас есть, тому множество примеров. Быстрота Божьего возмездия и вмешательства прослеживается очень ярко. Я бы даже сказала, что Боженька один из главных героев романа.

3. Эротичность, обещанная автором на каждой странице. Не заметила. Увидела много похоти, много непристойности, иногда неоправданной.

4. Не считаю, что героиню погубил отец Логгин. Да и не была она орудием в его руках. Скорее, он в ее. Это она использовала его в своих целях. Погубила Феодосию любовь к Истоме, а все остальное – последствия этой любви. То, что с ней случилось, было бы и без Логгина, да, искала она подтверждения своих мыслей в его словах, но только подтверждение, решения она принимала сама и заранее – будь то неже-

вание жить с мужем или желание свести счеты с жизнью.

5. Самым гадким персонажем считаю Марию. Даже удивилась сначала, увидев ее в последних главах. Радовалась, увидев дважды ее имя в списке Смерти. Потом поняла, без последних высказываний образ был бы неполным. Сложилось впечатление, что и автор изначально хотела избавиться от Марии, да потом передумала.

6. Хотела бы спросить автора, жила ли она в деревне и как долго? Все, что написано, взято из энциклопедий, или есть личный опыт? Цветочный крест... Никогда не приходилось лично снимать дерн и пересаживать полевые цветы? Меня как-то торкнуло в деревне сделать клумбу из синюхи и ромашек, причем примерно таким способом, как описано, это получилось, но занимает это много времени, потому как цветы приживаются не сразу, лежат пластом, даже при хорошем поливе.

7. Автор умело уходит от некоторых описаний. Иногда важных. Казнь Истомы, например.

8. Пуганица с датами и сроками. Пятнадцать лет – и не было разговоров о менструации? Не верю! Учили девочек старые женщины. И то, что она начинается сразу после разговора об этом – еще более нелепо.

Тошнота через неделю после того, как забеременела Феодосия, тоже скорее явление нервное, чем вызванное беременностью, а то, что она через девять месяцев после казни еще ходит беременная? Очень была разочарована, что в перечислении тотемских святых не назван Феодосий! Это, по меньшей мере, странно.

9. Смерть. Очень понравилась глава! За исключением домовины. Тоже не верю. Как-то у нас на огороде повалило тополь. Не под силу девушке то, что сделала Феодосия! Я не считаю, что события ночи привиделись героине. Все есть, и рассказы слышала, и сама кое-что видела.

10. Начиная читать роман, долго думала, для кого он? В основном из-за неточностей, которые взрослая женщина не могла не заметить. Для молоденьких и неопытных – как-то сильновато со словечками. В процессе чтения мысли сии отступили. Дочитывала с большим удовольствием. Купилась на красивые описания и фразы. Очень понравился образ Истомы, в том смысле, что показаны и внешне отношения с Феодосией, и его черные мысли! Ее любовь к нему тоже заворожила. Особенно желание во всем его оправдывать! Как это точно! Как правдиво!

В целом все понравилось. Хочу ли продолжить? И да, и нет. Очевидно, что Феодосия и Агейка живы, этого достаточно. Сейчас даже пришла мысль об оживлении Ромео и Джульетты. Скорее, не хотелось бы. Иногда трагичность более целостна, красива и честна, чем просто хороший конец.

fatara@mail.ru

Галина Щекина

Встречи накоротке

(О книге Нины Писарчик «Я – читатель»)

Писарчик Нина. Я – читатель, или Чтение с пристрастием. (Книга рецензий на вологодских, и не только, авторов). – Вологда, 2010.

Дебютная книжка вологодского автора Нины Писарчик почти вся целиком посвящена вологодскому литературному процессу. Не успехам, не провалам, не локальным событиям в жизни авторов, а именно процессу. Она не выбирает их по калибру, по значимости, – только по степени новизны. Резонанс на них – это заметки о стихах и прозе. Точка отсчета – 2008 год, когда Нина Викторовна стремительно ворвалась в пестрый мирок Лито «Ступени», Лито «Среда» и Лито «Лист». И хорошо, что ее вхождение началось с Лито «Среда», кружка приверженцев «классики», руководимого О.А.Фокиной, дабы круг описываемых авторов стал шире, и чтобы ей самой было довольно пространства для разгона. Именно со «средовских» встреч комментарии Н. Писарчик приобретают регулярный характер – вот Сапогов, Медведев, Смолина. «Комменты» не проходят незамеченными – то один, то другой не могут скрыть возмущения, протеста либо благодарности. Ну, что ж, значит, в точку.

А в «Листе», куда Н. Писарчик пришла наравне со студийцами, как раз вышло несколько первых книжек – просто идеальное поле для экспериментов. Так что, протуберанцы Н. Писарчик и «Листа» совпали естественным образом, а рецензии на книжки «листовцев» – Халвицкой, Раменского, Аксеновой – это процесс неизбежной ассимиляции, взаимопроникновения.

В книге из тридцати освещенных авторов двадцать шесть вологжан.

Это и хорошо, и плохо. Могут обвинить в местничестве, но, нет, и о российских авторах она пишет не менее страстно. И поэтому возникает интерес к тому, что за пределами региона, к тому, чего мы не знаем, но уже знает Писарчик.

Из этих российских авторов самый большой плюс я поставила бы за разбор книги Бориса Евсеева, не зря статья опубликована в альманахе «АРГАМАК» (№2, 2009 г.). Приятие и неприятие критиком сборника «Лавка нищих» переплетено слишком тесно, что интересно.

Что касается вологодских авторов.

О минусах. Многие отклики имеют форму заметки, потому что описывают не творчество в целом, а лишь деталь либо черту. Вот об авторе книги «Предощущение», Ксении Аксеновой, сказано: «поэт». Никто не сомневается

в этом, а тут подано, как открытие. Ну, может это только для меня...

Во многих работах о вологодских авторах преобладают оценочные характеристики – этот рассказ интересен, а тот неинтересен. Да, читатель имеет право оценивать, но критик уже обязан раскладывать по полочкам – а почему, собственно? И вот оценка Архипова, в сравнении с Богом, – это опять пережест!.. Мне такое явление не очень нравится и мало что объясняет в его творчестве. Да, к тому же, это упоминание Бога всуе.

Еще один минус – это привычка объяснять своеобразие стиля человеческим характером. НЕ буду спорить, это имеет место, но связь эта и не прослежена, и не показана. Г. Щекина – хохлушка и огородница... Какое это имеет значение при чтении ее рассказов? Нет, я не против того, чтоб рассказывать о человеке. Ради Бога, и я сама всегда за откровенность. В описании портрета – это хорошо. Но, главная цель – творчество, и об этом нельзя забывать. А Нина Викторовна увлекается и забывает. На ее месте, лично я, например, собрала б всю эту мелочь про Щекину, и получилась бы статья о разных аспектах Щекиной, а так вышло распыление. Или про Архипова, или про Соболеву составила бы один текст. Но, мало ли что я... Я тут предмет под лупой, не более.

В целом в этой книге, несмотря на то, что это первые шаги, уже видна способность автора обобщать, анализировать, выводить закономерности. Это ценно.

Все же не хватает справок: кто, где, когда... Но эта потребность могла быть адресована к работам научно – исследовательского плана, а к ним книга изначально не относится.

О плюсах. Удачен очерк об Анастасии Астафьевой, там охвачено много работ, и выплыла общая картина, которая показательна и для Астафьевой, и для многих других молодых авторов. Тексты написаны, они талантливы, а будущего нет, так как нет публикаций и общественного резонанса.

Еще один плюс – гораздо больше характера и хорошей злости, и, как ни странно – больше мотивации в отрицательных оценках – это, например, о Гордиенко, о Гуляеве. А в работах, содержащих обзор комплиментарного характера, – этой мотивации нет. А она нужна всегда! Будто похвала бесспорна... Но она так же нуждается в обосновании.

Наиболее яркая работа – о Елене Колядиной.

Помимо тщательного разбора авторского стиля и особенно текста, статья возымела огромное практическое значение – вместе с ней отрывок романа «Весёлая галиматъя» напечатан в альманахе «АРГАМАК» (№3, 2010 г.). А полностью роман, под новым названием «Цветочный крест», опубликован в альманахе «ВОЛОГОДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (№7, 2010 г.) и уже вошел в «длинный список», а теперь – и в

«короткий список» престижного литературного конкурса «Русский Букер». Это ли не достижение? Здесь мы видим прямое и явное влияние критики на литературу, здесь критика выступает, как инструмент, регулирующий если не весь литературный процесс, то хотя бы его часть! Открывать имена – одна из задач.

Нина Викторовна не раз признавалась, что знакомство с автором мешает исследованию текстов. Действительно, это так, если отталкиваться от личного знакомства, от встречи на коротке. А если идти от текста – картина будет более объективной.

galera50@gmail.com

Светлана Дурягина, Чагода

В них пульсирует жизнь

(Рецензия на книгу Г. Щекиной «Мелисса»)

Щекина Галина. Мелисса. (Рассказы). – Череповец. ИД «Череповецъ», 2008.

Когда-то мы были самой читающей страной в мире. Но, чтобы купить хорошую книгу, надо было либо сдать немислимое количество макулатуры, либо с ночи занять очередь в книжный магазин, либо завести подружку, у которой мама работает в книжном магазине. Новая книга популярного автора была хорошим подарком. Книги обсуждали не только на литературных вечерах, но и дома на кухне, и на работе, и в транспорте.

Теперь книг – море, даже не море, а океан. Ими завалены полки в магазинах и библиотеках, их приносят к тебе на работу и предлагают купить, ими забиты необозримые сайты Интернета. Но что читать?

Совсем недавно учителя литературы ломали головы над тем, в каких книгах искать образ современника, чтобы помочь выпускникам сориентироваться в названной теме экзаменационного сочинения. Потребовалось время, чтобы отойти от соцреализма, чтобы привыкнуть к тому, что герой книги – не обязательно тот, с кого надо «делать жизнь».

Тема «маленького человека» и земной человеческой любви вновь актуальна. Такой вывод можно сделать после прочтения книги Г. Щекиной «Мелисса», выпущенной в 2008 г. издательским домом «Череповец». Рассказы Щекиной динамичны, в них пульсирует жизнь. Речь героев – не просто слова, по ней легко угадываются черты характера, мировоззрение и даже возраст персонажей.

Книга похожа на многоквартирный дом, в котором живут наши современники, а точнее современницы.

Вот контролёр ОТК Шура («Ира, Гера, Шура...»), стосковавшаяся по любви, для которой, в конечном итоге, дети, семья оказались дороже этой самой любви.

Вот «тёмная лицом и светлая глазами» почтальонка Капитолина («Продала Капитолина корову»), пытавшаяся добиться справедливости и «залеченная» за это в сумасшедшем доме. «Остались в пустом дворе куры, которые жили в бурьяне. Муж стал часто выпивать и не ночевал дома, потому что страшно ему было. Он жалел Капу про себя, молча, но говорить про такое не умел».

Вот учительница Зиночка («Прогон»), у которой был рефлекс на страшные звуки, заслышав которые, она бесстрашно бросается спасать всех, кому плохо, кто нуждается в помощи.

Вот журналистка Коринна («Арестовать в чём есть!»). Имя иностранное, суть – некрасовская: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт...».

Вот тонкая, нежная Гера («Аллергия»), обречённая на вечную муку с мужем – солдафоном.

Вот Тая («Капкан для амура»), для которой «всё является пыткой, потому что такие, как она, ждуют они от жизни слишком многого».

И наконец «знахарка» Мелисса, способная «вернуть праздник жизни и творчества», излечить «взбаламученную душу, уставшую со стандартным набором красотостей, а простая русская женщина. Автор скупо рисует её портрет (ведь суть здесь не во внешности): «Из-под низко повязанного платка на Берлогина глянули узкие серые глаза. Выдающиеся острые скулы, торчащий подбородок, прямые ленты бровей – во всём её лице было что-то азиатское. Кожа загорела дочерна, русые пряди светлыми мазками ложились на коричневую щеку» – северная Богородица, привыкшая «подставлять своё твёрдое плечико», привыкшая спасать и много работать. И чётко читается образ времени в словах героя, полюбившего Мелиссу, возрождённого этой любовью, собравшегося восстанавливать храм:

«Ах, как загажено всё! Монастырь стали прибирать ради иностранцев, а тут руки не дошли... А ведь крепкая церковка, славная».

И рвущий душу вывод: «Но они же очень похожи, эта церковка и Мелисса. Светлые, осенённые свыше обители счастья, бесславно заброшенные. Сверху грязь и копоть, под ними – утешение...».

И жизнеутверждающая нота, на которой заканчивается рассказ: «Вот где я нужен, неудачник. Я для неё могу сделать. Подайте на храм любви вселенской! А если сам побирושка? Такая идея быть и должна – собирать хорошее, убирать плохое».

Героини рассказов сборника «Мелисса» очень разные, но есть у них одно качество, общее для всех, – умение любить беззаветно и жертвенно. После прочтения «Мелиссы» вновь верится, что мир спасёт любовь.

swetad@mail.ru

У: СЕТЬ**Метакритика Сергея****Фаустова***(О новом языке критики)*

В мае 2010 года на Большом Литературном Конкурсе (БЛК <http://stihi.ru/avtor/great1>) Сергей ФАУСТОВ был одним из шести экспертов (наряду с Борисом ПРИВИНЫМ, Светланой ЛИТВАК, Игорем КАРАУЛОВЫМ, Алексеем ИВАНТЕРОМ, Кириллом АНКУДИНОВЫМ), которые определяли лучшие поэтические произведения этого конкурса за последний год. Было необходимо выбрать делить среди сорока одного стихотворных произведений. Ниже приводятся рецензии С. ФАУСТОВА со ссылками на стихи. Большой интерес представляет последующее обсуждение этих рецензий, которые мы предлагаем вниманию читателей.

Сергей Фаустов, Вологда**РЕЦЕНЗИИ:****Андрей Бедринский,
«Жемчужина»**<http://stihi.ru/2007/08/16-1809>

Думаю, что это стихотворение очень выигрышно слушалось бы в авторском чтении на фоне волнующей музыки. В нем есть все для лентандо и крещендо. Так же, как в нем есть все для аллюзий и аллитераций. Для синонимов и антонимов. «Меж выученных клестом новых гамм услышу ли, как к этим берегам причалит твой двухстворчатый кораблик?» Произведение закончено, как может быть закончен шедевр. Несомненно, что этот стих перл, он таким был задуман и исполнен. С первой строфы он держит в надежде, что что-то произойдет, но, что именно так произойдет, читатель и не надеялся: «я – жемчужина, шепнула ты и, эхом: – чу, жена – ответил я... – и это ли не чудо?».

**Владимир Мялин,
«Ненасытно нутро ветряка...»**<http://www.stihi.ru/2009/11/14/6435>

Мельничные жернова мозга (ветряка) могут бросить вызов самой дальней границе человеческого благоразумия, где горизонт является той четкой границей, в которой заключена одна из самых выразительных форм нечеткости. Этот четкий феномен позволяет при ее описании сохранить верность всему – от античной эстетики до китча. В данном стихе

выбрана некая середина: «Жернова за неё не в ответе». Имеются в виду настоящие жернова, не метафорические. Стих не показал заявленную в заголовке ненасытность, а то, что показал, можно было увидеть и без жерновов. Идея стиха очень хороша и заключена она в названии его, но воплощена скромно, сразу насытившись.

**Абеляръ,
«Преставление»**<http://www.stihi.ru/2003/09/26-487>

Абсурдно-уродливое может превратиться в амбициозно-красивое так же неожиданно, как пробуждение от будильника эйфории. Автор, будучи в этом состоянии, тестирует литературу: «Ну что еще, литература, от нас стерпеть сумеешь, дура?» и... удачно. Проблема в том, чтобы и читатель смог услышать звонок этого будильника. Но он звенит не для всех. А вообще, не надо бы ждать его, пусть его хотя бы тихий звон звучит всегда, а пока что название стиха указывает на смерть литературы (написано в далеком 2003 году!) и на попытки разбудить эту красавицу: «разбудят поцелуем сальным, измажут патокою рот». Не тот будильник заведен. И не для всех сразу.

**Марта Синельникова,
«День полива»**<http://www.stihi.ru/2010/04/06/6166>

Эти стихи надо читать в палате интенсивной терапии:

«Ничто не нарушало тишину на даче:

Ни смех детей, ни птичье пенье,

Ни рокот самолёта в вышине», потому что ему можно верить – оно там и написано. Речевая терапия. Терапия речи. «Я поняла, что это было счастье» – понимание счастья и есть эйфория жизни, при этом даже чтение ужасно плохих стихов не нарушит этого состояния, более того – укрепит. Здесь озабоченность конфликтом между природным и здоровым и техногенным и больным, детством и зрелостью. Достаточно только резонанса, чтобы конфликт исчез и превратился в счастье.

**Наталья Чекова,
«Косточка»**
<http://www.stihi.ru/rec.html?2010/04/05/4933>

Чувствуются в стихотворении краски, но это какие-то неизвестные краски, иные цвета, за пределами видимого спектра. «Бродишь, срываешься, подпрыгнешь, не сбережешь...» – увидеть невозможно, а представить легко. Цвет – это температура, а она есть движение, динамический оттенок, усиленный многими

дефисами и тире, через которые, как через барьеры, надо перепрыгивать к новым смыслам. Оксюмороны умножают фрагментарность смыслов, превращая косточку в некий универсальный знак, который надо просто «хозяйски накрыть ногой». От греха подальше.

ДЖУ ЛИС,

«Рыбак»

<http://stihi.ru/2009/11/13/2519>

Лучшее, что можно сказать об этом стихотворении – то, что оно мечтательно, а худшее – что оно мечтательно. «Луна плыла, луна была полна» (Б. Пастернак). «Луна спала. Полно, луна была рыба по пояс в воде, только вниз головой» (Ната Сучкова). Эта «рыба», шаблон, образец, а «Ты бледна, как луна. Ты нема, как луна» (ДЖУ ЛИС) – это продукт ее, и даже красота описания царапанья брюха луны (рыбы) о ветви (водоросли) на дне (дворе) не объясняет того, как из брюха луны выдернуть крючком внутренности. Хотя, обращаясь в будущее, догадываешься, что луна чувствует это, цивилизация ее еще достанет. Мечтательность оправдана.

/26/

Борис Панкин,

«Чебурашка выйдет в чисто поле...»

<http://stihi.ru/2003/11/30-1330>

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.

Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон...

(Слова Бориса Ласкина, песня из кинофильма «Трактористы» (1939 год). Можно считать, что ретро-футуризм живет, и в этой цепи Чебурашка не последнее звено!

Лада Миллер,

«Поэт»

<http://www.stihi.ru/2009/04/11/6162>

Иногда так привыкаешь к современным стихам, что перестаешь понимать, о чем они? И по привычке же не обращаешь внимания на то ли странности, то ли находки: «вокруг пятном родимым соловоеют Соловки». Или: «Проспиртованный закат. Ты стоишь, травой исхлестан от распятия до пят». Потом смотришь название стиха – «Поэт». Этим все сказано. Стихотворение писано от имени лирического героя, оно само, потеряв своеволие, стало субъектом

творчества, творящей сущностью, не зависимой от автора. Поэтому поэты сами не ведают, куда их выведет кривая.

EIRONEIA,

«А ты не понял? Мы прощались...»

<http://www.stihi.ru/2010/04/19/1750>

Уже не первый раз цитирую Джарвеса Кокера (Jarvis Cocker – британский музыкант из группы Pulp), но куда деваться, если он говорит такое: «I will never get to touch you, so I wrote this song instead» – «Мне никогда не прикоснуться к тебе, поэтому вместо этого я написал песню». Перл современного искусства. Прикосновение же убивает искусство, превращает его в попсу (может, это и кошмар?). В этом стихотворении принцип наоборот: «уйду наощупь, не провожаема никем – зачем? Прощанье – только площадь, где выставляют манекен» – его можно трогать сколь угодно, и это не помешает написать грустное стихотворение о печали и прощании с любовью.

Лэйла,

«Хороший знак»

<http://stihi.ru/2004/12/30-644>

Проникновение в оптимизм. Как ночное купание в холодной воде. Не первое и не последнее. Как не первый и не последний хороший знак. Кажется, что эти знаки определяют судьбу, но только в том случае, если об этом написано незабываемо: «...по-лягушачьи воду рассекать быть снулой рыбой ласковой утробы из трех времен надергать ниток, чтобы из трех имен единое связать...»

Мария Маркова,

«Река»

<http://stihi.ru/2010/04/13/3449>

Мария Маркова уже яркая звезда, разгорающаяся все сильнее. И как несомненный авторитет в современной русской поэзии, она востребована в литературных журналах. Ее стихи действительно чувствуются настолько органичными с общей основной формой и содержанием, что создают настроение одинаково адекватное для всех людей, от мэтров поэзии до простых читателей. Ее и вправду можно назвать народным поэтом, хотя бы потому, что она производит культурную реабилитацию простоты и ясности, в противовес существующей сегодня небрежности, брутальности и отсутствия стиля. Кто еще из современных русских поэтов способен вызывать в аудитории овации и выкрики «браво!»? Мария Маркова может (и делает это, чему я был свидетелем): «Я здесь, я всё ещё река, разлитая легко по свету».

Ла Светлана Ветка-Ветка,

«Ямбы, хорей, ягоды»

<http://www.stihi.ru/2010/04/07/6074>

Ла Светлана Ветка-Ветка может превратить в лирику что угодно, любую тему, событие, переживание, и даже то, что невыразимо. Просто, когда мы думаем, что уже больше нельзя, дошли до барьера, оказывается, что она уже давно за ним. Тонкая мысль не нуждается в эмоциональности, как способе ее объяснения, ей достаточно простых слов из букваря или орфографического карманного словарика:

«я доверчива скромна я вам чистописание а больше ни хрена».

Игорь Гонохов,

«Зимний сон или воробы»

<http://www.stihi.ru/2007/07/24-3002>

Стихотворение похоже на длинное уравнение, которое не знаешь, как решать, пока не догадываешься, что оно есть функция самого себя – как перегонка самогона рождает дух, как сон поэта рождает безобидных воробьев:

«В цветастом блюде пирожки.
Там воробы пекут и варят».

Оскар Бозций,

«Пещерный художник»

<http://www.stihi.ru/2006/03/01-2806>

Стих-картина, в которой каждое слово-мазок:

«...охальный,
Сам не свой, охристый, наскальный,
Иноскальный, иннок скальный,
Иномыслящий пращур ваш...»

Из мазков вышло полотно, но оно не читается сразу и понятно не всем. Поэтому автор накладывает дополнительные мазки:

«Не бизон это был, не бизон!
Не олень это был, не олень!
Я творил, но не я был творец.
Наш отец это был»

Автор утверждает, что пещерное (примитивное) искусство, даже исполненное хоть клинописью, остается метафоричным, и аллегоричным, и вдохновенным свыше. Можно расширить это свойство для любого искусства. Начиная с поэтического.

Геннадий Нейман,

«Мать»

<http://stihi.ru/2004/04/08-975>

Каждая строка в стихотворении подается через сито библейских сюжетов, через призму священного слова «мать», и восприятие

сквозь собственную память. Чехов в рассказе «Студент», говоря о вере, хранимой столетиями, писал: «Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

В этом стихотворении та же цель и та же цепь.

Александрин Ван Шаффе,

«По следу нами раненных чудес...»

<http://stihi.ru/2005/08/19-12>

«Да что ж такого в этом «НИКОГДА»,
Что нас все тянет по его маршрутам?»

Заросли мелодраматических ветвей в паутине маршрутов настолько сложны, что в них может все исчезнуть, если слишком сосредотачиваться, однако, если в них нырнуть, как в водопад, тут же откроются прелести арт-то ли нуво, то ли флеш, или деко, или лайф. Кому как нравится. Финал стиха: «чудеса зализывают раны», и это значит, что хождение по следам было не только не напрасно, а совершенно необходимо. Чудеса ранятся чудесами, которые есть мы сами.

ДАН КЕШОН,

«Я доходил до самой ручки в восточной дикости пиал»

<http://stihi.ru/2009/10/22/2504>

Чтобы написать рецу на это стих, я запланировал вспомнить и думать о нем в первые минуты после утреннего пробуждения, находясь еще в пороговом состоянии между сном и реальностью. В полном бодрствовании в голову ничего не приходило. «Герой достанет мощный кукиш и скажет «Ну?», а после «На!» Нас не продашь и не подкупишь! Патриотически волна Накроет шайку медным тазом».

И утром мне в голову ничего не пришло, наверное, потому, что последняя строка стихотворения все сказала сама афористически: «тесен мир славянской браге в восточной дикости пиал».

Евгений Орлов,

«Любовь»

<http://stihi.ru/2010/03/14/4895>

Перечень слов в начале стиха создает настройки восприятия для более глубокого проникновения в атмосферу повествования, которая то ли расширяется (смех женщины), то ли сужается (взгляд щенка) – все зависит от восприятия и настроения читателя. Тут много поворотов. От насыщенных до скудных, больших и малых (но не менее завораживающих), спокойных и элегантных до звона в голове.

Если можно сказать, что стихотворение опьяняет и кружит, то про это так можно сказать точно. Да и сам лирический герой признается: «и откроется плод черным блеском пьянящий и резко я хмелею и млеку от этого страшного блеска...». Кто не пьянел от любви?

Наталья Лукьянова (БЕСАМЕМУЧА),
«Жестокий романс»
<http://www.stihi.ru/2009/03/25/59>

Едва ли не единственное гламурное стихотворение в этом цикле, хотя об этом можно и не говорить, потому что романсы почти стали его сутью. Как гламур стал и сутью попсы. Сюжет прост: «Сменив богемный антураж на будуар уютной виллы... Он с кем-то дрался на дуэли». Здесь особый путь: еще даже не попса, чтобы стать искусством, но уже слишком искусство, чтобы быть просто попсой. Состояние критика настолько неустойчиво, что любое слово в похвалу или ругань обрушивает его.

СЛАБЫЙ ТВОРОГ,
«Маргарет, Моя Дорогая Маргарет»
<http://www.stihi.ru/2009/10/09/4311>

Повторю еще раз свой тезис о том, что уродливое может превратиться в прекрасное очень неожиданно, революционно.

«Я больше не открываю дверь, отвечаю я ей,
Вкладывая в конверт фотографию очередного

Выбранного свободным голосованием президента».

Эйфория возникает от настоящей демократии, но ирония заключается в том, что в иных условиях и выбор оказывается ужасным. Этот стих просто просится быть в десятке лучших. Есть в нем нечто, что может пригодиться в жизни.

SMOKER,
«Это только сначала не больно...»
<http://www.stihi.ru/2008/07/05/1308>

Меланхолия слова, мрачность и развитие еле сдерживаемого пессимизма (а может, радости?), как совершенный акт художественной алхимии, ее норма. В таких случаях рецензия не может быть ни «пряником, ни кнутом, ни пинком, ни пайкой». Она сама должна быть паранормальной и настолько туманной, чтобы сделать себя бесполезной. Если б можно было заставить рецензию пронзительно завизжать, то я бы сделал это, в ответ на строки стихотворения: «Если время и лечит кого-то ногою левой. Беспробудно и страшно брэнчит затравленный Моцарт».

Александр Кожейкин,
«World of Warcraft»
<http://www.stihi.ru/2010/03/29/4002>

Сложное произведение: триптих с эпиграфом и пояснением. Рецензией на произведение должен стать бы пересказ содержания этого повествования, с последующим возложением его на алтарь свободного искусства. Нет, лучше на алтарь борьбы с коррупцией. «Грозный металл запрягая в оглобли, мир занемог и обрюзг, будто Рим». Читатель бросается на проникновение в ткань стиха, и, получив энергию, запоминает это, как закономерный факт столкновения ожидаемого и неожиданного одновременно. В конце концов, это и есть ролевая онлайн-игра World of Warcraft – чтение стихов.

Петелина Мария,
«Степь»
<http://stihi.ru/2010/01/26/7204>

Мистические степные миражи и бури вызывают в памяти тревожный гибрид воя и плача, который звучит, как мощное крещендо, очаровывающее, однако, нас колыбельной, навязчивым резонансом музыке, которая существуют только в мечтах: «и во мне твой голос – самый желанный звук. Я раскрываю закат над тобой как зонтик и ковром цветочным стелюсь под твою стопу». Вне терминологии музыки (памятуя о Чюрленисе) этого не объяснить. Чтобы услышать звуковые ландшафты, не нужно быть степным волком.

N.REVER,
«Интерференция»
<http://stihi.ru/2009/05/08/4846>

Название стихотворения «Интерференция» отражает наполненность метафорическими зигзагами, которые превращают читателей в эмоциональных кочевников по пространству – «глиняный кувшин из вавилонского зиккурата взрывается черепками в Ижевске». Все события – метафоры не представляют из себя что-то неожиданное, но композиционно расположенные в пространстве и времени, сам способ их следования, вместе взятых, создает интересное и сложное состояние, охватываемое диапазоном состояний от тихой колыбельной до взрыва, от Космоса до жития инок. Интерференция была и будет, потому что это процесс. Сама рецензия и есть интерференция.

Алексей Королёв,
«scvrra»
<http://stihi.ru/2008/05/30/2254>

Писать о современной поэзии – все равно, что станцевать архитектуру. Стихотворение «scvrra» как раз то, что надо постараться стан-

цевать, тем более что пушкинский эпиграф его предваряет. Плоский минимализм прозаического верлибра, насыщенный мятущимися превращениями лиригероя, на фоне бездельного шута, олицетворяющего, может, совесть или еще что-то ненужное и не востребуемое: «поди ж ты надоешь всемилостью шут на крюке в осеннем пальтишке затеряешься среди шуб». Достойный экспонат для танцпола верлибротек.

Алексей Котельников,
«Привет, отец!»
<http://www.stihi.ru/2008/03/03/4438>

Способны ли мы сказать добрые слова близким людям? Можем ли мы сказать об этом без покаяния? Можем ли мы сказать об этом, не будучи в пьяном монологе? Или неважно, как, лишь бы сказать? Неважно, где, пусть даже и на кладбище. А можем ли мы сказать добрые слова живым?

Антон Прозоров,
«Сонник»
<http://www.stihi.ru/2008/09/19/537>

Даже в момент самого быстрого и легкого понимания текста этого стиха, все равно, от читателя может потребоваться более тщательное прочтение, и те, кто достаточно терпелив, откроют для себя сокровище тихого наслаждения. Оно спрятано в двух первых и последних строках: «а она ты знаешь жила негромко собирала мысли слова дела ...до чего мы господи невесомы несладимы призрачны неполны». А между ними игра слов, очень удаленных друг от друга.

Антон Прозоров,
«Говорит оттуда...»
<http://www.stihi.ru/2009/12/16/1475>

«...ничего подобного вообще -
ни звезды, которая погасла,
ни звезды, которая горит -
ничего».

Частицы «не» и «ни» для меня есть некий художественный ручной тормоз, который останавливает движение стиха, и впереди ничего не видать, и, что было позади, позабыто. Остается только статическое ощущение состояния, которое ценно само по себе, как мороженое ценно тем, что оно заморожено.

ВИК,
«Тихое»
<http://www.stihi.ru/2008/11/21/463>

Романтическое, демоническое, грустное. Стихотворение намекает то на одно, то на другое, при этом расплывчатость картины не устраняется, она смазана, как в движении,

хотя никакого движения нет.

«...и, накрывший медным тазом всё, что ново и старо,

день в оконной раме смазан хлесткой кистью Писсаро» (еще один медный таз!).

Впрочем, движение есть – «идёт долиной мгlistой шепот сердца атеиста» – но оно очень тихое, движение шепотом, об этом и стихотворение. Что может быть тише шепота атеиста? Бывают времена, когда тише ничего нет.

Вл. Чугаев,
«Слепое кино»
<http://www.stihi.ru/2006/02/06-682>

Хоть стихотворение и нечто большее, чем упрямление в грусти и депрессии, но не настолько, чтоб захотелось выучить его наизусть. Правда, это не показатель. Слепому кино не нужно действие, у него есть особое состояние честности, при котором любви не надо пробиваться через препятствия и доказательства, как в кино, она наступает сразу, и ее видно.

Григорьев Амирам,
«Слово Москвы»
<http://www.stihi.ru/2009/04/23/690>

«Недалёкой земли не достигнуть, ни водой, ни дорогой» – в зачине стиха и далее, используя всю энергию применяемых образов, стихотворение достигает цели. И уже неважно, какая это была цель. Энергия полезна тем, что она заряжает второстепенность и инспирирует последовательность слов. Она требует уступить дорогу, но никто и не мешает. При этом сохраняется опасность стать жертвой собственной энергии, которой некуда деваться, и только найти пристанище там, где указано в финале: «над приёмным покоем Над покоем приёмным». Это надо воспринимать, как позитив.

Дмитрий Машарагин Озерский,
«В потерянном доме мы вместо кого»
<http://www.stihi.ru/2009/05/05/40>

Катенин Грибоедову писал о «Горе от ума»: «Дарования больше, чем искусства». Грибоедов – Катенину: «Искусство только в том и состоит, чтобы подделываться под дарование» (Вайль и Генис «Родная речь»).

«... и помню качались качели в саду
две женщины знали что я не приду
качались качели и кто-нибудь в них
качались за ними качались за них»

Дмитрий Мельников,
«Вот гай германника премудрая Москва»
<http://www.stihi.ru/2010/01/10/3030>

Тонкие механизмы поэтических строк создают сцепления, заправленная топливом ма-

шина входит в слаженность работы, и чем дольше это наблюдаешь, тем энергичнее откровения, будто становишься каким-то типа эзотерическим самолетом, возвращающимся в прошлое, где «крамола с птичьими костями, затвердевший в небе салют, и брэнность, и исполать тебе четвертый Рим». Стихотворение есть продукт истории и сама история памяти, «любимой до беспамятства», в которой преследуются призраки насильственных разрывов между судьбой и городом. Москва вдохновляет на драматическое.

Елена Кривчик,
«Пока все рёбра были целы»
<http://www.stihi.ru/2009/03/24/5255>

Здесь буквосочетания на тонкости слово- и мироощущения, создают мантры аллитераций, стоящие гораздо дороже, чем конкретные идеи на отвлеченном образе стиха, тем более, что по содержанию стиха пока не было тех (лиргероев), у кого они могли родиться, а были только «оливы и агавы. Вы праздно пили соки-воды, Вкушали мёд, плоды и травы, Плоды любви паллиативы...».

/30/

Елена Моревна,
«Дельта»
<http://www.stihi.ru/2002/09/16-853>

Стихотворение, как кинетическая скульптура, начинает двигаться под действием собственной энергии «неистового моторчика» вдохновения, заставляющего пространство впадать в кураж, и сам стих – как «летучий шезлонг уже считает стыки полосы...». Улет. Вместе с читателем, если только он сам готов к этому.

Катерина Канаки.
«Вчерашний вулкан, обращённый в цветок...»
<http://www.stihi.ru/2009/02/12/5343>

Это стихотворение я помню уже год. Оно обсуждалось в прошлогоднем апрельском цикле. В этом году стих приобрел вещий смысл на фоне парализовавшего всю Европу исландского вулкана. Не знаю, какими словами описать это стихотворение, но кажется мне, что оно уже вошло в современную классику. В него можно вплыть, как в безопасную гавань, где не страшно, и можно придти в себя: «пробивается тонкий росток кудрявого ветра морского, твой утренний голос, твой сбивчивый слог, твой образ: от света – до слова». К одному из стихов К. Канаки я когда-то писал: «Человек словами заполняют строку, но не они создают смысл сказанного, а то, что оказывается в пробелах, и что оказывается гораздо сильнее слов и человека».

Маша Не,
«1001»
<http://www.stihi.ru/2009/10/22/8319>

В стихотворении содержится намного больше, чем прочитывается. Оно предполагает множество отдельных кусочков реальности, которую лучше всего рассматривать без всякой связи друг с другом. Тогда проявляется композиция, но особая, которая таковой вовсе и не является в привычном смысле, но рождает зудящее чувство сопричастности, во все тело проникающий тремор озабоченности тем, что сегодня завтра станет вчерашним, а вчера так и останется в памяти навсегда: «И сколько в колотушку ни фигачь, Не спят спокойно жители Багдада...»

НЕ ПОХОЖА НА РИЗ УИЗЕРСПУН,
«Притча о древней рыбе»
<http://www.stihi.ru/2009/09/26/3080>

Мы можем быть до конца с прошлым, но прошлое не до конца с нами. Об этом притча. И вообще прошлое отделено от нас, как рыба стеклом аквариума, о которое остается только плющить розовые ладошки. Переводя метафорические стрелки на человеческую цивилизацию, памятуя о том, что китайцы называли «великого человека общественным бедствием», не точно ли так же можно сказать о некоторых памятниках некоторым «выдающимся» людям: «какой неудачный финал... какое глупое и мучительное самоубийство»? Притчи всегда с двойным дном.

Светлана Ширанкова,
«Баллада о проходящих мимо»
<http://www.stihi.ru/2008/08/01/1257>

Сейчас, когда маргинальность стала мейнстримом, трудно написать рецензию, отвечающую и тому, и другому, или вообще соответствующую какому-то однозначному жанру. Даже если это баллада. Первая часть стихотворения здесь представляет собой сценарий фильма с одним персонажем, который можно снять и выставить на YouTube, а вторая – чувственное осмысление социального напора: «Рванёшься, будто пленник из оков, почувывший в металле призрак фальши, ...но все равно останешься среди таких же проходивших рядом». Пусть это будет неким самородком современной поэтической красоты из каменных штолен подземных темниц. Но чтобы это увидеть, надо там оказаться. Стать одним из проходивших мимо «дрожа от жути, холода и смрада».

Сергей Ивкин,
«Четыре»

<http://stihi.ru/2009/09/17/1865>

Иногда от прочтения стихотворения может возникнуть опасение за избыточную смелость придания стиху поэтической ценности, которой, казалось бы, слишком мало. Но такова современная поэзия. Ее сегодняшнее состояние и восприятие читателем не соединяются прямой, а связаны хитроумными узлами:

«Не говорите все сразу: и так в голове байда.
Каждое утро бреюсь, но прорастает синяя борода».

И вдруг обнаруживаешь, что узлов слишком много, и они созданы не поэтом, а судьбой, и их естественность превращается в естественность спутанной лески, называемой бородой, в клубок шерсти, который не надо распутывать, а просто связать еще сильнее и сделать носки. Без которых жить нельзя. Две пары. Как продиктовано названием.

СКАНДИ,
«Неворобей»

<http://stihi.ru/2009/05/20/4455>

Еще одно стихотворение, испытывающее литературу на прочность. Если название стиха – открывашка, то здесь она не срабатывает. Нелинейные образы, смысловые переломы и неожиданные рифмы превалируют над сухим и жестким смыслом, превращая чтение стиха в тяжелый труд. В конечном счете, ему не хватает для данной жанровой разновидности чувства, но его отсутствие воспринимается, как необходимость. Это пример минимализма современной поэзии, который делает ее такой сложной – эстетика еще не распрощалась с простотой, но уже познакомилась со сложностью: «истово буквам не верь не исповедь я здесь не храм горюдил а изгородь».

ship12g@gmail.com

ОБСУЖДЕНИЕ:

Сергей Фаустов:

Мой обзор не имел целью ограничиться только как литературный обзор. К каждому стиху я подходил, как к общекультурному событию, произведению искусства вообще, а раз так, то стих надо рассматривать точно так же, как картину Пикассо, как симфонию Моцарта, как творчество бардов или дворовую песню. Литература гораздо шире рамок, заключенных в собственном самоопределении. Иногда мы это видим даже очень в узком поле зрения.

Алекс Павлов:

Вот это и есть новый язык критики, по крайней мере, солидное приближение к нему. Спа-

сибо, получил огромное удовольствие от такой вдумчивой созерцательности.

Всем бы такого читателя и критика.

Сергей Фаустов:

Может, это называется презентация стиха?

Евгений Орлов:

Действительно, некий художественный анонс стиха, отсюда и упор на его сильные стороны, при этом (в отличие от презентации) легкий намек на слабости, чтобы у читателя возникло желание прочитать, дабы, вероятно, оспорить. Некая художественная провокация. Если работать над такой формой, то можно и нужно вводить в нее элементы интриги... Но, как при этом избсжать того, чтобы анонс – по своему объему и насыщенности – не стал объемней, насыщенней и художественней самого стихотворения?

Всеволод Иванов:

Я бы всё же назвал мета-критикой. Ибо «нет» всё же, ИМНО, повторюсь, весьма внятно кое-где (или ошибаюсь?), и, во-вторых, «презентация», «анонс» – слишком откровенно предполагает «+» a-priori до-чтения, что противоречит сути такого текста. Он претендует на нечто на порядок более глубокое, нежели просто «презентация».

Сергей Фаустов:

Посмотрел в гугле: МЕТАКРИТИКА – критика самой критики. Но надо что-то придумать.

Всеволод Иванов:

А через дефис? Да просто – критика. Критика или, как минимум, попытка таковой. Собственно это и есть критика, а иные подходы – это анализ, исследование – но ещё совсем критика.

Евгений Орлов:

Именно до чтения.

Алекс Павлов:

Да, точнее, презентация или рецензия. Со-гласен.

Анука:

Фау, а у меня такой неожиданный вопрос возник – Вы случайно не увлекаетесь... йогой? А то Вы в такие хитроумные узлы в некоторых откликах завязываетесь, что только йогам под силу.

Мне кажется, если раньше Вы были миротворческими силами и Ильей Муромцем на печи, то сейчас достигли истинного просветления. Критической нирваны даже.

Нет... даже не так. Вы... Вы даже стали как... земноводное! То есть, принимаете темпера-

туру каждого написанного стиха. По идее, это уже полное бесчувствие выходит.

Олег Калининков:

Анука, он показал, на его взгляд, самое хорошее в стихе. А плохое – Вы и сами найти способны.

Это не бесчувствие. Доброта концептуальная. Судить с таким качеством, конечно, нельзя. Но пропагандировать поэзию можно.

Сергей Фаустов:

Мне понравилось – земноводное. Йогой не занимаюсь. Тут был эксперимент. Я давно уже говорил, что хочу научиться новому языку критики, Старый язык не срабатывает. Некоторое время я тренировал себя на странице у Регины Соболевой и у Марковой Маши. Там «рецы» сохранились. А вот тут в полном объеме. Я сам вижу, что это не критика получается. Или не совсем критика. Что-то другое. Но для меня это другое и есть главное. И интересное.

N.Reber:

Ну, формально, нигде не сказано, что это должна быть критика, речь шла о выборе десятка, и выбор был сделан... хотя, на мой взгляд, это именно критика, просто повыше уровнем.

У меня тут крутятся такое определение заметок рецензентов:

Борис Привин – ни для кого.

Кирилл Анкундинов – против всех.

Светлана Литвак – только для себя.

Сергей Фаустов – для всех.

Анука:

Я давно знаю Фау и даже один манифест, посвященный его антикритическому методу в 2003 году писала, и моя подруга Козетта Закавыкина писала. Она назвала критику Фау так: «Микроскоп и валенок», вот: <http://www.proza.ru/2008/03/17/395>.

Критика для всех? Ну, не знаю – не знаю. «Для всех» – это значит ни для кого в каком-то смысле. Мне вот кажется – что за интерес стишки писать, если что ни напиши – всё хорошо окажется.

Александр Илайша:

А мне кажется, что только в этом-то и интерес – чтоб только исключительно и всегда хорошо писать!

N.Reber:

Где же тут «всё хорошо»? Десятка Сергея заканчивается текстом с 50-ю пунктами. А как мы помним, пятьдесят было задано, как минимум, для среднего текста, то есть, он определил тридцать один текст – как ниже среднего – очень жестко, по-моему.

Анука:

Илайша, мое утверждение гораздо парадоксальней. Будь я каждым автором лонг-листа, я бы расстроилась – критику-то (читателю) моё не понравилось, раз понравилось все сразу. Будь я коллективным автором лонг-листа – я бы расстроилась тоже.

Слова исключительно одобрения говорят больным и детям. Значит, в таком состоянии находится лонг-лист – бедный, простуженный ребенок, которого критиковать-то и рука не поднимается – остается только утешить. Реберу – да я на цифры никогда не смотрю – они для меня ничего не значат.

Перечитала с цифрами и нашла противоречие между ними – цифрами и словами. Да, я согласна – вчера при беглом прочтении в ночи это не сразу в глаза бросилось – тонкие критические (и правда) замечания Фау, даже преподнесенные в качестве достоинств, – все же просвечиваются. Но не везде. Есть стихи, которым по откликам, казалось бы, ничто не грозило оказаться за чертой в 50. Но, тем не менее, они там оказались.

Перечислить, кто? Да, наверное, это и так видно...

А, может, и не видно. Тогда я все же перечислю. Сначала два примера завуалированной критики. Про стих (многострадальный) Бедрицкого.

«Думаю, что это стихотворение очень выигршно слушалось бы в авторском чтении на фоне волнующей музыки» – ммм... слегка убийственная (при всей доброжелательности) характеристика для стиха, по-моему. Ни один стих – ни в авторском чтении, ни в дополнительной волнующей музыке не нуждается.

Поэтому этот отклик вряд ли можно назвать однозначно положительным.

«Идея стиха очень хороша и заключена она в названии его, но воплощена скромно, сразу насытившись». Также ясно, почему стиха в итоговом листе эксперта не оказалось.

Дальше зачастую критические замечания тоже видны, хоть эти замечания, на первый взгляд, кажутся и подчеркиванием достоинств.

Вообще интересно, конечно. На игру похоже – «а найди критику». Ну, а что? Отлично. Поймите меня! – Это посыл любого стиха, по сути.

«Поймите меня, – по-своему говорит Фау, – критика сближается с самой поэзией и становится ею же».

Суть эксперимента Фау я, кажется, поняла. Но, есть отклики, которые поняла не совсем. Ивкин, например. Ветка-Ветка. Еще были авторы. Ведь, казалось бы, полностью позитивные отзывы. А иногда – несмотря на кажущуюся «негативность». «Дарования больше, чем искусства». Это Дмитрию Озерскому – стих оказывается в шорт-листе.

Гм. А в чем смысл эксперимента, Фау? То, что критики не существует – так это ясен пень. Или еще в чем-то?..

Александр Илайша:

Анука, не надо везде существовать: «будь я каждым автором лонг-листа...», «будь я коллективным автором лонг-листа...» – будьте самой собой! Может быть, изредка – автором.

Дружески...

Анука:

А Фау, вообще-то, доэкспериментировался до дипломатии МИДа: «внешние» слова ничего не имеют общего с «внутренними».

Сергей Фаустов:

Анука, у Вас глаз рентгеновский.

Конечно, это практический ответ на то состояние с критикой, о котором абсолютно безуспешно пишут толстые журналы. Первый опыт. Апробация. Не знаю, что дальше будет.

Галина Самойлова:

Спасибо за обзор, Сергей. Рада за авторов, попавших в Вашу десятку.

Сергей Фаустов:

Как хорошо, что иногда мы бываем обречены на радость.

Всеволод Иванов:

Первое впечатление от обзора – некоторая ошарашенность. Когда видишь, как отвлечённое «чтобы стих понять, нужно его хоть немного, но полюбить» воплощено, так сказать, «на живом материале», да ещё и на 41 стихотворении... – поневоле... ошарашиваешься.

И лишь перечитав пару раз, начинаешь замечать, что не всё так просто. Попытка вникнуть в каждый стих, в любое, даже выходящее за пределы возможностей восприятия, произведение, причём попытка и искренняя, и грамотная, профессиональная – впечатляет. Но, однако же, первое впечатление – «похвалено всё» – развеивается уже при втором прочтении.

Добрые слова, которые нашёл автор обзора для каждого стиха – свидетельствуют (когда и где свидетельствуют) – о том, что он действительно этот стих понял, воспринял, услышал. Но, однако же, ещё не означают, что он его принял.

Тут просто шкала высказываний другая. Некоторые совершенно невинные, на первый взгляд, пассажи в этой «шкале» в каком-то смысле соответствуют жесточайшему критическому разному в шкале привычной. Но, с той поправкой, что помимо честной и почти для всех стихов ИМНО удачной попытки проникновения в мир стиха, «примерки» к своей душе и к своему строю мысли, вкусу... и даже более того – не просто «примерки», а честной попыт-

ки взглянуть на стих глазами самого автора, – здесь ещё есть и чувство такта.

Тем не менее, «нет» (как и «да») от Фаустова звучит кое-где весьма и весьма внятно. Только, чтобы его услышать, нужно проследовать тем же путём, каким следовал сам автор рецензии: вслед за автором – в стих – и обратно, к себе самому, не утерев, однако же, «пойманного» ощущения стиха.

Неподъёмность задачи, однако, сказывается. Наверно, всё же невозможно иметь столь широкий вкус, столь широкую возможность восприятия настолько разных текстов, и некоторые рецензии выглядят всё же «сочинёнными», «написанными для комплекта». Впрочем, их считанные единицы.

Сколь бы ни был я не согласен, как с конечным выбором, так и с некоторыми, как минимум, отзывами – спасибо, Сергей! Ваш опыт настоящего чтения и настоящего рецензирования – во всяком случае – заслуживает глубочайшего уважения и благодарности.

Павел Самсонов:

Проведена очень большая, вдумчивая и содержательная работа. Доброжелательный подход свидетельствует о мудрости и светлом характере эксперта. Прошу прощения за столь откровенную лесть, Впрочем, не лесть, а искреннее уважение.

Сергей Фаустов:

Да, это не критика. Я теперь со стороны вижу, что это нечто другое. Наверно, я уже не смогу писать иначе, потому что сейчас именно такое проникновение в стих мне интересней всего.

Владислав Сергеев:

Спасибо, Сергей, за удовольствие! Почти во всем солидарен. Единственное недоумение: с чего ты взял, что у Королева – верлибр?

Сергей Фаустов:

Черт, куда девался верлибр?

Владислав Сергеев:

Это был оптический обман.

Регина Соболева:

Во всяком случае, это – уже что-то новенькое. Кроме Марковой, которая все-таки слишком скучна для таких высоких оценок.

Сергей Фаустов:

Регина, спасибо за предоставленную ранее возможность использовать твои стихи как площадку для тренировок. Без них ничего бы не получилось!

Регина Соболева:

Мне было в удовольствие.

У: НОВЫЕ КНИГИ

Игорь Захаров, Череповец Провокации верлибра и картинки 3D

(О книге Светланы Василенко «Проза в столбик», Москва)

Василенко Светлана. Проза в столбик.
(Книга стихов). – М., Союз российских писателей, 2010.

Мое мнение о произведениях, называемых стихами и не имеющих признаков, присущих традиционным стихам, както: размер, рифма, строфа, никогда не было высоким. Мне казалось, что автор, избравший такую форму, застрял в своем творческом развитии между прозой и поэзией, то есть, прозу он уже освоил, а до поэзии еще не дорос. А самовыразиться хочется, зудит творческое «я». Ну, прямо, как дети! И отношение – соответственное: чем бы дитя не тешилось... Однако, такой способ подачи текста далеко не нов. Обратимся к «Википедии»:

«Верлибр (фр. vers libre) – в разной степени свободный от жёсткой рифмометрической композиции стих, занявший довольно широкую нишу в европейской, в частности – англоязычной, поэзии XX века. Это тип стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от всех «вторичных признаков» стиховой речи: рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизма (равенства строк по числу ударений и слогов) и регулярной строфики.

Вопреки распространённому мнению, свободное стихосложение не является новейшим изобретением, имея, наравне с рифмометрическим, корни в дописьменном поэтическом творчестве, эпосе, исторических песнях, хотя и не является прямым продолжением дописьменных традиций. Тем не менее, для многих национальных стихотворных традиций верлибр стал основным способом выражения поэтического авангарда. Современный верлибр многим обязан поэтам XIX века: Фридриху Гёльдерлину, Уолту Уитмену, Стивену Крейну, Артуру Рембо, Жюлью Лафоргу и др. В начале XX века он был избран в качестве основного метода многими англоязычными поэтами, в частности представителями имажизма. Первым термин «верлибр» использовал Ричард Олдингтон в предисловии к антологии имажизма (1915). Он писал: «Мы настаиваем на том, что верлибр – единственный метод написания поэзии. Но мы отстаиваем право и свободу поэтов писать таким образом». Томас

Элиот: «Автор верлибра свободен во всем, если не считать необходимости создавать хорошие стихи». («Википедия», http://ru.wikipedia.org/wiki/Vers_libre).

Последнее изречение просто замечательно! Именно! Раз уж верлибр – это поэзия, то он должен быть больше, чем просто стихи.

Неоспоримый факт, что сегодняшняя мировая поэзия (в силу своей ограниченной компетенции рамки мировой поэзии придется сузить до русско- и англоязычной) в подавляющем большинстве своем представлена именно верлибром. Достаточно пройти по разноязычным поэтическим сайтам и почитать произведения, признанные «стихами года» за последнее десятилетие. Объяснить это можно, пожалуй, только кажущейся простотой исполнения. Типа, пиши, как говоришь, только разбей написанное на короткие неравные строки – вот ты уже и поэт. Приведу еще две выдержки – пожалуй, лучше не скажешь:

Сегодня, перед обедом, пятого сентября,
Я, находясь в Турции,
Вернее, в ее территориальных водах,
Решил, что годы идут,
И, чтобы успеть сочинить
Побольше стихов на разные темы,
Мне пора прощаться с рифмами.
Боже мой, сколько времени
Я угробил на их поиски.
Считал, что ищущий свои,
А находил чужие.
Чаще всего,
Так оно и бывает,
Только не все признаются,
То ли дело верлибр
С его изумительным принципом:
«В огороде бузина,
А в Киеве дядька»,
Который теперь называется
«Потоком сознания»!
Взяв его за основу,
Остается только разбить
Все, что придет в голову,
На строчки разной длины.
Вот вам и верлибр!

Такие, как эти, стихи можно писать бесконечно,
Но бумага кончается – и это, увы, реальность,
Жестокая, если угодно.
Если бы я писал это в рифму – ушло бы дней пять,
А так – меньше часа,
Даже жаль, что так быстро,
А еще далеко до обеда...
И если какой-нибудь наш
Отсталый редактор
Не согласится считать
Это стихами –

Отдам их другому,
 Более прогрессивному,
 Как сделанный мною подстрочник
 Для будущего перевода
 С русского на турецкий
 Или наоборот.
 Или еще с какого-то
 На еще какой-то.
 В общем – чтоб не пропало!
 Не знаю, как с этим в Турции,
 Но у нас один из поэтов
 Уверял меня, что другой
 Именно так и делает,
 В связи с недостатком времени,
 А также из гуманизма:
 Во избежание простоев
 У своих переводчиков...

(Константин Симонов. «Опыт верлибра»)

Увы и ах – естественно, что для Мастера, владеющего формой, верлибр – это не более, чем халтура!

«В своей видимой вседозволенности верлибр чертовски привлекателен – на первый взгляд. Демонически соблазнителен – на первый взгляд. Я помню, как в детстве мне казался гнусной профанацией белых стих, – типа, большое дело – писать без рифмы, дурная работа нехитрая. Верлибр с виду еще легче – писать без размера, без навязанной строфики... Ощущение такое: берешь любой текст, разбираешь, как попало – получается верлибр. Например:

Верлибр
 чертовски привлекателен –
 на первый взгляд.
 Демонически соблазнителен –
 на первый взгляд.
 Я помню,
 как в детстве
 мне казался гнусной профанацией
 белых стих, –
 типа, большое дело – писать без рифмы,
 дурная работа нехитрая...

Так ли просто все обстоит? Нет, не так. Верлибр требует от автора удивительной интуиции, очень тонкого чувства интонационной фальши» (Линор Горалик <http://resheto.ru/lexikon/glossary2792.php>).

Может, потому, беря в руки книгу С. Василенко и прочтя название «Проза в столбик», еще до чтения содержимого ты уже предупреден: это – не стихи. И автор честно признается:

Не умею
 В рифму.
 Это как бы еще не стихи,
 Но как бы уже и не проза.

Между.
 Или еще лучше и честнее:
 Тяжело переходить
 С телеги на крылья,
 Всю жизнь писать
 Про заек,
 А потом заделаться вдруг поеткой,
 Шарахаться над косогором
 Птеродактилем,
 Гортанно, дико так
 Кричать
 Над родиной
 Дактилем.

Но начинаешь читать, и постепенно мир этой книги впускает тебя. Впечатлений много, разных, сложных. Но главенствующее – одно. Это можно сравнить с 3D-картинками: на первый взгляд, вроде бы, плоская мазня, а потом вдруг за этой мазней тебе открывается объем! И отдельных мазков уже не замечаешь, а бродишь глазами по этому объему, поворачиваешь его и так, и этак... То же и с «Прозой в столбик». Постепенно за сюжетом, за мыслью, которую хотел выразить автор, начинаешь замечать интересные звуковые сочетания, образы, вроде бы не к месту, но очень точно создающие настроение – лирическое, грустное, задумчивое, временами просто пронзительное, но всегда внимательное к мелочам. Любой символист обзавидовался бы таким сравнением:

«Степь, пахнувшая чистой
 хлопчатобумажной футболкой на теле
 любимого мужчины...»
 «Змея ... с глазами рассерженной прачки...»
 «Собор, похожий ... на корабль
 межпланетный...»
 «Нерусская, с лицом татарской девочки,
 здесь утонувшей, река...»

Пожалуй, другим подходящим названием для этой книги было бы «Настроение в столбик». Другими словами, у этой книги есть мощная энергетика – свойство, присущее всем замечательным творениям. Но как? Ведь не образы или особый звукоряд заставляют читателя вчитываться и сопереживать. Следует отметить, что помимо зарисовок о малой родине, Индии, Корее или Польше, в книге есть притчи. Да-да, самые настоящие! Снова обратимся к словарю: «притчи – это не просто тексты, не просто рассказы. Каждая притча может что-то дать, научить чему-то, в ней заложена какая-то определенная правда, какой-то определенный урок, маленький или большой, закон мира, в котором мы живём».

И теперь по книге:

«Настя» – необычная и в то же время закономерная трансформация знакомых с детства мест, сначала унылых (все та же река... та же

самая стрекоза... тот же самый журавель...), но с появлением соседской дочки мир преобразается. Кажется, из-под рук этой девочки рождается все чудесное, что есть на свете... Что, если она лишь дотронется до нашего мира своим маленьким пальчиком, как волшебной палочкой, он преобразится.

«Подсолнухи» – можно было бы назвать «божьей милостью триптих», не в том привычном для нас смысле, а триптих о людях, породившихся через Бога – крестные и крестники. Через простой крестьянский быт показаны неброские, но очень теплые, действительно, родственные отношения и чувства.

«Вольное поселение» – тяжелое реалистичное повествование. Далеко не каждый способен на такое признание: «Мой дедушка – сумасшедший». Здесь всему есть место – и зарисовкам, и размышлениям, и познанию доселе неизвестного, и обретению необъяснимого дара: «...ведь я не сумасшедшая – но я вижу, вижу... Понимаю: отныне я, как мой деда Савва, могу видеть сквозь время».

«Цыганская мадонна» – пожалуй, самая удивительная притча. Неторопливый рассказ об автобусной поездке и знакомстве со случайной попутчицей – цыганкой неожиданно превращается в почти библейскую историю: «...сам Христос был цыганом... Он и родился, как настоящий цыган, – в чистом поле под цыганской звездой. Потом со святыми апостолами по всему свету табором ходил, чудеса творил. Все, что сбудется, знал, как цыгане знают. И убили его злые люди, как цыган убивают, – ни за что. И мать его звали так же, как меня – Мария...». Аж, дух захватывает от таких аналогий! И почему это не может быть правдой?

«Глебушка» – маленький рассказ о маленьком мальчике, финансовое благополучие семьи которого пока еще не коснулось его детской души, которому посчастливилось быть воспитываемым второй Ариной Родионовной (она с ним в лес ходила, сок березовый могла собрать... травы все знала, кровь могла заговаривать, сказки знала, песни...). И чувствуется в этом малыше хорошее, народное уже, крепкое начало: «Гляди-тко! – говорит, как маленький старичок, Глебушка, – русалки баламутят... играюца...».

«Ангел» – концовка разит наповал: «...неподвижно сидишь скрюченной чайкой... глядя в себя и понимая, что через несколько минут тебе надо встать и идти, чтобы жечь, да глаголом, да сердца. Что, увы, ты пророк, и тебе не отвертеться».

Очень мощная и красивая точка в произведении и во всей книге!

И всё это – замечательные притчи. Пожалуй, без них книга так бы и осталась «как бы еще не стихами, но как бы уже и не прозой», так, чем-то «между», каким-то очердным

опытом, просто проходным изданием. Помните: верлибр требует от автора удивительной интуиции, очень тонкого чувства интонационной фальши? И что вы скажете об интуиции и тонком чувстве интонационной фальши? Да и откуда бы ей взяться? Автор живописует словом – и звукописует картины из своего прошлого, давнего и недавнего. Изображает, нет, представляет свой собственный мир, состоящий не только из городов и местечек – от Подстёпки и Феррапонтово до Варшавы и Парижа. Этот мир густо населен родными, друзьями и случайными знакомыми. Этот мир полон переживаниями и просто наблюдениями. Он цветной и пестрый. Наверное, именно поэтому еще, книге чужда монотонность.

В завершение могу лишь добавить, снова вернувшись к сравнению с 3D-картинками, что в процессе чтения форма уходит на задний план, а остаются образы и настроение.

manager4@crmcrm.ru

Тамара Сизова, Вологда

Вовне

(Заметки о книге С. Василенко «Проза в столбик»)

Выход книги стихов Светланы Василенко «Проза в столбик» стал событием. Пограничные жанры всегда вызывают повышенный интерес. Выйти за рамки привычного жанра и заманчиво, и страшно, однако Василенко решилась, подтвердив свое мастерство прозаика и обнаружив талант поэта.

При чтении книги бросается в глаза – разрыв между стилем предисловия и авторским стилем. Авторский язык – обрывистый, чуть задыхающийся, но живой и яркий, а язык предисловия велеречивый, пышный, малопонятный. «Неужели Климов – это псевдоним Тайгановой?» (Н.Сучкова). Похвалы, какие расточает автору господин Климов, имеют обратный эффект. Цитата из предисловия: «...Голос – чем насыщены повествования Маэстро. Маэстро потому, что она буквально дирижирует нашим – не прочтением – произношением. Выговариванием. Дирижирует перебивками строк несистемными, порой знаками препинания, музыкой внезапной остановки фразы».

Учитывая намеренную избыточность вступления, легко видеть – книга тоже оказалась непростой, переполненной.

«Концепт состоит в пересечении обычной короткой прозы с элементами поэзии. Считать это чистой прозой нельзя, поэзия есть. Есть и взлеты... это стих про купание старенькой мамы. Когда получается хороший стих? Когда в нем заключена целая история, роман, но о ней догадываешься по двум-трем словам. В этой книге тоже есть истории, но их надо прочесть пятьдесят страниц» (Н. Сучкова).

«Обрывки текстов, описания и детали сами по себе не могут быть прозой, они ближе к поэзии, но для поэзии мне не хватает поэтической характеристики явления... Важная поэтическая составляющая – недосказанность» (М. Суворова).

Книга неизбежно возвращает к вечному вопросу – насколько же уловимы эти дуновения поэзии, насколько нужна эта неуловимость...

«Автопортрет в пейзаже». Отталкиваясь от заголовка раздела, ждешь от стихов большого личного наполнения – «автопортрет» же! Этого не происходит. Есть лишь зарницы реальной жизни, намеки на нее, отзвуки. Любить того, кто жизнь назад. Как та монгольская девочка – русского князя. Символ вполне работающий. И это символ только василенковский, не единожды возникающий в книге. Ахтуба, сжимающая толщу истории, приближенная к нынешнему белому дню. Автор постоянно отражает зрительную волну, и та несет к другим – например, деревенскому дурачку Леше, который будет любить свою любовь после смерти... к другим – это условным божам, знающим, где живет чудо.

Не описывая лирическую героиню, она вглядывается в ее любовь, которая вне времени – как в «Соборе Парижской Богоматери». Даже у могилы мужа шепчет: «Опять влюбилась». «Автопортрет» написан таким вот любовным эхом. Настя, эхо такой же любви – «наша надежда».

В текстах «Прозы в столбик» есть высокие слова, они довольно пафосны, хотя все предельно просто, разрежено. Серия портретов отраженных автором людей – вот что такое «автопортрет» в данном случае.

Многолюдие и плотность персонажей на один квадратный сантиметр книги поразительны и тоже избыточны. Пожалуй, их так много, что они теснят мир самой лирической героини. После чтения каждого стиха убеждаешься – в «Вольном поселении» есть и святое семейство в виде деда-матери-героини, а также гражданская жена деда, есть воображаемые фашисты, голое божество, сравнимое только с Аполлоном, и даже случайная попутчица, увидевшая пятно на платье... Но нет отдельно самой героини. И потому, несмотря на красоты поля, вишен и беленых хаток, несмотря на доброту и ширь повествования, не хватает самого рассказчика...

Перепополненность лицами и перепополненность мест – это тоже почерк прозаика, привычка зорко смотреть вокруг. А поэт берет ощущения, откуда угодно, и из себя тоже.

Это особенность – много в одном – ярко выразилась и дальше, в «Подсолнухах». Где через крестных видно историю целой семьи, и даже лирическая героиня видит, как и ее

дед, сквозь время... Вот эти крестные – и есть крайняя, высшая точка выражения себя через других. Таким образом, раздел «Вольное поселение» плавно продолжает предыдущий раздел, точно так же, как «Фрески Дионисия» продолжают «Вольное поселение».

Все эти разделы книги абсолютно условны, их границы зыбки, как, собственно, и ожидаемо в поэтической книге, а обозначения разделов носят вполне символический, декоративный характер. Иными словами, разделы тут не очень-то и важны. Важно другое.

Все произведения расположены между полюсами Сюжета и Настроения. В одних мы видим сильное преобладание сюжета – «Цыганская мадонна», «Фрески Дионисия», в других – полное отвержение сюжета и прикосновение к неназываемому (по Буину). Разумеется, и здесь, и там есть образы, облеченные в роскошные детали, но они, эти детали, очень конкретны, они зависят от места и времени... Тот же дед в «Поселении» кажется сумасшедшим только здесь, в больнице, а вообще не сумасшедший. Потому что ненавидит фашизм, и это правильно. Та же цыганка, она мадонна, конечно, но именно в этом автобусе, а не вообще. А есть такие детали, которые блещут вовне, вне всяких пределов времени и пространства. Чем больше подробностей, конкретики и чем полнее рассказ, тем меньше остается в нем вот этого летучего неназываемого. И чем меньше сказано, тем сильнее укалывает то самое неназываемое.

Так, уже упоминаемое стихотворение «Мою старенькую мамочку» очень мало по объему, не содержит указаний на время и место, нет описания внешности и характера, но в нем есть чувство, дорогое всему человечеству:

«Мою
Мою старенькую мамочку.
Мочалкой
Тру ее девчоночье тело.
Ее качает, как от ветра
Былиночку,
Мою мамочку,
Мою кровинку».

Тема слабо вспыхивает во «Фресках» – там, где чужая маленькая мама спит на лавке, всхлипывая и бормоча во сне. И они обе с героиней брошены...

«Был день из света состоящий» – посвящение, но все оно является предисловием и подступом к строчкам:

«... тополиный пух прилип
К твоим еще смеющимся губам,
Как ватка,
Из другой уже не-жизни».

И правда, здесь неважно – кто, кому, что сказал, в какой точке Москвы или Риги это

было, а важно только это – момент был и растаял. Светлый такой.

Подобный тоже очень краткому и легкому, хотя и вполне называемому «Саратов. Глушь. Любовь». И поэтому все остальные истории рассказаны не зря. Чтобы подвести к важному, не только для автора, но и вне его. Строки вовне.

tat-ark@yandex.ru

Андрей Коврайский, Ярославль

Дерево без коры

(О поэтическом сборнике Ольги Люсовой)

Люсова Ольга. Дерево без коры. (Стихи). – Ярославль, ИПК «Индиго», 2010.

Всегда приятно, опровергая слова Дмитрия Кедрина об обычае поэтов «вставши в круг, оплевывать друг друга», порадоваться за творческие успехи братьев и сестер по литературе. А выход новой книги – это настоящий праздник. Особенно сейчас, когда подлинная литература где-то на задворках диапазона ценностей (или я сгущаю краски?).

Совсем недавно увидело свет «Дерево без коры» – первый полновесный сборник стихов ярославны Ольги Люсовой. Книга, выпущенная ИПК «Индиго», состоит из четырех частей – трех «блокнотов» и раздела «Мимо блокнотов. 2006-2009». Сама «дислокация» произведений, действительно, чем-то напоминает записные книжки. Встречаются даже отдельные строфы, хаотично разбросанные по страницам. Задумка автора – продемонстрировать живое поэтическое полотно – воплощена на редкость удачно. Лейтмотивом книги стали душевные переживания лирической героини.

Думается, первый «блокнот» – самый неровный по содержанию. В нем проникновенные строки соседствуют с откровенно провальными. Вот, например, цельные стихотворения «Мне снился сон: Земля пуста...» или «Возьми меня за руку...». Как изящно-интимно звучат в последнем заключительные строки: «...по имени знал Мою каждую родинку!» И тут же – слабые места: «...Ищу слова. На помощь, мой суфлер...» («Не заплатив, сижу в вагоне счастья...»), «Под звуки радиорекламы... На фоне пыльной панорамы» («Общежитие»).

Несмотря на такие «соприкосновения», уже в этих стихах можно ощутить всю остроту лирики Люсовой:

«Отрубите мне правую руку,
Все равно я умею писать».

А между тем «Он мне вывихнул лопатки...», «...давлю опухшим пальцем Чуть дымящийся окурок... А окно уже открыто. Доползти бы».

Эти эсхатологические метания продолжают и во втором «блокноте». Не прекращается авторский монолог, или, точнее, мы читаем письма, которые никогда не дошли бы до адресата, не будь они стихами: «Видеть тебя И глотать сердце...», «О тебе я писала так, Что у неба сводило скулы...», «Выскуливать тебя у памяти...» и т. д.

Но вот останавливаешь взгляд на стихотворении «Смотри в глаза собачьи, сучьи...» – и понимаешь, что оно рождено не просто эмоциональным всплеском, а настоящей болью, которая «выговаривается» простыми словами:

Зачем так смотришь бабски, с поволокою?

Ни гордости, ни совести в тебе.

А знаешь, мне, сидящей около,

Совсем не по себе.

Ключом к пониманию стихотворений из третьего «блокнота» можно считать эпиграф к нему – «Высуну язык, На голову встану. Левой пяткой – брык! Просто я устала». Многие строки в «блокноте» словно служат ответной реакцией на терзающие лирическую героиню воспоминания о прежних чувствах: «Издали, как разбавленные ветром, Доносятся печали отголоски...». Ей кажется, что теперь ее жизнь – голубь, закатанный в асфальт. Героиня не уверена в своем будущем. Ее взор обращен к природе, но и здесь она замечает, что «Дневной свет исчерпан...», «...даже птица не присядет На сиротливый черный крест...», а «Руки деревьев, как грабли, Чешут затылок небес...». Иногда у автора вырывается: «Слягу, размякну и даже всплакну...». А в одном из лучших стихотворений сборника «Мерно со скипом крутятся времени жернова...» будто приговор оглашен: «Что от меня останется миру? Одна мука».

Но остается намного больше! Музыка стиха звучит... Она звучит в завершающей части книги – тихая, грустная. Сколько тут саморазрушающих признаний: «Я давно не пишу...», «Слепо ношусь кругами...», «Нет новой жизни...!» Настроения одиночества, пустоты, краха преобладают. Героиня хочет отправиться в дальний путь, она согласна жить в подвале, шептать стихи кроне сосны – лишь бы не оставаться одной! Она признается, что желала бы возвращения ветра, который поднимет новые волны чувств и даст окончательно прогореть углям прежних.

Многие стихотворения в книге читать сложно. Меньше тех, которые написаны небрежно, голос автора в них сбивчив, завершающие строки «провисают». Больше таких, после прочтения которых в горле встает ком... Но, их хочется читать еще и еще, поскольку они настоящие.

kovrayskiy@mail.

Сергей Баталов, Ярославль

Откуда взялась Наташа?*(О книге Наты Сучковой)***Сучкова Ната. Лирический герой. – М., Воймега, 2010**

В издательстве «Воймега» в Москве вышла книга Наты Сучковой «Лирический герой». В общем-то, на этом можно заканчивать статью, поскольку для понимающего человека уже достаточно. Но поскольку хороших поводов поговорить на поэтические темы, в общем, не так уж много, предлагаю немножко порассуждать. Ибо, как было сказано:

я приду поглазеть как тебя несут
у меня в обеих ладонях зуд
у меня по ладоням буквы ползут
чтобы было чего посеять

(«Припадая на одно колено»).

От поэтов ждут разного. Ритмов, образов, точных формулировок. Очень часто ждут узнавания – собственных чувств и ощущений. Ждут сюжетов, новых историй. В общем и целом, ситуация на настоящий момент такова, что ждут яркости. Чем ярче и эффектнее образы, звучание и ситуации, тем заметнее и востребованнее становится Поэт. Это не всегда плохо, но сейчас это почти всегда так.

Ната Сучкова не идёт проторенными дорогами. Её стихи – подчёркнуто сдержанны, написаны в «традиционной» манере. При этом каждому очевидна их необычность, не всегда уловимая, но при этом, и, наверное, в силу этого, необычайно притягательная. Прихотливый излом её стихов, их ритмики, логики их мысли, казалось бы, совершенно далёк от того, чтобы привлекать современного, не в меру переборчивого читателя. Он, конечно, привлекает, и о причинах этого мы подумаем, но делает это как бы мимоходом, попутно, вроде бы вовсе даже не стремясь к этому.

Просто на самом деле, думаю, Нату интересуют совсем другие, более сложные вещи. Она занята тем, что, наверное, и является основной задачей поэзии. Эта задача в литературоведении называется – преодоление инерции языка.

Всё очень просто. От многократного повторения слова стираются, делаются неживыми, тусклыми. Привычная красота уже не кажется таковой, и требуется встряска, толчок, чтобы её увидеть. Русский язык, по самой своей природе, предельно метафизичен. Каждое слово – само по себе образ, история и совершенно особое звучание. Ната Сучкова в своей книге занимается поиском этих спрятанных смыслов.

Она очень изобретательна в этих попытках. Тут и лёгкое искажение слов, приближе-

ние к их архаике («Он приносит дымарь...»), и изысканная звукопись («Большеротым птенцом...»), и не менее изысканные, сопоставленные не по очевидному, в лоб увиденному, сходству, а по глубинному, тонко прочувствованному внутреннему родству, образы (примеров слишком много, чтобы имело смысл их приводить).

Но особенно в глаза бросается здесь не это. Те, кто читает Живой Журнал Наты, знает, что многие из её стихов написаны к фотографиям. Подобно фотографиям, они наполнены деталями жизни – каждая из которых вызывает у читателя собственные ассоциации и погружает в собственную реальность.

Как и положено фотографиям, они ценны своим не художественным мастерством, а ощущением подлинности. Чувство времени, внимание к деталям – ты чувствуешь изображаемое, чувствуешь этот звук, запах... При этом эти стихи не вовлечены в реальность, а чуть отстранены от неё. Там нет бури эмоций, но именно это приводит к более глубокому и тонкому пониманию картины мира.

Часто Ната останавливает свой взгляд на одной такой детали, выделяет её – и общая картинка искажается, становится объёмной. Любая мелочь обрастает метафизическими глубинами, причем не выдуманными поэтом, а присутствующими в ней, как в явлении языка (и реальности) изначально.

Есть детали, которые проходят через всю книгу, каждый раз раскрываясь новыми гранями. Каждая из них – тема для отдельной работы. Я, в общем-то, думаю ещё сам, подумайте и вы вместе со мной над образами дыма, воды, земляники...

Как и полагается всякому уважающему себя поэтическому сборнику, книга имеет свой сюжет, свою внутреннюю логику. Начавшись с чувства ожидания, томления от ещё не осуществленного будущего, «лирическая героиня» проходит через чувства утраты прошлого, беспечального мира («дачник мой август...»), чтобы прийти к острому ощущению уходящего времени в настоящем («стоит октябрь...»). И это ощущение важно для автора. Стихотворения фиксируют приметы утрат, потому что это нужно, потому что только через них можно понять, откуда ты вышел, что тебя сформировало:

Самая клёвая барби в мире
(есть ли кто в этом мире краше?)
на советском росла кефире,
пригоревшей рисовой каше,
приходила с бабушкой на каток
каждый божий день после шести,
и теперь в голове её жан кокто
и другие ещё стихи...

(«Самая клёвая барби в мире...»)

Описания уходящего мира постепенно, по ходу книги, сменяются внимательным взглядом на себя. При этом отстраненность взгляда сохраняется в отношении себя в той же степени, в которой она существовала по отношению к миру. Собственная личность становится предметом честного поэтического изучения, жутковатого в своей беспристрастности. Как это и принято в нашей литературе, «лирическая героиня» книги отделяется от её автора.

Вообще, сборник очень красиво сделан. В него интересно всматриваться, изучать. Его содержание переплетено, как переплетены бывают разноцветные нити в изысканном узоре. Стихотворения, расположившиеся на разных страницах книги, отражаются, причудливо окликают друг друга.

Но от частностей всегда возвращаешься к целому. По ходу развития книги нарастает её драматизм. Духовный путь героини приводит к тому, что ей становится тесно в этом её прежнем, казавшемся вполне уютным, мире («как бы ветер северный детку не продул...»). Выход находится в традиционном для поэзии явлении катарсиса, чуда – неожиданным и даже парадоксальным в ЭТОЙ реальности («Стоят, сполна всего помыкав...», «Эй, принцесса! Здесь такие пыльные дороги...» и другие). Очень многие стихотворения книги посвящены ощущению того момента, когда чудо прорастает в этой реальности, одновременно логично и неожиданно. И от её сугубого реализма оно кажется ещё чудеснее, ещё вдохновеннее.

К концу книги мотивы чуда, откровения и мотивы бегства из этой реальности уже практически чередуются друг с другом. И этот-то конфликт, конфликт между острой любовью к этому окружающему миру и ощущением тесноты от него, как представляется, и образует основной нерв сборника.

Ну, да, куда поэту без конфликта!.. Тем более, поэт понимает, что от себя, всё равно, уже не уйдёшь, и всё, что тебя сформировало, останется с тобой. Сборник заканчивается изящной смысловой рифмой к вышеприведённым начальным строчкам:

Бог – не судья, я – не проситель,
глянь, на руках-то цветёт, как ситец,
не выбелить, не скосить:
сама писала – самой носить!
(«Поезд как пояс: удавочка узка»)
batalovsergey@mail.ru

Нина Писарчик, Вологда

Ее лирические герои

(Книга стихов Н.Сучковой)

История моего знакомства с поэзией Наты Сучковой началась с поэтического фестиваля «Плюсовая поэзия» в Вологде. Ната, столичная тогда «штучка» с вологодскими корнями, была любимой гостьей тех фестивалей.

Авторское чтение стихов – всегда праздник, и восприятие во многом зависит от обаяния и артистичности автора. Вслушиваясь в её выразительное, но негромкое чтение, всегда напряжённо, хотя зал обычно замолкал, я улавливала отдельные яркие фразы, но не стихи в целом... Эти выловленные из звукового потока отдельные образы вызывали лавину ассоциаций.

«На Остоженке пахнет Боженькой...» – я впервые слышала эти стихи и видела собственное, пережитое... Улица Варварка, низенькие древние храмы... Я шагнула в первый же из них прямо с тротуара. Не пахло ладаном, но кто же не помнит этот запах?.. На улице не «пахло Рязанью», пахло, скорее, Вологдой – из-за числа церквей на квадратный метр узкой улицы. И даже гром и грохот экскаватора, ломавшего стены бывшей гостиницы «Москва», не нарушал провинциальности картинок...

Позднее, собирая литературные материалы для журнала, в котором работала, естественно, задумывалась о качестве их. Так возникла идея с публикацией Наты Сучковой. И вот тут-то, набивая в компьютер стихи с подаренного мне «пресс-релиза», я столкнулась именно с поэзией Наты Сучковой. Автором необходимо проникнуться, войти в его произведение, «жить» в нём, а не скользить глазами по строчкам – вот заповедь читателя. Блестящая форма стихов Н. Сучковой располагает к углублённому прочтению. Мир её поэтических образов закрыт для постороннего. Или это только кажется мне, ревнивому читателю, желающему вникнуть в содержание «до доньшка»? Она даёт лишь намёки, и по этим штришкам приходится самостоятельно восстанавливать авторское видение мира. Вот где раздолье для собственного читательского воображения!

Стихи Наты Сучковой – по моим тогдашним ощущениям – это «сон золотой». Цельный мир – не благодатный, но блаженный... Не явь, но грёза. Ощущение человеком собственной лучшей своей части, сохранённой от детства. Наверное, это и есть душа.

Возможно, созерцательность автора совпала с моей природной созерцательностью. Этот отстранённый взгляд – как бы издалека, из заоблачной стороны – потому-то предмет стихов подёрнут дымкой, патиной, золотистой пылью...

Именно таковы стихи:

Большеротым птенцом, садоводом
прожжённым,
Я глотаю шмеля, как мохнатый крыжовник...
И в ладони мои, как крыжовник тяжёлый,
Опускается благодать...

«Благодать» – слово найдено!

Благодатью полны стихи «Он приносит дымарь...», в них есть горе, но нет трагедии. При-

мирённость с жизнью, смирение перед смертью. Принятие и «золотых пчёл», и «белых»...

А стихи «Сапрапель»?

Возле озера Неро, под илом,
под сосновой смолёной корой,
спят любимые мои могилы,
укрываясь водой с головой...

Что в этих стихах, помимо поэтичных и потрясающе ярких образов?..

И болит у лодки уключина,
И скрипит, как больное колено...»

Эта строчка исключает безмятежность, но остаётся тишина, единение с окружающим миром – благодать.

Что, как не благодать, разлито в стихах «Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок...»?

Эти названные, уже ставшие новой классикой, лирические стихи не могли не войти в сборник, выпущенный издательством «Воймега». «Лирического героя» Наты Сучковой Леонид Костюков назвал «эпическим», и это справедливо, так как большая часть стихов в книге – повествование с социальным подтекстом. Гражданской лирикой эти стихи не назовёшь: в них нет патетики, массовых сцен, ораторских приёмов. Но есть интерес к современнику, стремление к развитию сюжета и, главное, есть личность автора. Таковы стихи: «Девочки из процедурной...», «Мелкий берег, осока, коряги...», «Стоят, сполна всего помыкав...», «Самая клёвая барби в мире...», «Городишко захолустный...», «Море, которое помнит, как было огнём...», дистих «Сестрица Алёнушка» и «Братец Иванушка», «Похищение Евы», «Эй, принцесса...», «Кабы ветер северный...», «Поезд как пояс: удавочка узка...», «Я пишу тебе, Герда...».

Ната Сучкова – живописец, рисующий словом. У неё много бессюжетных, вроде бы, стихов, в которых нет линейного развития действия, но, благодаря обилию ярких образов, возникает выпуклая, наглядная «картина». Стихи «Спать на земле под тёплыми каменных тигров лапами...» или чудесные стихи «Вот звенящие пчёлы, лоскут домотканого сада...». Или, например, стилистическая ошибка фразы «Девочки идут на лыжах, мальчики в военкомат...», обыгранная автором так, что получается бытовая картинка, почти шарж, но она зрима, узнаваема подробностями зимнего провинциального дня. Главное – в картине этой – столько поэзии!

Каждая строка Наты Сучковой – поэтична. Её стихи можно разъять на отдельные строчки, они могут жить отдельной, самостоятельной жизнью, неся свой смысл, энергетику и поэтичность. И – главное – образ:

Льёт баба Галя синьку...

И можно не продолжать – целая картина перед глазами... Или вот такая строка, из абсолютной жизненной прозы:

В тазаках у колонки треники и сорочки...

А звучит, словно музыка.

Поэтические строки Наты Сучковой, сложившиеся в законченное стихотворение – это цельная картина мира, в которой и лирический герой, и сам автор – на своём, законном месте, мало того, они – лучшая часть этого мира.

Стоят, сполна всего помыкав
Среди затоновской шпаны,
У бара «Золотая рыбка»,
Торжественные, как волхвы,
Чернее угря Вася-Череп,
Белее моли Ваня-Хан,
Стоят в Рождественский сочельник,
Фанфурик делят пополам.
И мимо них – куда им деться?
Не раствориться никуда –
Везут на саночках младенца,
И загорается звезда.

Сила воздействия этого небольшого стихотворения такова, что невозможно промолчать. Как объяснить истинную поэзию, нужно ли это делать?.. Лишь попробую разобраться, в чём его обаяние...

Итак, картина не только не благодатная, она отталкивающая: два спившихся мужика с «фанфуриком» – с какой-то отравой... Большинство мимо пройдёт, отвернувшись. Что за дело и автору до намозоливших глаза бомжей? Да не бомжи они, хоть видом и не лучше: наши всё мужики, из «затоновской шпаны», – давно ли были бравыми парнями... «Вася-Череп» и «Ваня-Хан» – в их именах следы тюрьмы, а теперь вот черёд и «сумы». Нам проще их не замечать, но, вот же они: «Стоят... Торжественные, как волхвы...». В том-то и заключается дар поэта, что он видит больше, чем хочет видеть. Самое же поразительное, что из нескольких кратких фраз получилась колоритная картина чьей-то частной жизни и нашей общественной – тоже – с ретроспективой и перспективой. А следом – шквал ассоциаций: Рождественская ночь и пропащие без веры люди – «куда им деться?». Но, жизнь не может не продолжаться – «Везут на саночках младенца», и младенец этот живой, реально существующий, и он же – символ новорожденного Христа. «И загорается звезда» – пока жив человек, жива и надежда!

Истинная поэзия может касаться любой темы и осветить её, и сказать людям правду, не оскорбив их. Всего лишь напомнив истину, отринутую самими людьми – о божественном их происхождении.

nina.pisarchik@yandex.ru

Игорь Волков, Вологда
Бить или не бить?
Вот в чем вопрос...

Хвалить или ругать? Так уж у нас принято, примерять на себя либо парик адвоката, либо прокурора. А судьи кто? Вот такая юридическая преамбула. Но есть еще в судебной практике один персонаж, это свидетель. Посему попробую без париков и клянусь говорить только правду, не принимая ничьи стороны: «Вот, просто я шел и увидел».

Свидетель: С Натой Сучковой я раньше знаком не был. Впервые о ней и ее стихах мне рассказала гражданка Г. Щекина. Я тут же прочитал все, что нашел в сети. Что могу сказать? Автор не пытался наброситься на меня с ножом и пистолетом и ранить в самое сердце. Не пытался автор меня и соблазнить самыми разными поэтическими прелестями и даже не пытался обругать матом, как это сейчас принято. Вот оно первое мое удивление! К тому же у автора создан настоящий собственный поэтический мир: осязаемый, ощущаемый, осмысленный... Тебя никто в него не заманивает, но если ты вошел в него, уходить совсем не хочется.

Я бы еще мог порассуждать о поэтике и стилистике, но, выслушав заключение эксперта-криминалиста Н. Писарчик, соглашусь со всеми ее доводами. Образный ряд у Наты, действительно, построен по мозаичному принципу, но видеть и понимать ты начинаешь тогда, когда все складывается в единую картину. Это второе удивление.

Судья: Это всё, что вы хотели рассказать суду?

Свидетель: Пожалуй...

Судья: Тогда переходим к допросу. Слово прокурору!

Прокурор: Неужели вы не нашли ничего преступного в действиях автора? Вот, возьмите стихотворение «Самая клеевая барби»...

Потому что рот у нее не рот,
А дыра с обугленными краями.
Сколько вам, сидящим в этой дыре,
Ожидать заказанных здесь напитков?

Почему рот стал дырой с обугленными краями?

Адвокат: Протестую! Это отсыл к Пушкину!

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый...
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,

И уголь, плакающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Смысл такой. Жила-была милая девочка, ела рисовую кашу, каталась на коньках, а потом стала поэтом, оттого и рот обуглился.

Прокурор: Простите! Уголь он вставил в грудь, а обуглен рот! И вообще, что там за дыра? Я вообще визуалист, и как мне это все понимать? В какой это нам дыре ожидать напитков? Во рту что ли?

Адвокат: Не надо так прямолинейно мыслить! Во втором случае под «дырой» подразумевается недорогое питейное заведение.

Судья: Прокурор, у вас все? Тогда вопросы адвоката.

Адвокат: Свидетель, вы сказали, что «у автора создан настоящий собственный поэтический мир: осязаемый, ощущаемый, осмысленный...». Какие произведения автора на вас произвели наибольшее впечатление?

Свидетель: «Сестрица Алenuшка», «Дачник мой август», «Городишко захолаустный», «Девочки идут на лыжах», «Гимназический цикл», «В городе Богом данным»...

Адвокат: Что бы вы сами хотели сказать в заключение?

Свидетель: Считаю, что книга стихов «Лирический герой» удалась. Другой вопрос, что будет дальше? В каком направлении будет развиваться свой талант Ната? Интересно, как будет меняться мир ее образов, останется ли она в этом авторском стиле, который вполне сформирован или будет искать что-то новое?..

volkoff70@ya.ru,

У: ДИАЛОГ

«Люди специально доводят себя до истерики, это в природе поэта...»

(«Нейтральная территория. Позиция 2010» – на Полит.Ру с Натой Сучковой и Леонидом Костюковым)

Леонид Костюков:

Вот вышла ее книга, показываем ее в кадре. И на май это одна из самых-самых великодушных книг этого года (2010) из тех, которые я видел. Ната, для начала, пожалуйста, одно стихотворение, чтобы стало понятно, с кем мы имеем дело.

Ната Сучкова:

вот идёт человек – голова на плечах,
из тех, что в детстве хотят на врача,
и такая чепуха лезет в голову.
мелко-мелко, как капли в бейсболку
стучат,
догоняет на острых своих каблучках,
а потом – голова оторвана.

он плывет на облаке, как в дыму,
на руках голова с пятаком во рту,
под ногами – антенны, шпидли,
он с тревогой думает: я умру,
и опять какую-то чушь, муру,
почему её не пришили?

почему-то сказку о колобке,
я творён на крови и молоке,
в ординаторской включен телик,
васильки на выцветшем лежаке,
дремлет доктор, и руки его в муке,
а не то, что в детстве хотели.

Леонид Костюков:

Огромное спасибо. Да, я думал об этом стихотворении тоже. Именно о нем. И мне кажется, что здесь удивительный такой момент – я даже пытался что-то писать об этом – некоторая грань между мальчиком, который мечтает стать доктором, и мальчиком, который стал доктором. Но вот эта мечта, когда она стала действительностью, она совсем не то – ну, или не совсем то, о чем он мечтал. И вот здесь вот какой-то сдвиг, мне кажется, очень полезный, очень яркий. Стихотворение становится каким-то земным, то есть, имеющим эту ось от земли до неба без иронии. Самый легкий способ дать эту землю в стихи, стихию низа – через иронию, но это настолько исчерпано, а вот здесь – через какие-то детали, как-то иначе.

Оно лишено иронии, и в то же время оно не как дирижабль, не висит в воздухе, потому что стихи-дирижабли, они как-то не волнуют. Чтобы они действовали, нужен весь спектр от земли до неба. И вот здесь есть весь этот спектр – и каким-то удивительным способом. Огромное спасибо. Это был не вопрос.

Ната Сучкова:

Я понимаю. Да. Ну, мне, кстати, очень удивительно то, что вы сказали, потому что я никогда не думала, вот сейчас только первый раз от вас это услышала, что текст изначально выпен, и надо – чтобы была земля, его нужно опускать. Мне всегда казалось наоборот...

Леонид Костюков:

Всегда казалось, что надо поднимать в воздух?

Ната Сучкова:

Да-да, то есть для меня, видимо, оно вот именно идет от деталей, от земли, и чтобы выход в метафизику пошел, нужен какой-то выход вверх, то есть обратное. Я сейчас с удивлением это услышала и подумала, что, возможно, так и есть.

Леонид Костюков:

Если входить в эту тему, то оно действительно так. Конечно же, стихи идут на взлет, но потом, когда они уходят как бы слишком высоко, многие авторы начинают их приземлять. И сейчас вот такая, мне кажется, типовая ошибка: они его начинают приземлять, когда оно еще не пошло на взлет.

Ната Сучкова:

Оно еще не улетело.

Леонид Костюков:

Вот оно еще только-только думает оторвать колеса, так сказать, от взлетной полосы, а его уже... Есть такие авторы, которые очень боятся пафоса. А вот эта идея, что оно идет высоко с самого начала, и надо дать ему землю, да? Не идет по земле, и надо ему дать взлет, а идет высоко, и надо дать землю – это, скорее, идеи пост-Серебряного века, идея Ходасевича, например. То есть, в Серебряном веке, там было как бы в норме, что стихотворение начинается сверху. Это не значит, что оно очень хорошо. Оно может начинаться сверху, как бумажный самолетик, который пустили с балкона, то есть, это не значит, что они были настолько одарены и настолько возвышенны, что им этот взлет давался мгновенно и быстро. Они просто начинали его в каких-то сферах и очень многие... и оканчивали в сферах. И вот были такие стихотворения пустые, то есть, я не считаю, что эта физическая высота очень

хороша. А Ходасевич, он всегда давал вот эту землю, он давал всю вертикаль. И от него пошло вот это внимание к деталям, внимание к прозе в стихах. Ну, я, конечно, очень огрубляю. Ну, хорошо, это отдельная тема, мы к ней еще вернемся. Первый вопрос – он не метафизический, он физический. Расскажите немножко о себе, о своей жизни. Вот что такое жизнь человека в Вологде? Поэта в Вологде? Для нас это какая-то «terra incognita». Что такое маленький город? Что такое жизнь в маленьком городе? Действительно ли там все знают друг друга, все здороваются? То, что у вас вышла книжка в Москве, для Вологды это бомба или это в норме жизни? Вот что это такое?

Ната Сучкова:

Последние два года я живу снова в Вологде, до этого где-то лет семь жила в Москве, то есть, тут получилась такая контрастность в ощущениях. Ну, родилась в Вологде и, соответственно, детство и юность тоже там провела. Вологда не такой уж маленький город, 350000 населения, конечно, невозможно знать всех, но в какой-то мере это верно. Это касательно среды. Но я думаю, что и Москва в этом смысле маленький город, то есть, если мы говорим о среде литераторов, поэтов, или отдельно о среде театралов, музыкантов, то это будут люди, которые общаются, знают друг друга и зачастую являются друзьями-приятелями.

Леонид Котюков:

Или наоборот.

Ната Сучкова:

Или, наоборот, врагами. Да. Это так, то есть, с этой точки зрения, я думаю, отличие Вологды от Москвы минимальное или вообще не существует.

Леонид Костюков:

Что вы делаете там, если не секрет? Как на жизнь зарабатываете?

Ната Сучкова:

Ну, я по первому образованию юрист.

Леонид Костюков:

Интересно.

Ната Сучкова:

Да. Я закончила Юридическую академию и, соответственно, работала очень долго юристом.

Леонид Костюков:

Вы адвокат или следователь?

Ната Сучкова:

Нет, я занимаюсь гражданскими делами, исключительно гражданская правовая специ-

ализация. Я работала больше десяти лет юристом – сначала в Вологде, потом в Москве, то есть, это единственный способ, который позволял мне в Москве каким-то образом существовать, потому что существовать в Москве, занимаясь только стихами... невозможно.

Леонид Костюков:

Даже Гандлевский сидит у себя в офисе и зарабатывает как-то на жизнь.

Ната Сучкова:

Да. То есть, некоторым образом моя первая специальность меня кормит и кормила, но в данный момент я по ней не работаю, занимаюсь тем, что распродаю свою личную библиотеку, которая у меня накопилась, так скажем, за годы, проведенные в Москве... Ну, просто в Вологде это проще, на жизнь требуется гораздо меньше, скажем так, материальных средств и ресурсов, чем в Москве.

Леонид Костюков:

Вопрос такой: А почему – ну, то есть, я спрашиваю как патриот Москвы – а почему не понравилось в Москве? Вот что?..

Ната Сучкова:

Я не знаю, то есть, я не могу ответить на этот вопрос сейчас, в данный момент. Каким-то образом мне проще в Вологде. Это связано даже не бытовыми, а биографическими какими-то вещами, моими личными.

Леонид Костюков:

Темп жизни, уровень каких-то требований, количество дел за день в Москве, в Вологде...

Ната Сучкова:

Отличается. Я скажу честно, что московский ритм мне ближе, хотя Москва и Вологда энергетически, мне кажется, два города, соответствующие друг другу. Кстати, у них даже год основания один – 1147. Москва и Вологда – ровесницы, скажем так.

Леонид Костюков:

Насчет года основания Москвы у меня есть проект. Я сейчас даже скажу в камеру, может быть, кто-то услышит. Дело в том, что в Москве, в Тушино, в Сходненской пойме, найдена стоянка древнего человека. И я хочу послать письмо Юрию Михайловичу (Лужкову), чтобы отсчитывать возраст Москвы от стоянки древнего человека. Тогда Москве будет несколько тысяч лет, и она будет по возрасту такая же, как Рим, Вавилон. Это будет гораздо круче. И мы будем гораздо старше Вологды. В Вологде не было стоянки древнего человека, я надеюсь.

Ната Сучкова:

Ну, возможно, что и была.

Леонид Костюков:

Тогда надо искать.

Ната Сучкова:

Надо искать, да. То есть, с точки зрения ритма жизни, конечно, есть отличия, то есть, если в Москве в сутках минимум 36 часов, так вот, по большому счету, то в Вологде их, наверное, всё-таки 24.

Допустим, Ростов Великий, город, где я детство провела, мне кажется, более медленный.

Леонид Костюков:

Провинциальный.

Ната Сучкова:

Он совсем провинциальный, совсем медленный и очень древний. То есть, может быть, здесь какая-то вот молодость города, она ведь тоже как-то так ментально воздействует. Вот, собственно...

Леонид Костюков:

Понятно. Хорошо. Тогда будем считать, что ответ получен, хотя была у меня мечта услышать какие-то очень яркие детали. В Вологде всюду асфальт или там остались какие-то улицы, я не знаю, там, глинобитные, мощеные?.. Водопровод? Газ?

Ната Сучкова:

В Вологде асфальт очень плохой. Что касается бытовых каких-то вещей, то, конечно, Москва – город очень ухоженный. Как патриотка Вологды, я не могу ее, соответственно, ругать, но с точки зрения и дорог, и чистоты... Там в этом плане что-то делается, это заметно. Это ощутимо заметно.

Леонид Костюков:

Да. Вот эта песня: «В Вологде-где-где...» – вот, характер этой песни про дом и резной палисад, – это о Вологде? Как-то характер Вологды в этой песне просматривается, или это просто песня?

Ната Сучкова:

Я просто не могу эту песню воспринимать всерьез. Ну, буквально несколько лет назад в Вологде нашелся один резной палисад, его там всячески презентовали. Есть какие-то старые, проверенные временем «бренды»: Вологодское масло, Вологодское кружево – то, что является такими общими местами.

Леонид Костюков:

Масло там есть действительно? Хорошее?

Ната Сучкова:

Масло действительно хорошее, но сейчас оно уже не такое, поскольку исчезли заливные

луга, основной, скажем так, не ингредиент, но основная составляющая этого чудесного вкуса, – заливные луга, на которых паслись местные коровки во времена, когда Верещагин эту технологию всю развивал, но, тем не менее, масло вкусное.

Леонид Костюков:

Будущее есть – у Вологды, у Саратова, Ростова, Таганрога... у всей нашей страны? Или вся молодежь все-таки мечтает поехать в Москву? Или они находят себе место в Вологде? Что там есть? Какой-то завод? Какая-то удаленная работа в Интернете? Вот – что?..

Ната Сучкова:

Вологда – город не особо промышленный, в противовес, допустим, Череповцу тому же, который у нас рядом, и который – «Северсталь», и соответственно все вокруг этого. Это системообразующее, градообразующее предприятие, даже область он, в общем-то, кормит. Вологда – город больше такой провинциальный, природный...

Леонид Костюков:

Можно быть учителем, можно быть доктором...

Ната Сучкова:

Можно быть учителем, но учителем, наверное, быть очень сложно. Общаясь с выпускниками нынешнего даже года и спрашивая их: ну что? как? вы пойдете в школу? – я ни от одного не услышала, что пойдут... Люди просто понимают, что на четыре тысячи – зарплату учительскую – допустим, в Вологде, прожить нереально, то есть, это просто уже что-то запредельное.

Леонид Костюкова:

И кем хочет стать молодой способный, допустим, ну, такой энергичный человек или девушка, которые оканчивают в Вологде школу или вуз? Какие там вузы есть?

Ната Сучкова:

Вузов достаточно много. Во-первых, есть университет педагогический, то есть, готовит кадры именно...

Леонид Костюков:

Готовит кадры на четыре тысячи. Ну, понятно. Можно, если папа – генерал.

Ната Сучкова:

Это да. Потом политехнический институт, то есть, это, опять же, инженерное, чисто техническое, честно говоря, вообще для меня темный лес. Филиал Московской юридической академии, старого ВЮЗИ, то есть, это давний-

давний филиал, не то что сейчас вот новомодные открываются...

Леонид Костюков:

ВЮЗИ я знаю, у меня там училась жена.

Ната Сучкова:

Филиал в Вологде существует очень давно, как раз тот, что я заканчивала. Молочная академия, к вопросу о Вологодском масле.

Леонид Костюков:

Кружевная академия?

Ната Сучкова:

Насчет кружевной – не знаю. Юристов перепроизводство. Это очевидно. Мне сложно сказать.

Леонид Костюков:

Хорошо. Ладно. Тогда поехали дальше. Вот то, что вы были в Москве много лет, да? А потом такой акт, жест такой удаления, да? Как видится из Вологды, издалека, ситуация в Москве? Уже ближе к литературе, к поэзии. Вот что это такое? Это, условно говоря, что-то хорошее, что-то такое энергичное? Или это что-то такое суетливое, что-то мелкое, что-то, уходящее в песок? Тем более, что вы были здесь и видели это, так сказать, изнутри...

Ната Сучкова:

Мне сложно это сказать, потому что я, конечно, понимаю, что существует некая литературная жизнь в виде публикаций, так сказать, непосредственно производства текстов и их какая-то презентация в виде публикаций в том же «Журнальном зале», допустим, или где-то на каких-то других ресурсах... И существует другая сторона этой медали – тусовочная. Ну, прямо так назовем – тусовочная. Да, и многие, конечно, мне сказали, что не надо уезжать, то есть, ты уедешь – тебя забудут, надо постоянно светиться в тусовке. Ну, собственно говоря, у меня здесь не очень получалось часто светиться в тусовках. Просто в силу того, что есть какая-то работа, позволяющая тебе иметь какое-то количество денег, – тогда совершенно нет времени, а когда у тебя есть время, и ты готов его потратить даже, допустим, на какие-то литературные вечера или фестивали – наоборот... У меня вот такая ситуация складывалась, то есть, пока я работала и имела возможность, может быть, даже за свой счет на какие-то фестивали поехать, – у меня не было времени на это.

Леонид Костюков:

Не то, что куда-то на фестиваль, а вот московская жизнь... И, допустим, человек сидит где-то юристом, но вечер-то в семь, а на самом

деле – в семь тридцать, рабочий день уже кончился, да? Ну, все-таки как-то вписываются тут люди....

Ната Сучкова:

Ну, мне кажется, что круг людей, которые ходят на эти тусовки, круг, скажем так, читателей и круг писателей, они в этом случае совпадают. Это примерно одни и те же люди.

Леонид Костюков:

Да. Ну, как, весело с ними или нет? Или это?.. Ну вот, если честно, – или это какой-то акт вырождения? Вот что здоровее? Сходить или не сходить?

Ната Сучкова:

Сходить или не сходить на поэтический вечер? В какой-то момент мне перестало казаться это здоровым занятием.... Появилась какая-то избирательность в посещении таких мероприятий, то есть, то, что именно интересно. А по большому счету, понятно, что вот этот момент выхода поэта к людям, скажем так, он ведь тоже важен... В любом случае ты написал текст – тебе хочется получить на него отклик, если ты уж не совсем такой социофоб и интроверт, что просто закрылся от всего мира. То есть, я это знаю по себе, мне хочется получить отклик. Слава Богу, у меня есть люди, от которых я этот отклик могу получить, мне не обязательно за этим идти на литературный вечер и не обязательно быть в Москве

Леонид Костюков:

Ну да, сеть дает такую возможность, это Интернет.

Ната Сучкова:

Да-да, слава Богу, что есть Интернет, и такие люди есть...

Леонид Костюков:

То есть, мы медленно подходим к мысли, что сейчас место жительства становится как резус-фактор, да? Что-то такое очень второстепенное? Через Интернет человек как-то строит свою среду общения. Все равно, где он находится, да?

Ната Сучкова:

Да-да.

Леонид Костюков:

В Нью-Йорке, в Монреале, в Вологде, в Москве, да? И вот это общение... Хорошо. Ну, а энергетика личного общения, а? Ну, вот то, что человек, который тебе мил, так сказать... все-таки встретиться с ним. У нас часто бывает, что один человек живет в Москве, другой в Питере, и у них какие-то хорошие отношения, и там раз в году все-таки приезжают из Питера в Москву, из Москвы в Питер.

Ната Сучкова:

Ну, это ведь не большая проблема, из Москвы в Питер.

Леонид Котюков:

Небольшая.

Ната Сучкова:

Я согласна, что нужны личные встречи. Ну, вот вчера была презентация, да? Я была счастлива. Я была счастлива всех увидеть, то есть, я не видела людей по году, два – некоторых, и я просто поняла, что да, это родные люди, несмотря на то, что мы не виделись, допустим, давно. Мне было здорово, приятно. Я получила какой-то толчок-позитив и надеюсь, что мне его хватит на какое-то время – это сгенерировать, сконцентрировать в себе, как-то сохранить в таком, может быть, хрустальном яйце, не разбить, не расплескать.

Леонид Котюков:

Понятно. Я вот спрашиваю это все и хочу просто обозначить, что за мной какой-то позиции на эту московскую литературную жизнь не стоит... Значит, мы постепенно переходим уже к вещам более метафизическим, более пафосным. Не будем этого бояться. Ваша личная картина XX века в поэзии, естественно, русской? Может быть, какие-то имена, какие-то пристрастия. То, что для вас именно важно. Не то, что мы на экзамене сидим, и я спрашиваю: XX век в русской поэзии. И вы должны отбарабанить. То, что для вас, именно, в первую очередь.

Ната Сучкова:

Два вопроса в одном, понимаю. Что касается XX века... не знаю... Мне кажется, я как-то в своих поэтических пристрастиях и любовях осталась где-то в самом начале, так скажем, XX века, потому что так получилось, что вообще стихи для себя я открыла с Есенина, что, наверное, характерно, а может быть, и не характерно.

Леонид Котюков:

Для нашего курятника это не характерно.

Ната Сучкова:

То есть, это был Есенин, это была вот эта есенинская слеза и вот эта эмоция какая-то. Уже потом, позже, это стала Ахматова, Цветаева, то есть, тоже такой достаточно традиционный набор, тем более, это был конец 80-х...

Леонид Котюков:

Я тогда вынужден уточнять. Есенин – этот вот как бы такой деревенский, широко раскрытый, ранний, пятнадцатилетний, да?

Ната Сучкова:

Скорее, такой Есенин.

Леонид Котюков:

Ахматова ранняя, да, наверное, тоже?

Ната Сучкова:

Ахматова ранняя, да. А Цветаев?... Цветаева вся, да. Как раз тогда вышел ее семитомник, когда вот эта у меня любовь к Цветаевой началась.

Леонид Котюков:

И вы человек такой верный по сути своей, да? То, что идет оттуда, – есть такое чувство благодарности, да? Оно и остается.

Ната Сучкова:

Ну, я не могу сказать, что я уже вот это прожила, прошла и как-то... Хотя, в какой-то мере, наверное, да. Потому что сейчас... то, что мне нравится сейчас оттуда, это, скажем так, поздний Иванов...

Леонид Котюков:

Чуть-чуть об Иванове. Потому что у нас тут каждый раз идет речь об Иванове, потому что это мой самый любимый поэт, то есть, для меня Георгий Иванов – это просто всё. Ну, поздний Иванов, понятно, из сборника «Розы», да?

Ната Сучкова:

Да, ну именно, скорее даже «Розы». Такая простота небанальная, когда за простыми словами, вроде бы, миллион раз проговоренными, вдруг возникают такие смыслы, вырастающие из ниоткуда.

Леонид Котюков:

Может быть, самые главные смыслы, которые там были изначально и которые припорошились какими-то невнятными, а он вытаскивает первый, самый главный смысл.

Ната Сучкова:

Возвращает слову...

Леонид Котюков:

А какие стихи Иванова больше всего любите? Ну, понятно, что их там...

Ната Сучкова:

Не знаю, какие. «Синеватое облако, холодок у виска...», допустим. Гениальное стихотворение, где названа всеми этими словами, где передана такая ситуация... Ну, много.

Леонид Котюков:

Понятно: «Что-то сбудется, что-то не сбудется...» Да?

Ната Сучкова:

Да. И вот это его: «И настоящих слов мы не находим, а приблизительных мы больше не хотим». Это просто мне стало близко.

Леонид Костюков:

Просто девиз.

Ната Сучкова:

Это мне стало близко в какой-то момент. Я поняла, что – да, как я писала раньше, это была, конечно, приблизительность. Такая версификационная накрученность – накрученность – накрученность, желание написать длинно, сказать вокруг да около, сказать витиевато, сказать красиво, наплести кружев...

Леонид Костюков:

Такой неожиданный вопрос по поводу этого. Не кажется ли вам, что это немножко литинститутский синдром?

Ната Сучкова:

Писать красиво – или?..

Леонид Костюков:

Писать красиво, вбивать в стихи очень много. Я часто вижу такие стихи... У меня есть свой семинар. Ко мне на семинар ходят самые разные люди, примерно половина из Литинститута, они окончили Литинститут или учатся в Литинституте. Я могу сказать, что такое литинститутское стихотворение. Оно действительно... оно большое чаще всего, но оно большое в двух направлениях: оно как бы высокое, то есть длинное, и оно широкое, то есть строки тоже длинные. Очень много в него вбито. Вот там очень много мифологического, там часто очень будет и Кассандра, и то, и се – впечатление такое, что человек сходил на пять лекций, послушал того-сего...

Ната Сучкова:

И все с подкорки списал.

Леонид Костюков:

И все... да-да-да, все вбил в это стихотворение. И очень много действительно версификационной работы, то есть видно, что вот оно. Вот оно. Нет какой-то легкости.

Ната Сучкова:

Ну, мне не кажется, что это какой-то литинститутский... мне кажется, это характерно просто для какого-то возраста.

Леонид Костюков:

Для начинающего поэта.

Ната Сучкова:

Да, для какого-то возраста, даже не столько для начинающего... ну, может быть, для начинающего, причем не в стадии совсем примитивного ученичества, а уже достигшего некоторых высот, скажем так, в версификационной именно составляющей, нахватавшегося этих

всех архетипов, этих античных штук, всяких интересных вещей, которые хочется непременно проговорить...

Леонид Костюков:

Согласен, что это можно сделать и помимо Литинститута. В Литинституте это как-то очень уж... поставлено на конвейер.

Ната Сучкова:

Возможно, возможно. Я просто опять же, может быть, как-то нехарактерно, в Литинституте когда поступила, уже так писала. Скажем так, уже так писала...

Леонид Костюков:

Да, и Галина Ивановна Седых этому не учила, конечно. Галина Ивановна – человек весьма адекватный.

Ната Сучкова:

Нет, семинар-то, конечно, наш адекватный. Он очень много мне дал в плане общения именно, то есть, мы до сих пор общаемся с этими людьми, даже с теми, кто его не закончил, этот семинар, конечно, самый большой плюс Литинститута. Ну, еще возможность, конечно, жить в Москве, в общежитии – хотя бы во время сессии...

Леонид Костюков:

То есть ваши годы в Москве – это, в частности, было связано с Литинститутом?

Ната Сучкова:

Да, в 2000 году я поступила в Литинститут, это было заочное отделение... но, опять же два месяца в год, минимум, я была в Москве. Я поняла, что это мне нравится, что это меня прет. И в какой-то момент, в 2002 году, я просто взяла сумку и приехала в Москву. Ну, то есть, это было связано. И параллельно, конечно, происходила и учеба – ну, и всякие другие вещи...

Леонид Костюков:

Ясно, ясно. Хорошо. Значит, Иванов. Иванов, кстати говоря, очень хорошо писал о Есенине. Помните, да? Ну, там мысль такая, что... это мысль такая, которую мы знаем и без Иванова, что Есенин – это то, на чем могут сходиться оказавшиеся, может быть, в каком-то купе бывший белый офицер и слесарь, то есть...

Ната Сучкова:

Мне кажется, это актуально до сих пор, потому что Есенина очень любят люди, совершенно далекие от поэзии, и даже, может быть, Цветаева для них – темный лес, но вот Есенин – это почти беспроектный вариант в этом смысле.

Леонид Костюков:

Для меня Есенин значит очень много, сразу скажу. Но для меня, скорее, много значит не этот вот Есенин с лубочных портретов, а Есенин «Черного человека», Есенин монолога Хлопуши, например. Да? Когда там не какая-то, не знаю даже, как это назвать, буколика идет, когда идет мощнейшая сила. Мне кажется, что Есенин – это поэт невероятной силы, в первую очередь. Вот образ Есенина. Давайте чуть-чуть даже про Есенина поговорим, потому что, мне кажется, что Есенин – вот самый прямой путь к тому, чтобы его понять, – это человек, который достиг всего, о чем мечтал. Да? То есть, он мечтал поставить на колени Москву, Лондон, Париж – он поставил. Константиново – это был поселок городского типа уже тогда. То есть, почему Есенин и путает все, когда какой там злак вырастает, на чем Бунин его ловит, потому что он особенно на эти злаки не смотрел, там уже был почти что асфальт. Ну, это ладно, это был такой миф просто, который он нес, а самое главное, что он хотел ходить в котелке – и он ходил в котелке, с тростью. Он хотел, чтобы у него жена была там актриса, балерина там – была актриса и балерина. И он всего достиг, чего хотел, то есть, человек невероятно сильный. Опять же у Иванова есть воспоминание, как они сидят в каком-то кабаке, под утро. Есенин, огромное количество прихлебателей, все такое прочее... Ему приносят под утро счет, думая, что он подпишет его, не глядя. И он буквально там: А это что такое? – Это шашлык-с. – Откуда шашлык? – Да вот его господин заказывал. – Так он его даже не коснулся!.. Он его вычеркивает, то есть, у него все под контролем, то есть, вот такой паразитический человек.

Ната Сучкова:

Ну, это еще тут витальная сила, видимо, и поэтический талант, и сочетание вот этой вот силы витальной...

Леонид Костюков:

А я думаю, что это на самом деле просто одно и то же. Да, это две стороны одного и того же.

Ната Сучкова:

Ну, как-то да. Вот, допустим, нельзя сказать, что у Манделштама был ...поэтический дар – да, сила вот именно поэтического слова, мысли – да, но такой, мне кажется, дар вот этой витальной жизненной силы, мне кажется, такого... Ну, это нам видится все, конечно, условно. Мы же воспринимаем все-таки это все по мемуарам, по каким-то косвенным, так сказать, признакам, поэтому нам сложно сейчас сказать. Здесь можно говорить только о своем личном отношении.

Леонид Костюков:

Хорошо. Значит, Есенин, Ахматова, Цветаева, то есть, это вот такая не совсем стандартная троица, но понятно. Это такие вундеркинды своего рода, то есть, это талант, который проявлен крайне рано. И Иванов, человек совершенно другого типа, который выпустил шесть слабых сборников стихов, казалось бы, можно на нем крест поставить, а он вдруг становится великим поэтом.

Ната Сучкова:

Ну, вот он дописался.

Леонид Костюков:

Мне кажется, это вдруг какой-то слом мгновенный совершенно. Не то, что дописался, а просто вот одно – вот другое. Ну, это ладно. Это отдельная история. Кто еще?

Ната Сучкова:

Что касается, скажем так, более недавнего прошлого наследия, мне очень близка Нина Искренко – ее какая-то поэтика, ее какая-то ирония, ее вот... ну, даже не знаю. Все, фактически все. Вот, а что касается каких-то уже современных, скажем так, действующих литераторов, то когда только я приехала в Москву, для меня страшным открытием стал Дмитрий Воденников, то есть, буквально он меня потряс. И признаться в этом не считаю зазорным. А то, за чем я слежу, то, что мне нравится, – Ирина Ермакова, допустим, это очень мне близко, особенно книга «Улей». Мне кажется, что это какой-то правильный такой вектор движения, такая вот эпика, проявленная не прямо, а исподволь, в каких-то таких житейских историях, пропущенных через себя. Это то, что мне близко, это то, что, наверное, мне бы хотелось каким-то образом делать, но по-своему.

Леонид Костюков:

То есть, Ирина, я бы сказал так, на мой взгляд, – это человек, очень верно расположенный по отношению к миру. Вот мне кажется так. Очень как-то верно... ну, то, что вы сказали, да? История, пропущенная через себя.

Ната Сучкова:

Адекватно воспринимающий, то есть, бывает ведь, поэт в тексте как-то так преломляет мир, что тот перестает быть вообще вот этим миром. Ну, он, понятно, перестает быть объективным, но он создает некие вообще миры, некие подобия, некие симулякры, я не знаю даже, как это назвать... То есть, этот мир, он может затянуть тебя, но ты понимаешь, что это нереальный мир, это мир, возможно, его фантазии, возможно, это... какое-то 3D такое.

Леонид Костюков:

Да- да. Вы сейчас своими словами пересказываете открытое письмо Заболоцкого Введенскому. Знаете?

Ната Сучкова:

Нет.

Леонид Костюков:

Нет? Вас учили этому в Литинституте?

Ната Сучкова:

Возможно, учили, но я этого, к сожалению, не помню, видимо, я тут пальцем в небо.

Леонид Костюков:

Мы находимся как бы в мастерской слепого скульптора, который построил свои какие-то миры, сделал свои удивительные открытия, мы ходим по ним, удивляемся, но на завтра мы проснемся в своих постелях и скажем: «А старик-то был неправ». Это уже самая концовка, ну, я близко к тексту это рассказываю, но все-таки не наизусть. А до этого он пишет, что – буквально то, что вы говорите – что вы строите свои миры, которые могут удивлять, которые могут там все такое прочее, но на самом деле жизнь устроена иначе. И отказ его от идеологии ОБЭРИУ, уход в то, что мы называем «поздний» Заболоцкий, да? Это вот именно... в этом открытом письме.

Ната Сучкова:

Ну, вот это то, что мне нравится у Ирины и я считаю, что она очень...

Леонид Костюков:

А Воденников? Воденников, ведь он все-таки... Или он тоже?..

Ната Сучкова:

Ну, Воденников – тут другое...

Леонид Костюков:

Нерв такой.

Ната Сучкова:

Это несколько более раннее мое, так скажем, увлечение, в отличие от Ермаковой, хотя я тоже следила, я помню...

Леонид Костюков:

Воденников... Я спрошу так: подействовали в первую очередь тексты или сам Воденников, как он читает...

Ната Сучкова:

Наверное, и то, и то. Потому что здесь сначала, наверное, я его услышала и увидела, и это произвело на меня определенное впечатление, очень сильное...

Леонид Костюков:

Мне кажется, что в Воденникове все-таки есть некоторое такое актерство, или это действительно поэт харизматический, как, например, Блок. Не знаю...

Ната Сучкова:

Мне кажется, тут сложно отделить. И мне сложно отделить. Ведь когда попадаешь под очарование чего-то, ты не начинаешь разлагать его на части, чтобы понять, почему, что вызывает вот это собственно очарование.

Леонид Костюков:

Конечно, безусловно. Это даже к салату относится. Ешь салат, тебе нравится салат, не думаешь, что же там в салате...

Ната Сучкова:

Какие там ингредиенты, собственно? Поэтому это случай такой, когда такое адекватное сочетание текстов и личности.

Леонид Костюков:

Я не против Воденникова абсолютно. Мне некоторые стихи Воденникова очень нравятся. Вот про петуха, зайца, волка – там у него есть стихотворение...

Ната Сучкова:

Ну, я страшная фанатка книги «Мужчины тоже могут имитировать оргазм».

Леонид Костюков:

Само высказывание спорное.

Ната Сучкова:

Да, название – это отдельная история. Но, вот именно нерв ... Это то, что трогает.

Леонид Костюков:

Для меня Воденников – далеко не последний поэт, то есть, я сразу говорю, мне немножко – это опять же не вопрос, просто хочу обозначить свою позицию – мне немножко мешает, что – мне кажется, по крайней мере, – что он вот этот свой нерв немножко расчесывает, чуть-чуть он как бы его педалирует... Вот ситуация, условно говоря, вызывает у него какую-то очень естественную нервную реакцию, а он ее немножко усиливает. Вот, скажем, есть такой поэт Михаил Гронас. Чем меня в свое время действительно потряс Михаил Гронас? – Тем, что это было какое-то безумие, безумный мир, но в то же время вектор этого безумия был такой – человек хочет быть нормальным. Он настолько далеко находится в безумии, что ему не надо делать шаг туда, он делает шаг обратно, оттуда. Он старается упорядочить, но он находится в настолько разорванном мире, что, даже привнося порядок в этот хаос, он все равно остается в хаосе. И вот это на меня страшно подействовало. То, что человек хочет выле-

читься, а все равно там действует эта болезнь. А Воденников хочет болеть, мне кажется.

Ната Сучкова:

Такое удивительное совпадение, мы сейчас... я ехала сюда, к вам на интервью, и со своей подругой московской разговаривала. Она говорит: ты нервничаешь, у тебя повышенная тревожность. Я говорю: ну, это нормально. Это же нормально, говорю, люди специально... то есть, я ей буквально говорила то, что вы сейчас говорите. Я говорю: люди специально же провоцируют, доводят себя до истерики, из минимального чувства пытаются сделать, извлечь максимум пользы. Это же нормально, это же в природе поэта, – говорю я ей.

Леонид Костюков:

В природе Воденникова.

Ната Сучкова:

В природе поэта. Мы не говорили тогда о Воденникове.

Леонид Костюков:

Я уточняю, что не все поэты...

Ната Сучкова:

Ну – вот то, что вы сказали сейчас. И она мне говорит, что как так, ведь нормальные люди пытаются избавиться от этой тревожности, они лечатся, то есть, вот то, что вы сейчас... Просто такое совпадение удивительное.

Леонид Костюков:

Да- да. Мне кажется, что литература, будь то поэзия или проза, конечно же, существует на грани безумия, конечно же, становится особенно интересна на грани безумия. Но, очень хорошо, когда автор сделал шаг за эту грань и пытается вернуться оттуда сюда, а не когда он стоит с этой стороны и стучится в эту грань. В эту грань не надо стучаться, то есть...

Ната Сучкова:

Ну, тут надо – не надо – вопрос уже, наверное, другой. Потому что ведь очень сложно отказаться от этого кайфа, скажем так, когда ты уже почувствовал вот это, что ты можешь, что ты был там. Уже отказаться от этого... уже получается, в некоторых случаях провоцируешь себя специально на это.

Леонид Костюков:

Понятно, понятно. А вот такие фигуры, как, допустим, Гандлевский, Веденяпин, Байтов, вот такие поэты.

Ната Сучкова:

Я достаточно спокойна к этому, то есть, я что-то... Я стараюсь читать, как-то следить, но если меня не трогает, я никогда искусственно...

Леонид Костюков:

Хорошо. Великолепно. Значит, есть ли у вас какое-то, может быть, авторское определение того, что такое поэзия? Это я спрашиваю почти у всех.

Ната Сучкова:

Что такое поэзия? Авторское... Я тоже уже говорила, что я себя не могу позиционировать, как поэт, мне как-то это претит, и я не могу, то есть, мне гораздо проще, наверное, читательское свое определение.

Леонид Костюков:

А как кого вы себя определяете? Как частное лицо, которое пишет стихи, да?

Ната Сучкова:

Ну да, видимо, так.

Леонид Костюков:

Как Анненский. Хорошо.

Ната Сучкова:

Вот и поэтому, скорее, такое читательское определение поэзии, да? Ну, тут можно согласиться, да? Там – «лучшие слова в лучшем порядке»... Но для меня, конечно, важны как слова, так и вот этот нерв, то есть не как форма и содержание, а как то, что пытаются выразить, и то, что на выходе получается: это ведь не всегда совпадает. Когда происходит некое совпадение, когда я понимаю, как мне кажется, что хотел сказать человек этим текстом, когда я вот настолько проникаю в этот текст – он так сделан, что он позволяет мне в него проникнуть – тогда я думаю, что это да, это поэзия. Ну и плюс, конечно, глупое такое определение, как какой-то процент чуда, который каким-то таким органом, который вот не является органом, видимо, чувств, ощущаешь.

Леонид Костюковский:

То, чего не может быть.

Ната Сучкова:

Да. Ну, это как-то ощущаешь, то есть, либо это есть, либо этого нет.

Леонид Костюков:

Ну, процент чуда часто люди определяют вычитанием. Они все, что могут понять, понимают, и либо остается что-то, чего они не могут понять, либо уж не остается. Вот есть такой жест, так сказать, постараться понять все, что можно. Да?

Ната Сучкова:

Ну, я говорю, что я стараюсь не расчленять, не выделять, то есть, для меня очарование, конечно, – это первично, а дальше уже идет та-

кое, что – либо мне интересно, либо неинтересно докапываться до смысла.

Леонид Костюков:

Очарование, смешанное с удивлением, да?

Ната Сучкова:

Да. И такое неожиданное – то есть, конечно, это должен быть элементом неожиданности. Потому что, когда много стихов читаешь, уже начинаешь вот эти общие места, и даже такие не совсем общие, а такие не явно общие, но все равно общие, уже ставшие общими, начинаешь их уже видеть, вычленять...

Леонид Костюков:

Неявно общие места.

Ната Сучкова:

Да. Неявно общие места вычленять – и по этому уже ждешь нового.

Леонид Костюков:

Согласен. Такой последний вопрос: идеальная картина жизни поэта. Я сейчас чуть-чуть поясню, потому что у нас это возникло в последней нашей беседе с одним поэтом. Если бы можно было выбрать, если бы был какой-то метафизический магазин. Вот образ жизни, допустим, дворянина, который имеет доход со своих имений, может жить, ничего не делать, слоняясь по своей усадьбе, по парку, время от времени пища стихи. Или писать стихи, иметь успех и с этого иметь какой-то... Как может встраиваться поэт в мир самым комфортным, на ваш взгляд, способом?

Ната Сучкова:

Ну, мне кажется, тут такая вещь, на мой взгляд, поэт не должен из мира как-то вычленяться, то есть, вот это позиционирование себя, как поэта, оно, мне кажется, приводит к каким-то таким вырожденческим вещам...

Леонид Костюков:

Поэт – школьный учитель, поэт – доктор, поэт – юрист, поэт кем-то работает, да?

Ната Сучкова:

Ну, наверное, идеальный поэт – это человек, который в какие-то разные периоды времени попробовал разные вещи, в том числе разные, скажем так, сферы деятельности, разные страны, допустим. Ну, то есть – это человек, который просто живет.

Леонид Костюков:

Понял, то есть идеальная картина, что вот есть какой-то Иван Павлович, про которого мы думали, что он страховой агент, потом он некоторое время вел занятия в вузе, потом он что-

то делал... Вот у него там жена, дети, у него там все такое прочее... Он ездит на дачу, кверху задом там это самое... Вот он в 75 лет умер, и вдруг осталось огромное количество стихов, и мы поняли, что он еще и был поэт.

Ната Сучкова:

Нет, не совсем так. Наверное, это некое понимание внутреннее того, что ты... не позиционировал себя, как поэта, да? Как внешнее позиционирование – Я поэт...

Леонид Костюков:

Зовусь я Цветик.

Ната Сучкова:

Да. Некое именно понимание внутри, что ты поэт, и некая такая отстраненность наблюдения, то есть, не просто ездит на дачу, жена, дети, а некое восприятие жизни, как некой – ну, не творческой лаборатории, а как некоего материала. Но я думаю, это и есть у всех, у всех поэтов и вообще у писателей.

Леонид Костюков:

Я думаю, что это к писателю относится даже больше, чем к поэту.

Ната Сучкова:

Даже к прозаику, да, то есть, наблюдение за жизнью, как будто бы ты немножко не в процессе, а немножко чуть-чуть отходишь. Но мне кажется, для поэта это тоже актуально. И поэту очень важно... очень важен вот этот опыт не книжный, то есть, не прочитанный где-то.

Леонид Костюков:

Чтобы было насыщение жизни.

Ната Сучкова:

Чтобы жизнь была насыщена, то есть, такая жизнь, когда ты можешь менять род занятий, менять страну пребывания, возможно, даже менять, в идеале, время, то есть, я жалею иногда, что нет такой машины времени, что – раз! – я в 50-х, – раз! – я в начале века.

Леонид Костюков:

Нам в Москве кажется, что есть такая машина времени. Мы только выехали за МКАД – сразу лет пятнадцать назад, отъехал на триста километров – лет тридцать назад, то есть, у нас вперед – трудно, а назад – то легко.

Ната Сучкова:

Ну, тем не менее, если говорить об идеальном, наверное, мне кажется, вот так должен жить поэт, и вот это все...

Леонид Костюков:

То есть, он должен жить, мыслить, страдать, и в то же время вот эту легкую дистан-

цию иметь, когда часть его существа находится... и иметь, может быть, час в день ...

Ната Сучкова:

Да, и иметь время. Или это должны быть некие периоды, то есть, некие периоды интенсивной жизни.

Леонид Костюков:

Час в день или месяц в год.

Ната Сучкова:

Да, то есть, некие периоды интенсивной жизни, там, допустим, занятия чем-то, что его увлекает и откладывается на подкорке. И потом какое-то время досуга, потому что без досуга, конечно, ничего невозможно.

Леонид Костюков:

Огромное спасибо. Есть ли что-то такое, что вы бы хотели сказать «городу и миру», а мы вас не спросили?

Ната Сучкова:

Я думаю, что все спросили.

Леонид Костюков:

Все спросили. Огромное спасибо.
strekozka@yandex.ru

Регина Соболева

«Стихи – это глупости, без

которых не прожить»

(Диалог с Александром Переверзиным)

Всегда интересно, как поживают настоящие литераторы – поэты, которые по ночам строчат шедевры, а днем выступают с ними перед ценителями, любителями, другими поэтами и так далее... Недавно мне удалось поговорить с очень интересным человеком, известным в литературном мире из-за его организаторских, редакторских и иных способностей – Александром Переверзиным. Большинство знает его, как редактора поэтической серии «Приближение» издательства «Воймега» и как замечательного поэта. Разговор начался с чебуреков.

Регина:

Расскажите, какова жизнь поэта? Как он проводит вечера?

Александр:

Только я буду говорить не «поэт», а «литератор». Хорошо? Не далее, чем вчера вечером, в чебуречной на Китай-Городе мне два друга-литератора жаловались на нелёгкую журна-

листскую долю, говорили о том, что редактор одной газеты задолжал им приличную сумму. А редактор другой газеты, который был с нами, смеялся, но даже не потому, что он редактор, просто он всегда смеётся.

Регина:

Как там поживают московские чебуреки?

Александр:

Вкусные. И водка тоже. Мы выпивали в чебуречной на Китай-городе. Легендарная чебуречная. Еще с советских времён осталась. Главное в ней – отсутствие пафоса и вытекающие из этого обстоятельства – демократичные цены. Пока стояли (там круглые столы высокие без стульев), решили, что это вторая по классности чебуречная в Москве. Первая – на Сухаревке.

Регина:

Ида... маргинальничко...

Александр:

Литераторы сегодня, безусловно, в какой-то степени маргиналы. Такое наше время, такая наша страна.

Регина:

Магга – грань, граница... То есть, литераторы – это люди, находящиеся на грани. На грани чего?

Александр:

За гранью, думаю. Если на границе – то на границе Латвии. Тут у меня какая-то труднообъяснимая логическая цепочка.

Регина:

Поэтически увиливаете. За гранью добра и зла?

Александр:

Нет, поэты не злые. Поэт не может быть злым. Нет, вы действительно хотите получить ответ про грань? Но ведь смешно же будет или пафосно. Я очень не люблю пафос. Периодически бываю на мероприятиях, на которых столько пафоса и условностей, что потом три дня только в чебуречную хочется ходить.

Регина:

Итак, Александр, я слышала, у вас очень разнообразное образование. Из химии что-нибудь еще помните, кроме C₂H₅OH?

Александр:

Образование у меня не совсем химическое. Институт (потом его называли Академией, помните, в 90-ые годы многие учебные заведения переименовывали) химического машиностро-

ения. Кафедра технической кибернетики и автоматизации. То есть, я - инженер по автоматизации химических предприятий, и химии, как таковой, у меня было совсем немного. После окончания института несколько лет проработал на линии по производству металло-пластиковых труб. Сейчас таких труб, скрученных в бухты, на каждом строительном рынке - километры. А тогда это было одно из первых подобных производств в России. Оборудование немецкое, приборы современные. Интересно.

Регина:

А как вы относитесь к великой привычке поэтов пить?

Александр:

Пить нужно в меру - вот так я к этой привычке отношусь. Пьяных не люблю. Но, когда сам напиваешься...

Регина:

Логично было бы спросить, как вы относитесь к другой крайности - к мату?

Александр:

Беспричинная обценная лексика в стихах мне совсем неинтересна. Когда есть причина, - почему бы не использовать мат? Правда, причина должна быть очень весомой. У меня такой еще не было. Если мат вовремя и красиво - это нормально. Правда, повторюсь, матом в стихах сегодня не удивишь никого. Да и нечасто бывает это «вовремя» и, тем более, «красиво». А вот когда матом разговаривают - не люблю.

Регина:

А что вы думаете, есть ли среди литераторов по-настоящему сильные люди?

Александр:

Я не знаю, что такое по-настоящему сильные люди. В смысле, что вы вкладываете в эту фразу? Но сильные люди есть среди литераторов, конечно. Есть и слабые. Как и везде. А что касается выпивки.. Однажды я поймал себя на мысли, что не могу читать стихи на публике, не выпив. После этого перестал выпивать перед выступлениями, но не всегда это получалось. Стихи очень трудно читать перед залом. Особенно одни и те же стихи.

Регина:

А вам не будет стыдно потом прочитать: «Я не могу читать стихи, не выпив»?

Александр:

А зачем стыдится того, что есть на самом деле? Тем более, я говорю не «не могу», а «трудно». Поэт - не актёр. Мандельштам говорил о поэте и актёре как о людях противоположных профессий. У актёра одна задача, у поэта дру-

гая. Вернее, может быть задача и одна, но способы решения - разные. Поэту, как и актёру, приходится выходить на сцену, читать стихи перед публикой. Но для стихов лучшее место не сцена, а книга.

Регина:

Если вы инженер, сценарист, поэт, то кто больше из всего этого набора?

Александр:

Я ещё и редактор. Но, конечно, если одним словом - литератор. А кто такой поэт, по-вашему? Кто может называться поэтом, а кто нет?

Регина:

Поэт - это доводящий свои тексты до совершенства мысли и чувства графоман, профессионально зарабатывающий на поэзии деньги. А вы как думаете?

Александр:

Поэзией, настоящей, не песенной или уродливо-юмористической, заработать сегодня невозможно. Никак. Это заблуждение. Можно получить гонорар в журнале или - очень редко, - за книгу. Но эти деньги настолько небольшие, что на них долго не прожить. Поэты работают. Кто редакторами, кто журналистами, кто врачами, кто курьерами, кто занимается наукой и т.д. Поэты - нормальные люди. Без всяких этих выкрутасов. Просто им Бог плюнул на макушку, что ли. Давайте так. Поэт это тот, кто называет себя поэтом. И всё. Ну, и тот, кого называют поэтом. Один человек умрёт - и не станет поэта, потому что только он себя так называл, а другой умрёт - и поэт останется, потому что его будут продолжать называть поэтом. Как-то так сформулировал. Вообще, очень просто, да. Кто себя поэтом называет, тот и поэт.

Регина:

А почему тогда у вас только одна книга?

Александр:

Нельзя стихов много написать. Сколько стихов за всю жизнь написали Тютчев, Мандельштам, Г. Иванов? Стихи - это, прежде всего, тема. В блоковском понимании. Может поэт и отличается от человека, пишущего стихи тем, что у поэта есть «тема», а пишущий - пишет и всё.

Регина:

Читала вашу книгу. Не пожалела, что купила. Проблески есть.

Александр:

У меня очень много проблесков в книге. Примерно одиннадцать с половиной. Иногда в темноте я пользуюсь книгой вместо фонарика. Смеётесь? Стихи, по мнению большинства

людей, - это глупости. Только от них никуда не деться и без них не прожить.

Регина:

Читали ли вы новую статью Топорова о гумилевском конкурсе? Он пишет, в частности, что современные поэты слишком часто воруют чужое, чаще всего немотивированно. Что вы об этом думаете?

Александр:

Статья - как статья. Конкурс, который я люблю, и который проводят мои друзья. Но это ведь не Нобелевская премия или премия «Поэт», а просто конкурс, один из многих, которые сегодня проводятся в Сети. Топоров был в жюри, ему надо было что-то сказать. А что про гумилёвский конкурс Топоров мог сказать, из того, что он не сказал...

Регина:

Что вы сейчас делаете общественно-важно-го и что собираетесь делать?

Александр:

Общественно важного - ничего. А так - издаю книги, снимаю сюжеты. Собираюсь снять кино большое. Да это еще планы только. На это нужны деньги. А их нет сейчас.

Регина:

Раз уж вы беседуете с одним из вологодских поэтов, назовите ваших любимых поэтов вологжан?

Александр:

Мои любимцы - Сучкова, Югай и Маркова. Боева тоже хорошая, да. У Марии Марковой есть очень хорошие стихи. Ната Сучкова - замечательный поэт. Один из моих любимых современных поэтов вообще. Недавно «Воймега» издала её книгу. Лета Югай на первый взгляд непонятна, но это мир, в котором она живёт. Порой до поэта нелегко «докопаться», но если докопаешься - обнаружишь много интересного.

Регина:

А нужно ли это?

Александр:

Нужно, нужно, как же не докапываться. Это сложно, автор должен убедить меня, читателя, - «тут не пустая порода, копай и найдёшь».

Регина:

А что скажете про молодую поэзию вообще?

Александр:

То, что она есть. Есть такая шутка. До 20-ти стихи начинают писать все. До 30-ти - поэты. После 30-ти - графоманы. Поэт сейчас только

годам к тридцати формируется. Вокруг много всего, что порождает инфантилизм. Но молодая поэзия есть. Причём замечательная.

Регина:

Докапываются обычно, если не все равно, если чем-то уже зацепил за живое. Тогда - простительно. А так... искать в стоге сена, абы что, глупо. А насчет поэтов и инфантилизма вы правы. Уже хочется молиться, чтобы поменьше писали или думали, прежде чем писать и показывать.

Александр:

Именно. Незнакомый мне пишущий человек должен меня чем-то заинтересовать. Это тоже трудно. И писать стихов нужно меньше. Думаю, тогда хорошие иногда будут получаться.

Регина:

Я как стала работать в «Политехе», в газете Вологодского государственного технического университета, так сразу резко полюбила математиков и физиков, техников и инженеров. Какое это отдохновение для меня после филфака. Ни одной истерички на квадратный километр.

Александр:

Вы с филфака? С математиками, физиками, техниками, инженерами, на мой взгляд, поинтересней. Кстати, хорошими поэтами скорее становятся именно они, а не филологи.

Регина:

Я не с филфака, я - с отделения журналистики. Никто не виноват, что в нашем Педе оно на филфаке находится.

Александр:

Журналисты - это другое, да. Они живут вместе с людьми. Филологам сложнее.

Регина:

Вы сказали, что вы еще и редактор. Делаете книги?

Александр:

Есть небольшое независимое издательство «Воймега». Нас всего три человека - художник, корректор, редактор. Ещё есть человек, помогающий «Воймеге» материально. И у всех у нас работа в «Воймеге» не основная. Изданием стихов невозможно прожить. Для нас выход книги - это культурная, художественная акция. На книгу должно быть приятно посмотреть, захотеть взять её в руки. У нас запоминающиеся обложки. Многие сначала фыркают, а в руки возьмут - и понимают, что это очень хорошо. Дизайн Серёжа Труханов придумал, сделал. Вы видели эти книги. Но это не един-

ственная серия, есть ещё. Но всё равно, это немного. Я уже говорил, что много хороших стихов не бывает. Но самое смешное, что каждая вторая книга наша получает какую-нибудь премию или звание, типа, «лучшая поэтическая книга года по версии...».

Регина:

То есть, ваше издательство – известное?

Александр:

Наверное, в поэтических кругах – заметное. Но если подойти на улице к прохожим, вряд ли они про нас что-то скажут. Про «Воймегу» вообще мало кто знает, как и про любое другое современное издательство, выпускающее поэзию. Но в тех местах, куда приезжаем – там знают, помнят.

Мы еще немного поболтали об издательствах, выпускающих серии поэтических сборников, книги стихов, выяснили, что они – редкость, и попросились. И я стала думать о том, что из этой беседы получится замечательное актуальное интервью, ибо если летом замирает жизнь офисная, то жизнь литературная, наоборот, расцветает (один Волошинский литературный фестиваль чего только стоит!).

Александр Переверзин родился в городе Рошаль Московской области. Окончил Московскую государственную академию химического машиностроения и сценарный факультет ВГИКа, учился также в Литературном институте им. А. М. Горького. Участник поэтической группы «Алконостъ». Публиковал стихи в журналах «Арион», «Новый мир», «Октябрь» и др. Редактор поэтической серии «Приближение» издательства «Воймега». Лауреат профессиональной поэтической премии «Московский счёт» за лучшую дебютную книгу 2009 года.

После получения Александром Переверзиным этой премии, недели празднований и чествований, пьянок и других акробатических изысков, мы поговорили еще раз. Благо, информационный повод не подкачал.

Регина:

Итак, вы получили малую премию «Московского счета». Что это значит для вас фактически?

Александр:

Ничего, кроме признания цехового. «Московский счет» – профессиональная поэтическая премия. Более сотни московских поэтов «всех поколений и направлений» голосуют за книги, выпущенные московскими издательствами. В этом году голосовало, если не ошибаюсь, 133 человека. Еще это означает, что мне полагается некоторая сумма денег, и это хорошо – «Воймега» сможет выпустить очередной сборник.

Регина:

Теперь было бы логично спросить, за что же вам дали эту премию, за какую книгу? Расскажите о ней.

Александр:

Книга называется «Документальное кино». По моей задумке лирический герой в ней если и отделён от автора, то совсем на небольшое расстояние.

Регина:

И это что, все, что вы можете сказать о своей книге?

Александр:

А что вообще можно сказать о своей книге? Вот что вы можете сказать о своих фотографиях?

Регина:

Что я определенно гений фотографии.

Александр:

Ну вот, тогда я гений книги.

Регина:

Гений одной книги. Звучит. А вы вообще свою книгу любите или уже переросли?

Александр:

Какие-то стихи люблю. А какие-то больше не читаю.

Регина:

А можно поподробнее? Какие стихи любите больше всего? А какие не читаете больше?

Александр:

Приходите ко мне на вечер, там всё услышите. Отвечать на такие вопросы нелепо. Даже потому, что сейчас стихи не читаю, а через год снова прочту. Всё меняется.

Регина:

Конечно, когда-нибудь я таки попаду к вам на вечер. Но я не понимаю, как беседовать с вами о вашем творчестве, если не спрашивать вас о нем?

Александр:

Хорошо. Давайте так. На своем последнем выступлении – на вечере лауреатов «Московского счёта» – я прочёл стихи «Не забуду с дошкольного самого», «Чайник» и «Мне хотелось быть в детстве врачом». Да, кажется, эти три.

Регина:

Кстати, о «Чайнике». Не секрет, что в узких кругах это – ваше самое известное стихотворение. Не детское, но о детстве. Говорят, сти-

хотворения о детстве – золотая жила для поэта. А вы что об этом думаете?

Александр:

Нет, в узких, моё самое известное – про бабушку («Стало холодно совсем зябко») – то, на которое я сделал клип с рисунками Леты Югай. А стихов о детстве можно писать поменьше, согласен. Кстати, «Чайник» – не о детстве, – действие там происходит в юности, и даже не в самой ранней. Но в книге есть и стихи о детстве, да.

Регина:

А как вообще вы начали писать?

Александр:

Как начал – не помню. Наверное, как и все. В детстве наслушался, а потом и начитался Пушкина, Тютчева, Барто. Классе во втором-третьем написал стихотворение и показал его другу. Друг сказал: «Это не ты написал». Больше никому лет двенадцать ничего не показывал.

Регина:

А как думаете закончить писать стихи?

Александр:

Ну и вопросы вы задаете... Хорошо, отвечу так: загадывать не буду, но, надеюсь, ещё одну книгу когда-нибудь напишу.
goroduimiru@mail.ru

Анчаровский десант за красотой

(Разговор Галины Щекиной с Олегом Моисеевым)

Моисев:

Выдающийся русский советский писатель, поэт, бард, художник, кино- и телесценарист Михаил Леонидович Анчаров (1923-1990) это колоссальная величина в отечественной культуре прошедшего века. Его творчество было огромным и интереснейшим миром для его современников, таким оно остается и для сегодняшних читателей, зрителей, слушателей, которым доведется познакомиться с этим огромным талантом, почитать его тексты, послушать его песни в авторском исполнении, посмотреть легендарный советский сериал, снятый по его сценарию и технологии. Сегодня его наследие осталось в стороне, что, наверное, объясняется следующими причинами: самодостаточным характером самого писателя: Анчаров не стремился к общественному признанию и не занимался саморекламой; слишком широким охватом мысли писателя: в своей прозе Анча-

ров предлагал неформальные творческие решения стоявших в его время социокультурных проблем; сменой, наконец, государственного строя, которую Анчаров уже не застал, и, как следствие, сменой запросов читающей публики, телеаудитории и т.д.

А между тем, как было сказано, в его наследии открывается огромный, поразительный мир творческих личностей, высоких отношений, неподражаемой романтики, стремление, наконец, в новый золотой век. В этот дивный мир способен войти каждый, кто неравнодушен к самим названиям его повестей и романов: «Теория невероятности», «Золотой дождь», «Этот синий апрель», «Сода-солнце», «Дорога через хаос» или вслушается в тексты его песен и энергетику их авторского исполнения.

В этом августе я наконец-то лично познакомился с замечательным вологодским писателем и прекрасной женщиной Галиной Александровной Щекиной, которая приезжала в столицу на небольшой литературный фестиваль. Заочно мы были знакомы в Интернете, на почве любви к Михаилу Анчарову. В семидесятые Галина совершила красивейший романтический поступок: студентка двадцати одного года, она лютый зимой поехала в столицу знакомиться с автором книг, перевернувших ее молодое сознание. Приехала знакомиться с Анчаровым лично. Ее воспоминания об этой единственной встрече с Михаилом Леонидовичем доступны в сети; их стоит прочесть.

Разговаривая об Анчарове почти весь день, мы с Галиной проговорили массу важнейших тем, касающихся произведений нашего общего любимого писателя. Для меня это лишний раз явилось доказательством универсальности как анчаровского творчества, так и тех моделей жизни и развития личности, которые он в своем творчестве предлагает.

В общении и проговаривании этих вещей больше начинаешь понимать сам. Становятся понятнее те комплексы идей, которые вычитываешь в анчаровских текстах, знакомые темы выставляются в новом свете. Среди обсуждавшихся тем были, в частности, анчаровская модель личностного развития. Мы с Галиной обнаружили, что подобные модели в неявной форме присутствуют в лице еще некоторых писателей, которых мы хорошо знаем... Или пространство легендарного анчаровского сериала «День за днем», представляющее собой коммуналку, в которой жители поразительным образом сродняются и становятся одной семьей, сообща противостоят внешним агрессорам, воспитывают детей и дарят счастье друг другу. Предлагаю в беседе, которая далее пойдет, выявить и подробно обсудить эти анчаровские модели и сопутствующие им идеи.

Щекина:

Олег, пока я читала твой текст, меня смех разбирал. Ты искал меня по всему Ярославскому вокзалу, когда у меня отключился мобильник, как же ты нашел в этих бесконечных залах ожидания незнакомого человека? Ты кормил меня вкусно в «Шоколаднице», кротко спал на кожаном диванчике, пока я читала доклад на Круглом столе в библиотеке им. Лермонтова, ты излагал мне в парке Сокольники важные вещи о столкновении «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих», на которые я не могла не реагировать. Вспомни-ка: столкновения эти есть и в «Теории невероятности», и в «День за днем». В «Теории невероятности» это молодой ученый Митя - хитрый, расчетливый, циничный - полная противоположность главному герою, Алеше Аносову. На протяжении повести они сталкиваются в философских баталиях, после чего Митя еще оказывается женихом Кати... Это серьезный соперник, учитываемая Алешин возраст любви, сорок лет. В «День за днем» этих «чужих» много - Леля, Толич, художник - приятель Якушева. Что при этом происходит? Все не война, как можно было предположить, а перетягивание «чужих» на «свою» сторону. Митя оказывается прав технически, а нравственная победа за Аносовым. А в «День за днем» Толич становится «нашим», Леля - уходит. Или человек уходит, или он наш. Он проходит своего рода посвящение, отчего его жизнь резко меняется к лучшему...

После всего этого говоришь со мной, как с незнакомкой? Я понимаю, первому начинать трудно, но в жизни-то это было легко. Когда один из нас начинал фразу об Анчарове, другой тут же ее подхватывал, и мысль продолжалась. Это почему происходило? Потому что включилось и заработало особое энергетическое поле, приподнявшее над землей. Потому что с нами был человек, которого мы любим. Нам не нужно проходить посвящение, мы по одну сторону и понимаем друг друга. Нет ли в книгах Анчарова особого энергетического ключа, который может объединять не только людей, но и народы? Как ты думаешь?

Скажу больше: встреча с Анчаровым изменила всю мою жизнь. Мне уже не надо было ломать голову, на что ее потратить, чему себя посвятить. Я терзалась в то время выбором профессии, хотела бросить институт и юродить по Руси, чтоб писать, а он мне сказал - не надо. Живи свою судьбу, а писать ты будешь, кем бы ты ни работала. Будешь! Наверно, дал мне настройку. И все же получилось, как он сказал. И женская судьба, и любовь, и дети, и рассказы потом пошли, только я не успела ему показать. Приехали в 1990-м студенты из Литинститута, среди них Кубрик, Марговский, Закуренько - и сказали: «Умер твой Анчаров...». Вот действи-

тельно горечь неглотаемая. Я же обещала ему первые рассказы показать...

То, что сам он владел почти всеми жанрами искусства, говорит о многом. О том, например, что он умел управлять вдохновением. Это серьезная штука. Он не сидел, не ловил мух, пока Муза с крыльями на кухню влетит. Он слишком много напел, нарисовал, изобрел, оставил нам на раздумье. Он владел этим алгоритмом, понимаешь? И я, попав под его влияние, сама захотела стать художником. И стала. Он не делает из нас дурачков, не делает зомби. Он показывает, заманивает красотой и радостью, и нас начинает разбирать такая жажда творчества, что жить по-другому просто уже не хочется. Я думаю, это он так подводит нас к посвящению, и опять делает своих - из чужих. Потому что, «творчество - способ жизни, причем высший ее способ». Ты не согласен? Куча примеров в книгах, хотя лучший пример - это он сам. Никаких пустых бутылок в углу, вся квартира забита картинами, и дверь тебе открывает женщина с портрета. Вот так вот. А если брать произведения - так Костя Якушев художник, Алеша Аносов, хоть и физик, но за красоту, Гошка - поэт, Сапожников из «Самшитового леса» изобретатель. А в «Сода-Солнце» главный герой кто? Тот же Гошка, он же поэт, он же археолог, он же клоун.

Есть такое понятие - дети Анчарова. Это люди, которые не просто Анчарова прочитали, они его впитали и заболели им навсегда. Заронил он им бациллу красоты в душу. И кем бы они ни работали, они всегда искали и ищут таких же, как они. Кто понимает «петушинный крик на заре» и «для весны прорубает проходь».

Одного я, кстати, знаю, нет, двух. Рассказать?

Моисеев:

Да нет, Галина Александровна, дорогая, во все я не говорю с вами, как с незнакомой. Одно дело личная беседа, когда я впервые вижу вас и какая вы, и понимаю, как можно себя вести и разговаривать, и вижу в вас товарища по центральному интересам и поискам, и, самое главное, своего, и совсем другое - когда пишешь. Это такая манера письма, наверное. Теперь несколько слов на темы, которые вы затронули.

Телевизионная повесть «День за днем» - наверное, самое показательное его произведение на тему «своих» и «чужих». Там представлена целая система отношений, как между жителями квартиры, так и их отношения с «чужими». Причем, кто такие «чужие», вполне понятно: это склочники, мешчане и просто подлецы. «Хотя «Мачо» кричит о равенстве на всех перекрестках, он его ненавидит. Почему? Потому, что мешчанин подозревает, что равенство это разнообразие. И, боясь разнообразия,

как холеры, стремится равенство превратить в одинаковость. Просто ему ненавистен талант» («Теория невероятности»). И я не соглашусь, что нет войны, война идет. Якушев очень хорошо проговаривает это в заключительной серии повести: «Не верьте лжецам, которые говорят, что любви нет, верности нет. Это говорят трусы. Сердечные раны? Ну что ж, мы не скупые. За все надо платить. Трудности? А почему должно быть легко? Нормальный человек нуждается в нагрузках. Идет война за человека. А война это не парад». То есть, «своими» (рабочим классом, бессребрениками, просто «высокими людьми», людьми чести и долга) становятся только те, кто уже таков в своей потенции. Просто они запутались, находятся не в том окружении, чтобы реализовать себя, как человека долга и чести. И эта «странная родня» коммуналки в ткацком доме перековывает такого человека в «своего», показывает возможные альтернативы жизни, которые просто более интересны для личности. Кстати, неверно, что Леля уходит от них: ее тоже перековывают. Она становится совершенно своей, после того, как при ней же из коммуналки вышвыривают ее мужа, от которого она в некой психологической зависимости находилась, который «отпечатался на ней», по выражению Жени Якушевой, и на которого была похожа, пока не «послала» его. Вообще, само пространство сериала и система отношений между «своими» и с внешними агрессорами, система посвящений, война за человека, символичность и аллегоричность самих персонажей сериала представляют колоссальный интерес; я попытался систематизировать все это в своей второй статье, посвященной фильму «День за днем», там все это будет гораздо подробнее. В пространстве «своих» поразительные вещи работают! Они ведь гении лепят друг из друга! Естественно, им приходится бороться за поддержание ткани этого пространства отношений, которое их связывает в единое целое.

А вот как лепил гения в себе сам Анчаров и как предлагает это каждому читателю – это немного другая модель, и ее он прописывает в своей прозе. Собственно говоря, в анчаровских текстах присутствуют несколько взаимодополняющих моделей личности, и эта – одна из них. Схожие модели, дополняющие и анчаровские, создаются определенным кругом людей. В этот круг я включаю, например, своего отца – поэта и историка Алексея Моисеева, который открыл мне мир Анчарова, на которого тоже по-своему смотрит; вообще, об отце может быть отдельный большой разговор. Забегая вперед, так очертил центральную модель возрастания личности, которую предлагает Анчаров (впрочем, его же словами): надо уметь все, что умеют окружающие тебя, и еще чуть-

чуть; ведь не угадаешь, в чем заключен твой талант.

Вот почему важнейшая фигура, встречающаяся в текстах Анчарова – Леонардо да Винчи. В первую очередь, величайший художник, так ведь еще и ученый в совершенно разных, казалось бы, областях. Опыт в самых разных областях (вовсе не только в науке и искусстве) дает предельно широкий взгляд на картину мира и законы Вселенной. Анчаров ведь и сам такой: происхождение – рабочий класс, военный опыт (плюс военный переводчик), опыт работы со словом (проза, стихи), с музыкой, в живописи, творческий интерес к естественным наукам («Бесплатная энергия»), планы написания философского трактата и так далее. Модель саморазвития, для обывательского взгляда требующая проживания не одной жизни. Верно ли я понимаю, что «дети Анчарова» – образцы и пропагандисты этой анчаровской модели развития личности, Галина Александровна? Расскажите о тех «детях Анчарова», с которыми вы сталкивались.

Щекина:

Олег, твоя мысль о битве за каждого человека меня взволновала. Однажды, когда я работала в журнале фирмы «Мезон», сотрудник той же фирмы Серега Шилев во время обеда стал мне рассказывать о воинах света. Что вот Эра Водолея наступает, это эпоха перелома в вечной битве добра и зла, каждый человек может стать спасением для всех... Мне эти разговоры напомнили Лукьяненко, с его «темными» и «светлыми», и слушать его не хотела. Тем более, я собиралась делать трехголосный хор при фирме и не смогла, директор запретил. Мне было перед Серегой неловко. Но, Серега настаивал, чтобы я не останавливалась на своем пути, чтобы продолжала бой, как делают «воины света». «Ты сама – воин света», – заявил вдруг он, улыбаясь. Я опешила. Надо знать Шилева. Это был (надеюсь, и сейчас есть) высококлассный специалист по компьютерной технике, а еще он ценил медитации в религиозном сообществе, где бог женского пола. Меня это смущало, но я упорно ходила с ним обедать, так как в фирме он был единственный, кто говорил на темы вселенской любви и торжества духа. И в тот момент, когда я в своем писательстве и общественной работе совсем упала духом, начались вот такие уговоры, а он же понятия не имел, чем я занимаюсь. Он угадал, почитал это, «понял простым созерцанием»... «А ты что, посланник?!» – глупо сострила я. – «Ну да», – ответил он. Шилев Анчарова не читал, но всегда вел себя, как герои анчаровских книг – вот тебе нетипичное дитя Анчарова.

А типичное – твой отец, Алексей Моисеев. Потому что, открыв для себя мир Анчарова, на этом не остановился. Рассказал про Анчарова

тебе, чтобы весть полетела дальше через поколения. Теперь и ты дитя Анчарова. Ты сам понимаешь, что встрял в дело, которое просто так тебя не отпустит.

Дети Анчарова – это для меня, например, Юрий Ревич и Виктор Юровский. Я сколько их знаю, они, кем бы ни были, но в первую очередь – трансляторы вестей. От них неизменно идет напряженное энергетическое поле, и с ними всегда чувствуешь, что ты «свой». Юровский меня один раз только увидел и сразу принял всерьез. Хотя эта моя идея с памятником Анчарову, конечно, маниловщина, но что я сделаю, если меня нашли Адександр Шитик и Игорь Панасенко и начали собирать деньги для фонда Анчарова. Шитик говорит, что Анчаров – это единственный смысл его жизни... Не могла же я отмахнуться, они же дети Анчарова... А в жизни самого Анчарова для меня много темных загадочных мест, и когда мне что не ясно, я сразу спрашиваю Юровского, и он, как живая энциклопедия, все мне раскладывает по полочкам. Он много мне пишет про сына Анчарова, Артема, недавно еще этот случай с пожаром, но повезло, уцелел Артем... Вот что такое добрый человек? Это вот Юровский. Я уж не говорю о его большой работе над книгой Анчарова «Сочинения», тут пропасть самоотдачи... Одной этой книгой Юровский увековечил Анчарова надежнее всякого памятника.

Ревич создал основной сайт по жизни и творчеству Анчарова (<http://ancharov.lib.ru>), он сохранил его огромное живописное наследие, но он и сам словно сошел со страниц анчаровских книг. Заглянув на его домашнюю страничку (<http://revich.lib.ru/iam.htm>), ты упадешь... Он занимался: химией; самодеятельной песней; строительством ленточных фундаментов; математической статистикой; программированием; разработкой электронных приборов по индивидуальным заказам; конструированием гидрофизических приборов; океанологией; физикой; еженедельными колонками для автолюбителей; политикой; раскруткой сайтов; ремонтом бытовых приборов; историей вычислительной техники; машинописью; фотографией; технологиями ректификации спирта, изготовления стеклотары и извлечения ванадия из отходов железорудного производства. Он все умеет – готовить еду, строить, читать лекции, грамотно писать (например, о современной фантастике или о проблемах Байкала, от одного перечня его книг по электронике рябит в глазах!). Считать в уме, паять, класть кирпичи (а какую мебель он делает!), сочинять электронные схемы, разжигать костер, писать программы на ассемблере, правильно вести себя в замкнутом коллективе. Когда он написал про Байкал, ему откликнулись уймы людей. Когда я приехала в Москву за тиражом, он с другом примчался на вокзал

ни свет ни заря и помог... Такая широта интессов обескураживает, но не в случае Ревича... В общем, это Гошка Памфилий... Хотя, может, и Сапожников. Причисляю ли себя к детям Анчарова? Возможно. Транслировать идеи Анчарова мне нравится.

Да, вот что еще важно. Ты сказал, что превращение чужого в своего (завоевание человека) и моделирование таланта в обычном человеке ты разделяешь. А это ты разделяешь, или сам писатель? И потом, на самом деле, все это связано сильно. Вспомни этого тюремщика Вову в «День за днем». Помнишь, как некоторые косились, и вот наконец Большой его отстоял – и все обнаружили, что человек может горы свернуть... Вот как расцвел мужик. Я ничего не путаю? А не стань он своим, так и КПД его был бы равен нулю...

Меня вот что беспокоит, Олег. Почему твоя работа об Анчарове начинается с Атлантиды? Это же не основной вопрос! Это вопрос сопутствующий, постольку – поскольку. Может, ты считаешь, что у него все нанизано на ось времени? Что Приск из Атлантиды и Сапожников из Калязина связаны одной нитью?

А вот по поводу Леонардо вопрос корневой. Когда я маленькая читала «Соду-Солнце», так меня кольнуло именно на этой главе, где Леонардо писал портрет. Эта женщина на портрете, в которой и он, и она... эта горечь неизбежной разлуки. Но это лирика. Там был уже ужас ненужности таланта. И у Сапожникова в «Самшитовом лесу» тоже был ужас ненужности, помнишь?

А ты анализировал все места, где упоминается Леонардо? Ты знаешь, почему именно он? Мало ли было титанов... Но Анчаров взял именно его, почему? Помнишь, был длинный сериал про художников эпохи Возрождения, и все рассказчики цитировали Джорджо Вазари... Анчаров обратился к Леонардо из-за его универсальности или тут другое? Поясни.

Моисеев:

Принципиально не соглашусь вот с чем: среди «детей Анчарова» просто не может быть «типичных». Просто потому, что это предполагает возрастание в нетипичных, разносторонне талантливых людей. «Дети Анчарова» не должны быть типичными даже в своем круге. Потом, естественно, я не разделяю «войну за человека» и культивирование в нем талантов. Совершенно согласен, что все эти вещи связаны неразрывно: потому-то и стоят горой друг за друга персонажи сериала «День за днем», что заботятся о талантах друг друга. А для этого надо поддерживать существующий порядок отношений, семейственность и вытаскивать из «внешнего мира» «своих». Вова, о котором вы говорите, который сидел, а теперь работает в лаборатории под руководством Михаила Николаевича, прижился именно потому, что

«свой». Его вытаскивает из подавленного состояния завлаб, который предлагает ему полную ставку, а затем заставляет подписываться наравне со всеми в заявке на продвижение его, завлаба, изобретения. А все потому, что завлаб видит в нем «своего»: поведение «своего», работает человек в охотку и так далее. Ведь и в жизни «чужой» распознается в первые часы совместного времяпрепровождения. Большой (Виктор Банькин), так он Толича спасает от увольнения в первой серии, а затем берется за его воспитание; это другой эпизод.

Что касается символа Атлантиды в анчаровской прозе, так эта тема пошла сама собой, вот я и решил сделать из нее первую статью о творчестве Михаила Леонидовича. А потом: как посмотреть, корневой это вопрос или побочный. Вот если брать огромную тему, одну из центральных: «идеал в анчаровском понимании», то здесь Атлантида оказывается важнейшим символом. Атлантида современник золотого века человечества, золотого века искусств. «Просто Гошка не знал тогда, что вступает на опасный путь лирики, не знал еще, что все клетки его, вся кровь, доставшаяся ему в наследство от тысяч медленных поколений, от веков, уходящих к Атлантиде, которая хотя и утонула в считанные незапамятные часы, но, все равно, была, что тысячи веков его наследства уготовили ему тоску по встрече - и не с супругой даже, и не с возлюбленной, а с подругой) («Этот синий апрель»). То есть, можно говорить, что духовная родина всех, подобных Гошке Панфилову, Атлантида. А женская голова из базальта, возрастом в двенадцать тысяч лет? «Лицо этой скульптуры здорово похоже на лицо той женщины из дедовой сказки о простой красоте, которую он встретил в незапамятные времена ночью, в снегу, на старой Благуше» («Теория невероятности»). Двенадцать тысяч лет это в анчаровской прозе код, который вызывает ассоциации с Атлантидой. Естественно, все напизывается на ось времени, если вы имеете в виду, что, по анчаровской прозе, «золотой век действительно существовал», а значит, «опять возможен золотой век, где человечество будет в состоянии охватить сущность необходимых для него явлений». «Мы идем к этому. Нужен какой-то последний толчок. Наука должна найти его. Поэзия должна создавать предпосылки для счастливой встречи с ним. Мы сейчас люди стебля, но уже завязывается зерно» («Сода-солнце»). Здесь теория восхождения человечества во всеобщее естественное состояние творчества. Всемирная история это история движения от золотого века до золотого века. То есть, до того момента, когда каждый окажется колоссальным талантом - совершать открытия, изобретать, генерировать идеями и так далее. Творчество называется. Естественное состояние. «Любовь

это творчество, в результате которого появляются дети». Вот поэтому-то раскрывать в себе талант, вытаскивать из себя гения сегодняшняя общая задача. Если мы, конечно, хотим к золотому веку прийти. Здесь подразумевается общее сотворчество в созидании идеала. Идеального общества и идеального человека.

Естественно, поэтому здесь и Леонардо. Мне кажется, он Анчарову особенно близок тем, что он универсал, но, прежде всего, художник. А Анчаров своему профессиональному занятию живописью отводил важнейшее место, наравне, возможно, с работой над словом. Хотя проза все-таки для него была важнее. Фигура Леонардо в анчаровских текстах тема для отдельной статьи, я это имею в виду, но пока за это я не брался, и все места, где он в текстах появляется, я специально не анализировал.

Щекина:

Ой, Олег, найти это легко, имея под рукой электронную версию... Один раз критик Фаустов взял и по ключевому слову «камни» пролистал всю Библию. И это натолкнуло его на потрясающую идею... Впрочем, ты прав: Леонардо - это путь к золотому веку. И путь к себе тоже. Я ступила на него после 1974-го года, то есть, после встречи с МЛА. Таланты в себе начала искать с шестнадцати лет, как прочла «Соду-Солнце», а чтобы говорить другим, транслировать идею - понадобилось время и, конечно, личный контакт. Сейчас пишу тебе про поиск таланта и понимаю, наконец, зачем я вожусь с литературной молодежью. Ведь моя студия начала работать с 2003-го года под эгидой департамента образования, потом они нас бросили: как хотите, так живите... И студия стала отдельной страной. И теперь я везу все это на общественных началах - мои студийцы учатся, поступают, выступают, делают журнал, который ты видел. У меня нет амбиций диктатора, просто сначала все они приходят и просят: «скажите, что я такое написал», а потом человек незаметно обретает свой язык, начинает расти стебель яркости и неповторимости, И за этим так радостно наблюдать. Не все становятся известными поэтами, зато все живут в удивительной творческой атмосфере. Скажи, много ли народу в воскресенье, в 10 утра спорит о мифологизации женщин и лис, о связи литературы с другими жанрами искусства, о различиях тренинга, миниатюры и притчи? Много ли найдешь людей любого возраста, которые с утра в воскресенье ломают голову над тем, какой след они оставляют в мировой культуре?

Но вернемся к Анчарову. Насчет типичных и нетипичных детей Анчарова ты тоже прав - типичных не может быть, ибо все уникальны. (И это даже неважно, читал ли человек Анчарова, просто он так устроен...). И каж-

дый транслирует идею на свой лад. Моисеев по-моисеевски, Ревич по-ревичевски, кстати, он тоже воспринял Анчарова через отца, как и ты, то есть, наше поколение явно ближе к Анчарову не только по оси времени, но и мировоззренчески... Я прошу тебя выделить ряды философских проблем Анчарова – обещай мне все их перечислить, сперва – ту идею, которая других важнее.

Вот, например, философская идея Платона: «идеи (эйдосы) лежат в основе всего множества вещей, образованных из бесформенной материи. Идеи источник всего, сама же материя ничего не может породить. Мир идей (эйдосов) существует вне времени и пространства. В этом мире есть определенная иерархия, на вершине которой стоит идея Блага, из которой протекают все остальные. Благо тождественно абсолютной Красоте, но в то же время это Начало всех начал и Творец Вселенной. В мифе о пещере Благо изображается как Солнце, идеи символизируются теми существами и предметами, которые проходят перед пещерой, а сама пещера образ материального мира с его иллюзиями. Идея (эйдос) любой вещи или существа это самое глубокое, сокровенное и существенное в нем. У человека роль идеи выполняет его бессмертная душа. Идеи (эйдосы) обладают качествами постоянства, единства и чистоты, а вещи изменчивости, множественности и искаженности. Согласно философии Платона, единственный для человека способ знать это, припоминать, находить в вещах чувственного мира «отблески» идей. Когда же человеку удастся увидеть следы идей через красоту, любовь или справедливые дела, то, по словам Платона, крылья души, когда-то утерянные ею, вновь начинают расти. Отсюда важность учения Платона о Красоте, о необходимости искать ее в природе, людях, искусстве или прекрасно устроенных законах, потому что, когда душа постепенно восходит от созерцания красоты физической к красоте наук и искусств, далее к красоте нравов и обычаев, это наилучший способ для души подняться по «золотой лестнице» к миру идей». Мне кажется, связь с философией Анчарова очевидна, только нет пока такой вот четкой формулировки. И хотя, учитывая вторичность материи, тут можно вспомнить и Гегеля, но Гегель уже дальше... Гегель изображает мировой дух (называемый им здесь «абсолютной идеей») таким, каким он был до возникновения природы, то есть, признает дух первичным. Идеалистическое учение о природе изложено им во второй части системы – в «Философии природы». Природу Гегель, как идеалист, считает вторичной, производной от абсолютной идеи. Гегелевская идеалистическая теория общественной жизни составляет третью часть его системы – «Философию духа». Здесь абсо-

лютная идея становится по Гегелю «абсолютным духом». Таким образом, система взглядов Гегеля носила ярко выраженный идеалистический характер. Анчаров-то как раз идеалистом не был. Или ты не согласен?

Значит, первый вопрос – о связи с великими философами. Я еще хотела добавить о связи с философскими идеями Нового Завета, но, наверно, это ты не одобришь. Те отношения, в которых состоят Бог и человек, выступают, как откровение. Откровение есть непосредственное волеизъявление Бога по отношению к человеку, адресату этого волеизъявления. Информация, исходящая от Бога, принимается субъектом безоговорочно, как абсолютный критерий человеческого поведения и познания, принимается на веру, то есть, она для человека абсолютно убедительна. Бог и, соответственно, Ветхий Завет, Новый Завет, писания святых открывает человеку тайны мира и божественную волю, человек обязан верить Богу. Иного не дано. Анчаров был атеистом? Если даже и так, то что? Вселенские законы касаются тех, кто в вере, и тех, кто вне веры... На то они вселенские.

И второе, чтоб не забыть – роль женщин и лис в мире Анчарова... Помнишь, мы говорили, что они напоминают «Бегущую с волками» Клариссы Эстес (а значит есть связь и с Юнгом)? Я лису здесь употребляю не столько, как женщину – животное, а как символ, типа «Священного оборотня» Пелевина, как огненный хвост, оплетающий иконку Mozilla Firefox, короче, как архетип. Поэтому перед глазами у меня до сих пор стоит эта женщина с портрета Анчарова, Женя Якушева, добрый бог и дух этого дома, где все чужие становятся родными. Стоит перед глазами австриячка Катарина, возродившаяся в девочке Кате из «Теории невероятности», стоит перед глазами нечаянная жена Валя из «Страстного бульвара», которая умела ждать, как Пенелопа. Тут не та красота, от которой растет живот, а та, которая встретила в снегах на Благуше и преобразила всю человеческую жизнь. Она тревожит меня и тем, что люди о ней как-то подзабыли. Нет ли здесь чего-то от тоски по тому самому идеалу, который он искал?

Моисеев:

Действительно, самоочевидна связь Анчарова с философией идеализма тогда, когда он касается вопросов творчества. В предисловии к книге «Приглашение на праздник» он говорит о «таком природном феномене, как фантазия», через который произойдет слияние естествознания и науки о человеке, что пророчил Маркс. «Любой мысли предшествует фантазия», – говорил Циолковский. Фантазия же не что иное, как работа с платоновскими эйдосами. Но эта

позиция не делает Анчарова идеалистом, даже наоборот: «Фантазия – это природное явление, и если мы хотим оставаться материалистами, надо это явление постигать, а не делать вид, что его нет», – пишет он далее.

«Когда же человеку удастся увидеть следы идей через красоту, любовь или справедливые дела, то, по словам Платона, крылья души, когда-то утерянные ею, вновь начинают расти», – пишете вы. Сравните с анчаровскими словами из того же предисловия: «Я старался ничего не писать, если не появлялось золотое ощущение, что пришло «то самое», и что подскажет, как быть, если уж взял перо в руки».

Помимо этого, внести ясность в понятие «идеализм» помогает «Философский энциклопедический словарь» («Советская энциклопедия», 1983). «Философский термин «идеализм» не следует смешивать с употребляемым в быденном языке, в повседневных рассуждениях на моральные темы, словом «идеалист», которое происходит от слова «идеал» (а не «идея» – О.М.) и обозначает бескорыстного человека, стремящегося к достижению возвышенных целей. В философском смысле идеализм в этической области означает отрицание обусловленности морального сознания общественным бытием и признание его первичности» (ст. «Идеализм»). Помимо этого, «мировоззрение по своему содержанию, общественной значимости может быть последовательно научным или ненаучным, материалистическим или идеалистическим, атеистическим или религиозным, революционным или реакционным» (ст. «Мировоззрение»). То есть, Анчаров был здоровым атеистом, но он был идеалистом в быденном смысле (от слова «идеал»). Он также был нормальным материалистом, что не мешало ему чувствовать, когда приходит «золотое ощущение» творчества. Это сейчас виднейшие ученые пришли к тому, что несовершенны ни материализм, ни идеализм, что заново заставляет их строить картину мира, сплавляя эти противоположные, казалось бы, направления в одно целое. Это очень хорошо излагает Ф.Капра в своем труде «Дао физики». Вот к этому-то был близок и Анчаров, рассуждая о потрясающем процессе творчества. Таким образом, проблема творчества – одна из важнейших тем, которые ставит Анчаров-мыслитель; анчаровские идеи в рамках этой темы, как мы видим, находятся в колоссальном историческом контексте великих идеалистов, Маркса и некоторых современных ученых.

Еще две основные темы, помимо саморазвития в гения и проблемы творчества, это «своя стая» и «поиск идеала». Разобрав пространство сериала «День за днем», мы с вами обнаружили, насколько же все важнейшие анчаровские темы неразрывны. Это четыре большие темы, которые в пространстве анчаровского творче-

ства предполагают и координируют друг друга. А «поиск идеала» относится как к поискам «первозданной женщины» (как называет ее Эстес), так и к золотому веку в прошлом (Атлантида) и в будущем (коммунизм). Гендерная же тема в творчестве Анчарова тоже напрашивается на отдельную статью, которая должна в скором времени появиться. А Простая Красота, встреченная в благушинских снегах, это гениальная персонификация идеала, «обобщенный символ красоты, по капле разлитой в жизни», как считает Костя Якушев по поводу мраморной головы древней женщины в «Теории невероятности». Вижу, что по существу мы с вами все эти темы здесь разобрали. Дальнейший разговор станет более глубоким анализом тех же тем, либо может пойти по какому-либо другому пути.

Щекина:

Важно: опыт радости и опыт беды. За одного битого двух небитых дают, не учитывая – что он уже не человек, а отбивная. Моделирование таланта – это, конечно, супер-ключ, супер-идея. Но, как быть тем, у кого не получится смоделировать? Ведь я же не могу расценить книги Анчарова, как пособия творцам! Хотя это так, но это бы означало до невозможности сузить спектр их воздействия! Они не только пособие для гениев. Они для всех людей, так? И почему, скажи на милость?

Я хочу сказать, что произведения Анчарова не просто полны оптимизма. Они переполнены просто какой-то невероятной радостной силой... Я транслятор идей никакой, но когда я работала в заводской многотиражке, то писала про Анчарова на четвёртой полосе, где пестрела смесь профсоюзные путевки и анонсы спектаклей и выставок... Там много идей не втиснешь, слесари – сборщики пятого разряда станут вертеть пальцем у виска. Но я отыгрывалась заголовками – «Облик радости бесконечной», например. И знаю – простые люди любили его вовсе не за идеи, а за то, что давал силы жить. Отклики на творчество Анчарова в группе посмотри. Эти все люди не писатели. А все понимают и чувствуют еще выше, универсальнее. Есть ли разгадка этой загадки?

«А я влюбился в Михаила Анчарова с повести «Сода-солнце», прочитанной в детстве, классе в шестом... И до сих пор ситаю, что начинать знакомство с этим Мастером надо именно с этой маленькой фантастической трилогии: «Сода-солнце» (повесть), «Голубая жилка Афродиты» (повесть), «Поводырь крокодила» (повесть). Это такая лирико-философская фантазия о Прошлом и Будущем, о добре и зле, любви и мещанстве, косности и гениальности... Замечательно уже даже самое начало и дальше – не оторваться.

Про него говорили: несерьезен, любит сенсации. А когда я с ним прощался, я смотрел на него и думал – все наоборот, он очень серьезен, он серьезно любит сенсации. Вот его позиция. Подумайте сами, что такое сенсация? Сенсус – чувство, сенсация – это потрясение чувств. Ну и что плохого в том, что человек любит потрясения?» – Андрей Жигалин, Вятка.

«Меня во всех его вещах (и прозаических, и стихотворных) поражает мощь интеллекта, это просто какое-то пиршество духа. Интеллект имеет особое обаяние, а когда он выражен изумительной прозой или великолепными стихами – это высший пилотаж. Не знаю, согласитесь ли Вы со мною, но он всю жизнь разными способами пытался понять, что такое вдохновение, и его книги, в сущности, эксперименты в этой области. Я думаю, именно поэтому у него, говоря его же словами, не было предшественников и нет равных последователей. У литературы другие задачи. Поэтому его книги так задевают за живое, не просто сюжет, не просто стиль, а что-то еще... Читаешь, и, кажется, еще секунда, и поймешь, что именно. Я думаю, что он каким-то образом загонял вдохновение в свои книги, во всяком случае, я это отлично чувствовала, когда читала.

Причем не только душой, но и чисто физиологически, в животе холодело, дыхание становилось каким-то гладким... Я потом, когда работала (я химик по профессии, от университета до пенсии проработала в академическом институте, а сейчас работаю в фирме, но тоже занимаюсь исследовательской работой, правда, не слишком высокого уровня)... так, когда я работала, мне иногда доводилось испытывать то же состояние, когда озаряла какая-то догадка, или когда я понимала, что натолкнулась на необычную проблему, решать которую придется каким-то необычным путем...» – Вера Чуйко, Минск

«Конец 80-х, когда я прочитала М. Анчарова, «Самшитовый лес», «Прыгай старик прыгай!», меня потрясло, сколько доброты и света было в этих книгах. И я запомнила этого автора навсегда. И благодарна ему за эту доброту, мне кажется, что столько доброты сродни духовному подвигу. Ура герою!» – Евгения Уральская, Санкт-Петербург.

«Михаила Анчарова я начала читать только сейчас, а не в юности; честно говоря, очень поздно... Работая много лет в библиотеке, безусловно, слышала это имя, но никогда не считала «своим» писателем. И, вот, открыв его книгу по необходимости, по заданию, нашла для себя автора удивительной глубины. Читать Анчарова нужно с карандашом в ру-

ках, потому что он – философ и мыслитель. «Лирика – это информация, но, прежде всего... о состоянии души человека, ищущего отклика у себе подобных. Он догадывается, что лирика есть постановка важных, иногда огромных задач без указания средств к их осуществлению...». Но лирика – это особый способ мышления. Он объёмный в отличие от линейного, логического. В лирике образ возбуждается от образа, и цельное представление возникает в мозгу, минуя промежуточные связи, минуя всякие «следовательно»... Вы уверены, ... что человечеству не предстоит качественный скачок в самом способе мышления?... Давно известно, что открытия приходят на стыке двух наук. Но не возникает ли у вас мысль об открытиях на стыке науки и искусства?.. – Нина Писарчик, Вологда.

«Анчаров, безусловно, один из самых выдающихся мастеров духовного и душевного слова на всем советском и постсоветском пространстве. К сожалению, его творчество не освещается ни школьной программой, ни факультативно – хотя в Брянске в школе №10, помнится, был проведен урок, посвященный социальным мотивам в его книгах, но и только. Как мне кажется, клубы, организации, объединения подобные этому, не позволят угаснуть великому наследию непропагандных авторов и творцов великой русской культуры». – Антон Бобровский, Брянск.

Моисеев:

Действительно, ответов может быть много; приведу лишь один – технический. Говоря: «Я старался ничего не писать, если не появлялось золотое ощущение, что пришло «то самое», и что подскажет, как быть, если уж взял перо в руки», Анчаров подчеркивает это состояние писателя – «пора». Писавшие об Анчарове поражаются, насколько афористичен его стиль: с десяток афоризмов на каждой странице. Поражаются, насколько светлы и добры, и добавлю от себя – полны веры в человека – его тексты. «День за днем» Анчаров определил так: «Вся эта вещь это прямой напор мысли». Таково все его творчество, но это еще и прямой напор любви. «Пора» для Анчарова-писателя тогда, если эти две вещи сконцентрированы в достаточном количестве, смешаны в верных пропорциях и готовы заполнить свою подобающую массовую долю в тексте. Если все это народилось, накипело, и с этим можно работать. Но дело не только в этом. Важно еще соответствовать по-человечески, иначе напишется вовсе не то и не так.

А провокация Гошки Панфилова, который приносит в научный институт скульптуру женщины из дерева, которая сохранилось за пять тысяч лет («Сода-солнце»), действитель-

У: МЕМОАРЫ

но, похожа на газетное сообщение о найденной в Африке женской голове из мрамора, которой оказалось двенадцать тысяч лет («Теория невероятности»). Но с деревом поработал художник Якушев, а находка в Африке взбудоражила всех «трех мушкетеров» анчаровских текстов: Якушева, Аносова и Памфилия.

Генерал, начальник десанта, – «Золотой дождь»: «Трудней красоты, как я понимаю, нет ничего. А если искусство не десант за красотой, то на черта оно нужно?».

Якушев, альтер-эго Анчарова, говорит, завершая «Золотой дождь»: «Братцы, мы же все – художники. Мы же написали огромную жизнь, и наша картина висит в Эрмитаже. Там, на постели, приподнявшись на локте, лежит обнаженная женщина. Солнце бьет наискосок, и золотое тело ее просвечивает. Она не так уж хороша сама по себе, эта царская дочь, но ее чуть вульгарное, как у самой жизни, лицо наполнено ожиданием. И старуха, у которой на лице написано, что она знает все, отдергивает тяжелый бархатный полог и впускает золотой дождь. Рембрандт наша фамилия.

Это было давно, может быть, во времена Атлантиды, а может, это еще произойдет, когда мы встретимся с жителями антимира. Но это сейчас и каждый день происходит в картине Эрмитажа и, следовательно, в жизни. Потому что художник (а мы все художники) придуман для того, чтобы прийти в жизнь золотым дождем, и старуха смерть вынуждена откинуть вишневый полог.

До свиданья, друг. До встречи на холсте. Ведь творчество – это всегда воспоминание о будущем».

maulwurf86@rambler.ru

Счет фонда Анчарова

Банк получателя ОАО Кб «Севергазбанк»
г. Вологда
Кор счет 3010181080000000786
БИК 041909786
ИНН 3525023780
КПП 352501001
Получатель Щекина ГА сч.
42307810400070288706
Счет получателя 42307810900000000001

Татьяна Сопина

Пронесло меня**вольным и битым...**

(Предисловие)

«**Н**о любил свою жизнь, что была! Пронесла меня вольным и битым, добела закусив удила, по надеждам, годам и обидам», – написал Михаил Николаевич Сопин в 1983 году. Среди этих орбит четко обозначаются четыре: Белгород, Харьков, Пермь, Вологда. Уходящий 2010 год знаменателен для меня тем, что во всех этих городах к Михаилу был проявлен повышенный (хочется верить, не кратковременный) интерес.

Белгородчина – родина поэта, военное детство. В апреле мне написала школьница А. Б. (назовём её пока так) из Белгорода, которая, при поддержке мамы и учительницы, всерьёз занялась творчеством Михаила Сопина. Свои первые работы А. Б. разместила на своём и на образовательном сайтах и получила отклики из разных концов страны. В канун дня Победы в средних и старших классах гимназии №22 г. Белгорода по её исследованиям прошло 17 уроков Мужества. Сейчас девочка принята в лицей для одарённых детей (специализация – информатика, иностранный язык) и продолжает работать над темой «Белгородский край в творчестве М. Н. Сопина».

«Я считаю его белгородским поэтом», – написала мне А. Б.

Я же ей ответила, что, хотя малая Родина всегда остаётся единственной, географические привязки делать вряд ли правильно. Просто русский поэт... Ведь и Пермь уже считает Сопина пермским поэтом, и не без основания – в этих краях он отбывал лагерный срок (15 лет) и 13 лет затем прожил в областном центре. Во время моего пребывания в Перми, в начале этого года, состоялась передача по радио «Эхо Москвы в Перми», был показан сюжет по телевидению, прошли встречи, появились обширные публикации в местных газетах.

В Вологде у него вышла первая книга, здесь он окончательно оформил своё неповторимое лицо и обрёл «последний приют». В августе этого года на «Вологодском радио» в авторской передаче Николая Коробова «Земляки» прошло четыре передачи о Михаиле Сопине.

Не лишним будет сказать, что в США в середине лета вышла Антология Интернет-журнала «Русский Глобус», в которой Сопину уделено семнадцать страниц. Книга будет рассылаться по ведущим библиотекам и русскоязычным вузам мира.

А в эти дни в Москве проходит презентация сборника «Шрамы на сердце» (издательство «Красная Звезда») – произведения фронтовиков, прошедших большую войну и сделавших ближе Великую Победу. К участию в сборнике был приглашен и поэт Михаил Сопин.

Ну, а что же Харьков? Его Михаил называл своей второй Родиной. Ныне Харьков – город иностранный. И когда я побывала там два года назад, мне сказали, что у них речь о русском поэте возможна только раз в году – в День Победы. Но интерес был проявлен. В частности, радио-журналистка задала мне вопрос: «Чем памятен для Михаила Николаевича город юности – Харьков?» – на что я без запинки ответила: «А здесь его в первый раз посадили. И во второй – тоже...».

Тогда же я, по просьбе кандидата филологических наук М.М. Красикова, написала и отослала по Интернету статью «Из далей харьковские клёны...».

Два года статья пролежала без движения. Но правительство на Украине переменялось, и статья опубликована в харьковском журнале «Лава». Вряд ли это издание будет доступно вологжанам. Поэтому я предлагаю ознакомиться с текстом в журнале Союза российских писателей «У».

/66/

Из далей

харьковские клёны...

(Три памяти в творчестве Михаила Сопина)

Истоки

Я познакомилась с Михаилом Сопиным в 1968 году в северных Пермских лагерях, куда приехала по командировке, потому что меня заинтересовал автор необычных стихов. Тогда я была начинающей журналисткой пермской областной газеты «Молодая гвардия», а Михаилу оставалось до окончания 15-летнего срока отбывать еще два с лишним года. Он представился украинцем, харьковчанином, пел «Реве та стогне...». И стихи были про степь. Но потом оказалось, что, хотя украинские корни в его родне были, это все-таки русский поэт. Писал на русском языке, и основная его тема – Россия, которая, впрочем, в те годы отождествлялась с Советским Союзом.

Всю жизнь Михаил мысленно возвращался к Харькову. Там он жил до войны, учился и работал в послевоенные годы, до ареста в 1955 году. Там в период репрессий, в конце тридцатых, погиб его отец. В Харькове жила (и живет – по сей день!) его родня, и когда мы с Михаилом уже поженились, вместе с детьми ездили в этот город к матери и его близким.

Родом Михаил из села Ломного Грайворонского района (Курская, ныне Белгородская область). Родился 12 августа 1931 года, средний в семье (старшая сестра – Катерина, младший брат – Анатолий). Отец – Николай Сопин, типичная для Ломного деревенская фамилия. Мать носила тоже местную фамилию – Исаева. Но бабушкина родня, по словам Михаила, была легендарной. Родословная, не без основания, не рекламировалась, детям такие легенды знать не полагалось. Но они все равно знали, и особенно Михаил, любимый бабушкин внук. Давайте и мы их послушаем.

Прадеда по материнской линии звали Степан Нидбай, родом с Украины. В поэме «Агония триумфа» Михаил пишет:

Где истоки мои?
 Частью вытравлены, частью помню:
 Мои предки – оттуда,
 Где пелось и плакалось всласть.
 Разливался «максим»,
 Гоготали махновцы, как кони,
 Башлыки с головами
 Разбив о Советскую власть.
 Ради вдовьих платков?
 Я – по траурным по полушалкам –
 Семь дедов, подсчитал,
 Семь дедов моих в землю легло...

А вот что говорится в литературной записи «Речь о реке» (автор записи – вологодская писательница Галина Щекина, 1993 год):

«Отец да дед были у меня большевики, но вообще у нас в семье было наворочено – белые, красные, дроздовцы, махновцы... У бабушки было шестеро братьев, они носились на конях, свирепели, врываясь друг к другу с оружием. Однако при бабушке не смели.

Один из дядей – красный комиссар (бывший белый) и другой, служивший при немцах в полиции – меня учили добывать людей в ухо. Чем было спастись от такой отравы? Бременеть начинкой и смирать ее до тех пор, пока не взорвется?»

Самый старший дед, Афанасий, пропал без вести в первую мировую войну. Михаил-старший – дроздовец, ушел в эмиграцию. Григорий – монархист (кажется, дроздовец), убит в 1924 году в один день со смертью Ленина. Никита – махновец. Андрей – погиб в Великую Отечественную. Дед Петр – красный. Михаил-младший служил у немцев полицаем, по возвращении наших был арестован СМЕРШем, но освобожден по приказу из Москвы, впоследствии работал в Подмоскovie на шахте Узловой и был убит при невыясненных обстоятельствах (похоже, сводили счеты). Был еще дед по

параллельной линии – тоже Михаил (семейное имя?): воевал на японском фронте, дальнейшая судьба неизвестна. Вообще родственников, по параллельным линиям, воевавших в разных армиях, было больше, Михаил и сам их точно не мог назвать. Вот в такой атмосфере формировалось мировоззрение мальчика:

«Все мешалось... Семнадцатый год был для меня романтикой, комиссар – все равно, что святой, но благодаря родне я никогда не мог принять окрас – разделение на красных и белых» («Речь о реке»).

Самая яркая фигура в его воспоминаниях – бабушка Наталья Степановна. Со времен гражданской войны у нее во дворе было закопано оружие всякого рода «на всякий случай». В деревне Наталью Степановну называли «генералом в юбке». Когда началась Отечественная война, помогала советским войскам...

Наталья Нидбай вышла замуж за Петра Исаева, красного командира линейного взвода. Петр, в тридцатые годы, вышел из партии, жил тихо, не привлекая к себе внимания («Понимал, в какое время живет... Семейка ещё «та» – из воспоминаний Михаила Николаевича). Он погиб в Отечественную войну. У них были дети: сын Иван (впоследствии директор сельской школы на Курщине) и дочь Дарья, мать Михаила Сопина.

В 1931-33 годах голод поразил советские села и деревни. Жители устремились в города, и, хотя на пути беглецов ставились препоны, некоторым удавалось. Так в 1933 году Сопины оказались в Харькове. Родители Михаила устроились на танковый завод, где Николай (отец) со временем стал испытателем танков, а Дарья (мать) всю свою долгую жизнь проработала токарем.

ПАМЯТЬ ПЕРВАЯ

Ребятишки под радугой!
Издали – солнечнотелье.
Паразительность вечности.
Миру – ни края, ни дна.
Облака над горой
Развернулись хоругвями белыми.
Поезд, в вечер въезжая,
Дал голос у Песочина...

- Так вспоминает Михаил Сопин раннее детство в Харькове. Более всего таких стихов приходится на начало восьмидесятых годов прошлого века, когда Михаил, уже перебравшийся из Перми в Вологду, работал над своим первым поэтическим сборником «Предвестный свет». По литературным требованиям того времени, поэзия трагическая должна

была быть уравновешена светлой, и Михаил, страстно желающий быть напечатанным, не без удовольствия возвращается к детству:

Ударю в ладони –
И вздрогну:
Какой я счастливый!
Цветет и шумит
То, что будет
Войной сожжено.
Ударю в ладони –
Обвалится иней,
Как ливень.
С годами – все тише.
Потом перейдет в обложной...

Здесь и ранние воспоминания об отце:

...Подходит поезд.
Папа наш влюбленный
Рывком подхватит на руки меня!
И музыка
О солнце утомленном
Зальет вторую половину дня..
Постой, состав!
Куда мы? Так мне жарко.
Читает мама,
Что там пишут ей..
Но дым несло.
И поезд шел на Харьков
По Северо-Донецкой колее...

(«От Харькова до Львова»)

Но предчувствие трагедии в каждом, даже самом светлом стихотворении:

...И образ ветра
Сел на подоконник:
Чужой.
Тревожный ветер был.
Не наш... (там же).

Что это? Близость войны с немцами? Или, как скажет поэт позднее: «...между нами дождь со снегом от довоенной той войны»? Здесь начинается раздвоение:

«Я с печальной улыбкой смотрю на зеркального мальчика Сопина. Мы с ним разные люди. У меня идет вечное рождение, я оглядываюсь, смотрю. Мы идем на разлет, отдаляемся...» («Речь о реке»).

И вот оно:

И летит моё сердце,
Опрокинуто памятью в ужас... (там же).

Сначала репрессии прошли по родственникам:

«Дед Никита, более-менее безболезненно пройдя процедуру раскулачивания, ни с того, ни с сего стал оговаривать себя, распускать

молву, что у него припрятано про черный день. Плевать он хотел на коммунальщиков, хватит и на приобретение нового хозяйства, и на то, чтоб голодрань беспортошную, этих лодырей, скупить с потрохами...

Был взят, доставлен, куда надо, зверски бит шомполами. Когда били, поднимал голову и кричал: «Объединяйтесь, пролетарии, над бездной кровавой, перед гибельной дорогой». Об этом рассказывала бабушка. А на ее вопрос: «Зачем ты дразнил их, зачем выкрикивал, обозлял?» – отвечал: «Молчать, опускать голову, закрывать глаза надобно тогда, когда устанут пилатствовать, а пока бьют, в глаза глядеть надобно, так разумею». Прожил он после этого один день».

А потом настала очередь отца:

«... Запомнил слом тридцать седьмого года. Мне шел седьмой год. Постоянно висящее солнце, которое слепило, но не грело. В числе моих сверстников выкалывал на плакатах глаза маршалам Егорову и Тухачевскому, мы с пацанами вовсю играли во «врагов народа». До тех пор, пока после вызова на второй допрос не исчез отец.

Я был тогда маленький, рос плохо... Но не отношу себя к тем, кто говорит, что ничего не знал. Трагедия висела над отцом долго, от детей уже ничего нельзя было скрыть. Ночные разговоры взрослых мешали нам спать. Наверно, отец чувствовал конец, и эти ночи были для него попыткой продлить жизнь. Он запил. Такого раньше не было – серьезный, выдержанный человек, военпред на Харьковском танковом заводе. Он пил, сжимая в руке партбилет, потом плакал... В первый и последний раз я видел отца таким...

...Меня это раздавило. Мы с отцом были неразъемны, как формула... Он исчез (был арестован), но вернулся... а вскоре скончался от «скоротечного распада легких». Какой там распад? Здоровый, сильный мужик. Даже я, ребенок, не мог поверить в такую «скоротечность».

Отец. Отец..
Ты был так молод.
И не сумел осмыслить суть -
Когда взметнется
Тяжкий молот,
Ударив не в стальную грудь.

.....
Отец, сквозь злую ретушь лет
Я помню, как ты пил ночами...
Пил. Пил.
И вздрагивал плечами,
Сжав большевистский
Партбилет.
(«Отцу»)

Вспоминает Инна Борисовна Титова-Прощутя, со слов своей матери, сестры Михаила, Екатерины:

«Дедушка был арестован в 1937 году, через несколько месяцев освобожден. Умер от туберкулеза и был похоронен с воинскими почестями коллективом танкового завода. Мать на похоронах присутствовала, а Мишку не взяли – маленький».

«Это навсегда окрасило меня барием страха... Жизнь вливалась в меня до отказа, одно вытесняло другое, как при сосисочной набивке.

В 1939 году арестовали родителей моих друзей по двору. Детей осталось трое: два мальчика и старшая их сестренка лет четырнадцати-пятнадцати, в которую я был тайно, до рыдания, влюблен, так что родители, посмеиваясь, обещали нас поженить.

Ребята остались одни, и я таскал им хлеб пеклеваный, был такой хлеб очень вкусный, я сам его очень любил. И вот, совершенно необъяснимо для самого себя (тогда! сейчас-то я понимаю, это было гипертрофированное чувство сострадания), я пошел к магазину и у входа-выхода стал просить милостыню, крестясь и кладя поклоны. За этим занятием меня обнаружила наша учительница Ксения Михайловна Мухина. Человеком для пацанвы она была добрым, но время было злое. И вот на очередном поклоне я ощутил невыносимую, зверскую боль – она крутила мне ухо...

Я рыдал без слов, с болью и внутренней сладостью – страдаю для ребят – от сопричастности, что ли... Гипертрофированное сострадание – крестный знак нашего рода, может, не у всех, но у кого-то, над кем-то он был...» («Речь о реке»).

После гибели Николая Сопина детей увезли к бабушке в Ломное. Там Михаил учился в сельской школе. Ходить пришлось за много километров, в результате чего мальчик неплохо изучил местность (это пригодится в войну). У него была врожденная способность к ориентации. Учился легко, но небрежно. По всем предметам у него была одна общая тетрадь, которую носил за пазухой.

Как это часто водится, дети жили попеременно у бабушки и у матери, о чем, в частности, говорит стихотворение, несомненно, городское харьковское – «Ирине»:

В сорок первый,
Весел, шумен,
Я качусь,
На зависть всем,
В двадцать первое июня
На трамвайной «колбасе».
Громыхают перекрестки!
Контролеры не журят...

Гладит ветер
 На матроске
 Золотые якоря!
 И глядят в меня игриво,
 Улыбаясь вдрабадан,
 Не погибшая Ирина,
 Не горящие года.

ПАМЯТЬ ВТОРАЯ

Мне шел одиннадцатый год,
 И не моя вина,
 Что не дошел он – что его
 Обогнала война...

Народ потрясенный.
 И вот мы становимся главными.
 И даже старея,
 Надежду торопим: «Скорей!»
 А в памяти – сводки:
 И Киев, и Харьков...
 Над плавнями –
 Не песни, а вопли
 Пылающих в ужасе
 Осокорей.

Сорок первый у Михаила Сопина окрашен
 скитаниями по степи. Он рассказывал мне, что
 стихотворение «1941» – картина с натуры: это
 было ночью, над горизонтом вставало зарево
 пожара, а по степи мчались кони. Возможно,
 их испугала бомбежка:

...Сквозь лунный хуторок
 В ночное поле
 Скачут,
 Скачут
 Кони.
 В ночное поле.
 В призрачность дорог.
 Вбирает даль,
 Распахнутая настезь,
 Безумный бег,
 Срывающийся всхлип.
 Им несть числа!
 Ночной
 Единой масти
 Исход коней
 С трагической земли!

Описания бесконечных дождей, действи-
 тельно, имевших место осенью сорок первого...
 Но дневниковой хроники своей жизни Михаил
 никогда не вел. Датировку описываемых собы-
 тий проще установить по документам войны,
 чем по строчкам стихов, однако совпадения
 не оставляют сомнений, что поэт воскрешал
 конкретную память. Населенные пункты не

описываются, но упоминаются. И эти акценты
 ясно очерчивают юго-запад нынешней Белго-
 родской области и Харьковское направление.

«...Мы бежали из-под Харькова, в одной
 массе солдаты, дети, женщины, старики... Если
 бы нас тогда остановили, мы бы, наверное,
 умерли на месте. Фашисты нагнали нас, утю-
 жили танками. Разорванные, раздавленные
 дети... Мне череп проломило осколком, спас
 какой-то военный, замотав голову тряпкой и
 пихнув в товарный вагон в районе Богодухова.
 Я валялся там на опилках весь в крови. Растол-
 кала старушка, снова шли в толпе... Уперлись в
 реку, горел мост. Солдаты наспех сколачивали
 плоты, на них прыгали люди с детьми, плоты
 переворачивались. И все это под бомбежкой...
 До сих пор не понимаю, как выжил... остался
 жив» («Речь о реке»).

...Но в пыли и в дыму Лозовая,
 И себя не узнать сквозь бинты.
 Подмените меня, замените!
 Поезда на горящих путях.
 В поднебесье
 Разрывы зениток –
 Словно белые шапки летят.
 Жгут стопы
 Раскаленные сходни.
 Дальше – поздно.
 За насыпью – пост.
 И горит меж былым и сегодня
 Перебитыми крыльями
 Мост.

1691

На голове у него, действительно, слева был
 шрам, который он при стрижке всегда тща-
 тельно маскировал. Не об этом ли самом строч-
 ки из «Лагерной баллады» – «Ванюха»?

...Мне фриц белобрысенький
 Тычет под нос парабеллум:
 Мол, нюхай, чем пахнет –
 Как делают это у нас.
 Но я уже нюхал
 От Харькова собственным брюхом,
 Буксуя в грязище, с пробоиной на голове...

.....
 Слепой, истошный вопль в овсе –
 Шли танки с трех сторон,
 Давили, били, рвали всех
 Без всяких похорон.
 На равных
 Бой
 И крик – ура!
 Багряный след в овсе...
 И насмерть бил, как били все.
 И пропадал – как все:
 Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
 Бью в башни, по крестам.

Но под разездом Казачок –
От пули в бок
Устал.
Устал... Усталости конец –
Убитых братьев зов.
И пил в одиннадцать сырец,
С багровою слезой.

«Солдаты сорок первого года, восходящие на алтарь грядущей Победы – они во мне», – скажет потом Михаил Сопин. – «Не знаю, кто они, но получаю от них оценку тем, что остался жив. Я смотрю их глазами, вижу, как они смотрят. Их место на земле осталось пустым, и поэтому в День Победы нет у меня в душе ни торжества, ни гордости» («Речь о реке»).

В сорок втором Михаил в родном селе:

«Когда начинались налеты, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбежки продолжались по трое – четверо суток... Я был в зачумленном состоянии. Когда сутками напролет бомбят, перестаешь испытывать страх за жизнь – безразличие полное. В таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понято... Скорей бы бомба попала, кончились муки...

У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали перед избой, а дом, таким образом, оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малы!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту.

Водить через фронт военных – это было естественное внутреннее состояние, как дыхание, потому что это была армия, которая – я. Где шли бои, какого масштаба – знала бабушка, деревенская маршальга. Она и втянула меня: посылала переводить через линию фронта окруженцев. Мы, ребяташки, хорошо знали окрестности, кустики, овражки, буераки. Выводил два раза».

И вот тут начинается некоторая путаница, в которой мы с сыном долго не могли разобраться. Речь идет об окружениях в тех краях наших войск. По воспоминаниям военных и документам, которые нам удалось раздобыть к 2004 году, их значилось два (в 1941 и 1943 годах). А у Михаила получалось три, вдобавок – сорок второй год. Этот год у Михаила отмечен особо:

«Это я наползаю на скользкий от крови паром, с перебитой душой, под Харьковом в сорок втором...» («Спой мне, век...»).

«Харьков. Танки. Ночь. Основа. Под Мерейкой – ад огня...» («1942»).

Из радио-записи «Дети войны» (Вологда, май 2003 года): «Я выводил раненых в самый тяжкий на Харьковщине, 1942 год, когда наша армия попала в гигантский котел, о нем все знают...».

Но что там произошло, под Харьковом в сорок втором? – и, в частности, в местах, где находился Михаил? Судя по историческим источникам, которые удавалось найти в библиотеках Вологды и Санкт-Петербурга – ничего. Полное затишье. Глубокий немецкий тыл. Моги Миша так крупно ошибаться в датах? Казалось бы, нет. С другой стороны, не подтвержденные документально, события мы не могли нигде приводить и, тем более, комментировать. Поэтому все непонятное и неубедительное в американской книжке «Пока живешь, душа, люби...» стали вычеркивать, как возможную ошибку. А через год мы прочитали в «Белгородской правде» очерк Почетного сотрудника госбезопасности СССР В. Павленко, в котором говорится:

«В начале 1942 года маршал Тимошенко и член Военного Совета Воронежского фронта Хрущев убедили Верховное командование в успехе предстоящей операции по освобождению Харькова. По мнению современных историков, их план отличался примитивностью и поспешностью... В результате – провал операции. Основная масса направленных на освобождение Харькова войск оказалась в немецком плену. Успех немцев был триумфальным – 240 тысяч военнопленных! Путь на Воронеж был практически открыт».

А вот как о том же рассказывает Михаил Сопин («Речь о реке»):

«Я видел бег исхода и беспомощность армии. Немой плач, как на картинах Чюрлениса серии «Похороны». Там есть траурная процессия – длинная вереница, которая теряется у горизонта, люди идут к солнцу, символу жизни, и прощаются с ним. А потом, когда солнце заходит, оставляя кровавые отблески, сияние исходит от самой процессии, от людей. Все выше в гору тянется шествие, выше и выше во тьму, будто огромный сверкающий уж... уходит, чтобы исчезнуть».

Но книга «Пока живешь, душа, люби!» так и вышла с неправильной датой, по техническим причинам ошибку исправить не удалось.

Прояснилась и история, которая всегда казалась мне загадочной. Еще при знакомстве в лагере Миша сказал, что имеет два ордена «Красной Звезды». Не скрою, что это вызывало недоверие. Даже была мысль: «А не могли ли мальчишки ордена... снимать с убитых?». Прямо я сказать мужу об этом не могла, но подзревала, что другие могут подумать так же, и посоветовала: «У тебя нет документов – никому не говори». Он так и сделал, замолчал, но... не совсем. Своим детям – говорил! Видимо,

это было ему дорого, мучило. За год до смерти мужа к нам домой пришла журналистка с местного радио, и, рассказывая о военном детстве, Михаил сказал: «Пусть микрофон слушает... У меня есть два ордена «Красной Звезды». Где-то лежат». В эфир, разумеется, не прошло, но запись сохранилась.

По словам Михаила, они были получены из рук лётчиков, которых мальчик выводил из окружения. При расставании лётчик сказал: «Носи, сынок, ты заслужил». Он так и сделал – некоторое время носил, а когда арестовали одного из его старших родственников, спрятал. Но что это за манера – раздавать собственные боевые награды детям?

И вот телепередача (как всегда, включенная где-то посередине, когда имя выступающего уже не установить). Русская артистка, испанка по происхождению, рассказывала про свою жизнь и начало артистического пути в семнадцать лет во фронтовой агитбригаде. Она попала в окружение под Харьковом в сорок втором. Из всей агитбригады уцелела одна, схоронившись в овраге с трупами. Пробыла там два или три дня, пока не удалось выбраться ночью незамеченной. Она рассказывала о страшной панике, охватившей окруженцев. Военнослужащие рвали документы и избавлялись от орденов «Красной Звезды», потому что за них расстреливали сразу.

И все становится на свои места. Становится ясным, что ордена, действительно, были получены мальчиком из рук героев войны и именно при таких обстоятельствах.

...Будто я в тумане раннем
От себя к себе иду
По больным воспоминаньям -
По тоненькому льду.
(«Курск-Харьков»)

Несколько слов о художественных особенностях стихов. Видение Сопина – почти всегда фокусировка двух-трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Смотрит мальчик, а оценивает взрослый.

Эта захлебывающаяся, пульсирующая перебивка создает энергетику, вообще свойственную творчеству Сопина. Нередко она проявляется не сразу, а как бы «в раскачку». Начало стихотворения очень спокойное, от случайного. Но напряжение нарастает стремительно:

Сидел у окошка.
Глядел в облаковую завязь.
Вдруг мысли хлеть-на-хлеть
Уродливым скользом по льду...

Чувствуется, что внутреннее кипение поэта – его постоянное состояние, готовое вырваться в любой миг яркой мыслью, воспоминанием:

Повеяло детством и ужасом,
И показалась –
Какими путями! –
Метель в предвоенном саду...
Прикрыла воронки
Разгонною беглою мретью.
И в сердце вернулся веселый,
Не бомбовый гром!
Но круто запахло
Наркомовской пайкой, и смертью,
И горькой победой
Под Харьковом
В сорок втором...

Несколько точных попаданий, ярких деталей, и – обобщение. Рождается эффект «сжатия» пружины, готовой распрямиться:

Шагали, как беженцы, печи.
Снега парусили.
Багряные выстрелы,
Словно бинты на ветру.
И молча вставала
Живая
Над мертвой
Россия,
Чтоб в сердце моем согреваться,
Пока не умру.

/71/

ПАМЯТЬ ТРЕТЬЯ

Где-то весной сорок пятого, незадолго до Победы, Михаил возвращается домой. По его словам, в Потсдаме он «был принят танковыми частями армии Москаленко», но ушел сам. Почему? – устал, надоело мотаться по дорогам. Когда будет День Победы, никто не знал. Подростка никто не удерживал. Просто сел в товарный состав и поехал.

Вернулся в родное село, к бабушке, и летом работал в колхозе. А осенью мать забрала его в Харьков и устроила в ремесленное училище, токарем. В Ломном железной дороги нет – конечно, эти строчки уже относятся к Харькову:

Дымя, мимо изб,
Мимо пашен
Раскатно
Грохочет состав!
А юность мне машет и машет,
Тревожно на цыпочки встав.
В бушлате,
Худая-худая,
Как в послевоенном селе...

Но удержать только у станка такого мальчика уже было невозможно.

Летом 2006 года мы ходили с Инной по Харьковскому лесопарку. Я обратила внимание на громадные, заросшие ямы.

— Это бомбовые воронки, — пояснила Инна. — Здесь шли бои, а потом харьковские мальчишки бегали сюда собирать оружие, и Мишка с ними. Мать рассказывала. Некоторые подрывались, становились калеками.

Подрывались.
Пропадали.
Стыли.
Многих
Ветер в поле отпевал...

Еще цитата из очерка В. Павленко:

«...На полях оставались стоять подбитые танки, искореженные взрывами снарядов артиллерийские орудия и другая боевая техника. В обвалившихся блиндажах мы, ребятишки, находили массу различного стрелкового оружия, мин, гранат, снарядов... Каждый из нас имел такую «коллекцию» стрелкового оружия, какой позавидовал бы любой современный музыкант».

А вот мозаика послевоенного быта в изложении Сопина («Речь о реке»):

«Над глубинкой в полный рост вставало раздувшееся от голода тело русского феномена: в побежденную Германию везли продукты и прочую помощь. А с запада на восток шли эшелоны, набитые вчерашними защитниками Отечества. Более удачливые слали домой подарки, кто-то даже ящиками или вагонами. В конце войны на территории Германии я был принят танковыми частями, пил с ними водку и ощущал неравенство страшное. Видел, как командиры посылали запечатанное в луковички и в мыло золото...»

Акценты смещались: врагами становились увечные и неудачливые. В сорок третьем, сорок четвертом годах стало много калек, этому не удивлялись, душу предохраняло время. Я с ними дружил. А к концу войны и после войны, когда они повывлезали из всех щелей ползком, хромяя, на колясках и тележках — стали заметны по-другому. Их просто убирали, высылали подальше, с глаз долой».

Прошавшему пол-Европы подростку не сиделось в родительском доме. Он дружит с пацанами из колонии Макаренко:

«Однажды меня, шестнадцатилетнего, в колонии Макаренко закрыли в тумбочку и сбросили с третьего этажа. И надо ж, ничего не случилось. А если бы и случилось, никто бы и не заметил. Мало ли нас убивали в заведениях печали!».

С ними, беспризорниками, Михаил срывается на Дальний Восток.

«Зачем?» — «Так, посмотреть страну...» —

«На чем ехали?» — «На крышах, под вагонами...» — «Что ели?» (Странный вопрос!) — «Мы брали у тех, когда видели — наворовано». — «Чем закончилось?» — «Да так... Доехали до Владивостока, постояли на берегу Тихого океана и вернулись» (из личной беседы).

Тема «преступление и наказание» мучила Михаила до конца его дней. Он не снимал с себя вины:

«Нас нужно было призывать к порядку — натренированное на бойне поколение огольцов самого удалого возраста, которым ничего не страшно. Те, кто старше — шли в бой под присягой. Маленьким еще предстояло войти в жизнь под контролем взрослых. А у нас за спиной ничего, кроме собственных понятий о чести и морали. Кто-то оружие хранил, но ведь кто-то и применял. Типичный случай: на танцплощадке пошел не с той девушкой, выстрел — убитый есть, а убийцы нет, все разбежались...»

Думаю, и меня тогда надо было наказать, но не так жестоко» (авторская запись к книге «Пока живешь, душа, люби...»).

В конце девяностых Александр Сидоров (Ростов-на-Дону) в двухтомнике «Великие битвы уголовного мира» пишет:

«В трудные послевоенные годы криминальная обстановка в Советской стране резко обострилась. Кражи, грабежи, разбои, убийства стали делом совершенно обыденным. В преступную деятельность втягивалось все больше новичков, особенно молодежи... Было признано нецелесообразным уничтожать преступников сразу: пусть лучше «загибаются» от непосильного, но полезного для страны труда».

В это же время в Вологде проблему осмысливает Михаил Сопин:

«С нами что-то надо было делать, и власть пошла по наипростейшему пути: придавить, выловить, уничтожить, приковать к лесоповалу... Ужас и простота этого обстоятельства привели к людоедской политике. Бросили клич — выжигать каленым железом, хватать за бродяжничество, незаконное ношение оружия (валявшегося грудями везде), за воровство. Кого? Были орды бездомной шантрапы, брошенной на произвол судьбы, вынужденной себя кормить, греть, защищать. Выжившие в голоде и бомбежке, выплунутые войной и расшвырянные по белому свету, они же оказались обречены на жерло лагерей» («Речь о реке»).

Не знаю, к первому или ко второму аресту относится стих-воспоминание из конца восьмидесятых:

Отпылала война.
Пала мирная тьма -
Стал для общества ты непригоден.
На Холодной горе
С козырьками тюрьма,
С тройниками спецкорпус.

И Гордин... (Начальник лагеря? Или следователь? – Татьяна Сопина).

В первый раз его арестовывают за хранение оружия: шла чистка Харькова. Давали по два года - как раз шло строительство канала «Волго - Дон», и привлечение бесплатной рабочей силы на строительство котлована Цимлянской ГЭС в опустевшей мужчинами стране было очень кстати. Здесь Михаил познает первые уроки сталинских лагерей:

Все здесь шло по модели,
Что преступный народ
Сам себя раскуделит,
Перервет, перебьет...
«МАЗ» рванёт в две сторонки –
Вскрик хлестнет по волне.
Никакой похоронки
В безымянной войне.

Но поистине трагическим оказался второй арест. Замечу, что к тому времени Михаил, как говорится, остепенился. Отслужил в армии, работал на заводе, женился, у него родилась дочь. Соседи с улицы Жемзовской, где теперь жили молодые Сопины, были поражены, что арестовали именно этого молодого человека, который всем так нравился.

Повод был незначительным до глупости. Как-то шли большой компанией из кино, растянувшись на квартал - в очередной раз смотрели «Бродягу». Впереди идущие пристали к парню и девушке (отнять велосипед), показали нож. Те закричали, подоспела милиция: банда! Большинство взяли сразу, но «хвост» (в том числе Михаил) разбежался. Правоохранительные органы без труда установили имена всех.

Судили за разбой по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4. 06. 47 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Сопину дали семнадцать. И хотя через несколько лет, в связи с выходом нового Уголовного кодекса, указ был отменен, дела осужденных ранее не пересматривались. «Автоматом» сроки сокращали до пятнадцати лет, и Михаил отсидел своё, как он с горечью констатировал впоследствии, «от звоночка до звоночка».

Из далей харьковские клены
Сквозь сумрак полувековой:
«Вставай, проклятьем заклеянный!» -
Шумят над белой головой.
Родимые,

Все так непросто:
В едином с вами я
Строю
Встаю,
Забитый на допросах,
Над бездной лагерной встаю...
(Из сборника «Обугленные веком»)

Из записи «Речь о реке»:

«Вражеской становилась и многомиллионная армия агонизирующей безотцовщины. Скоро ей нашли «достойное» применение. Вся оккупированная территория была разрушена. Ее надо восстанавливать любой ценой, откуда-то взять армию новых строителей, которые бы валили лес, долбили руду, клали кирпичи...»

Приняв знаменитые указы от четвертого июня сорок седьмого о борьбе с хищением государственного и частного имущества, «отец народов» убил двух зайцев: обеспечил рабочей силой самые гиблые места в стране и отреагировал на просьбу граждан обезопасить их от послевоенного воровства и бандитизма. Были ли среди них истинные преступники? Да, были... немного.

Система была простая: брали одного, били, он называл, часто наугад, еще двадцать пять... Страшное избиение видел в Харькове: человек кричал и испражнялся. И чем сильнее кричал, тем сильнее били - может, хотели заглушить крики, забив до смерти. Позже я понял, что методы борьбы и с Бухариным, и с беспризорниками были одни и те же. БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЛО СОЗНАНИЕ: за одного битого трем (тоже битым) давали на полную катушку. А за трех? Здесь - весь смысл. За проступок, каравшийся ранее месяцами, начисляли по десять-пятнадцать лет, без права пересмотра дела. Многие ли сегодня поверят в реальность печального Указа? А ведь именно по нему уходили сотни и сотни тысяч туда, где девяносто девять плачут, а один смеется - хозяин.

На предприятиях шли собрания, лекторы гремели гневными речами, набирали мощь групповые судилища. Разверстые пасти лагерей жаждали пищи. Распалялось «общественное мнение», а о «попутно» осужденных и по ошибке казненных скромно умалчивалось.

Народ требовал - партия и правительство откаликались, опираясь на слепо-глухо-немые, околпачено - ухайдаканные массы. Шла гражданская война против собственного народа. Общество отплясывало на костях».

Параллели приходили на ум раньше, чем это было осознано обществом после крушения Советского Союза:

«Видел ли эсэсовцев? Здесь дело не в форме, серая она или зеленая. Тот, кто бьет меня до хруста и писанья кровью, тот и эсэсовец.

В числе послевоенной пацанвы, я был ввергнут в двойной обман. Школа рабизма втягивала человека в мясорубку, да еще заставляла соглашаться, что эта карта справедливая, что он преступник. И чем доверчивей, беззащитней был осужденный, тем сильнее он верил в свою преступность.

Сотни порченных пацанят сгоняли вместе, принуждали надеть на себя личину лагерников. Им ничего не оставалось, кроме как ощущать себя... волками. Повторяю – среди тех, кто попадал в облавы, были и воры, и насильники. Но не все. А давали всем – кому пять, кому десять, кому двадцать пять. От имени народа. Мракобесие народа – в готовности проголосовать за это и тем самым своих же детей послать на заклатание...»

В разные годы эта тема в творчестве находит разное отражение. Вот восьмидесятые годы:

Ранний свет,
Глубинный свет печали –
Молчаливый
Призрак наших лиц.
Мы своё ещё не открывали.
Мы ещё своих не дозволяли...
(Из сборника «Предвестный свет»)

/74/

А вот девяностые:

...Океаны молчанья
Мчат безмолвия долгого волны.
Для того и живу,
Сквозь глумления чащу дерусь,
Что без этих вот строчек
История будет неполной –
Как без «Мертвого дома»,
Как без Гоголя странного
Русь.
(«Агония триумфа»)

Надо ли уточнять, что Михаил Сопин, как и Николай Гоголь, считал свой Родиной (Русью) все большое пространство от Черного моря до Ледовитого океана.

Примечания:

Песочин – в сороковых годах пригород Харькова. Ныне в городской черте, название станции метро.

Холодная гора – возвышенное место на северной окраине Харькова, видное издали. Есть ли сейчас там тюрьма, не знаю.

К главе «Память вторая»: Ныне в Интернете опубликована статья военного историка В.И. Семидетко «Харьковская катастрофа мая 1942 года», с подробным профессиональным изложением событий.

sopin70@yandex.ru

У: УЧЕНАЯ СТЕЗЯ

Мария Суворова

Историко-культурная репрезентация края в фотографиях «Вологодского альбома» У. К. Брумфилда:

Источниковедческий анализ

(В сокращении)

Изучение архитектуры традиционно тяготеет к описанию памятников каменного и деревянного зодчества в духе искусствоведческого или историко-культурного анализа. Как правило, подобные исследования связаны с именами краеведов определенной местности, о памятниках которой и идет речь. Исключения составляют лишь работы, посвященные архитектуре Москвы и Санкт-Петербурга, количество и разнообразие которых значительно превышает число сходных изданий по региональному наследию. В то же время нельзя сказать, что региональных исследований нет. Напротив, архитектурное достояние русской провинции широко представлено, как в интерпретации современных авторов, так и в изысканиях историков предыдущих столетий.

«Вологодский альбом» – это фотографии храмовой и гражданской архитектуры Вологодчины, выполненные автором в конце XX века и помещенные на глянцевые страницы книги. Альбом выпущен в 2005 году московским издательством «Три квадрата». Он состоит из 200 иллюстраций, вводной авторской части и вступительной статьи А. В. Камкина «Наш человек в Луизиане» (на двух языках – русском и английском). Все фотографии снабжены подписями, включающими в себя название объекта, дату съемки и примерную дату появления архитектурного памятника. Сведения также представлены на английском и русском языках. Историко-культурных комментариев автор не делает.

Обратимся к более подробному анализу издания с целью определения его места не только среди фотоальбомов Вологодчины, но и среди полноценных монографий по истории края.

Итак, логика композиционного построения альбома прослеживается на двух уровнях. Во-первых, это деление всего представленного материала на части в соответствии с предложенным оглавлением. Автор распределяет

фотографии на девять групп по территориальному принципу, обозначив пространственные границы и указав на конкретные города, попавшие в объектив его фотоаппарата и ставшие затем объектами-образами для фотоколлажи, что позволяет расширить восприятие названия «Вологодский альбом». Это – Вологда, Ферапонтово, Кириллов, Тотьма, Великий Устюг, Белозерск, Устюжна, а также ряд «дальних уголков» Вологодчины, как их называет автор, поселения Поповка, Нелазское и некоторые другие. Так, Брумфилду удалось в одной связке, хотя и как самостоятельные объекты, продемонстрировать ключевые для Вологодской области, с точки зрения культурной ценности, города и местности. Одновременно автор выходит на один из важных процессов как истории, так и культуры, а именно, перенесение традиций зодчества при движении народов с севера на Урал и в Сибирь (на восток не только в рамках Вологодской области, но и в масштабах за пределами региона). Историки отмечают еще и обратный процесс – с Урала на Север¹. Это своего рода исторический фон, но, в тоже время, все представленные постройки – фон этим и другим событиям и явлениям.

Брумфилд, будучи знаком с историей каждого памятника, не выбирает наиболее подходящие под понятия сохранности и эстетики, а запечатлевает то, что есть, будь то развалины церкви или же отреставрированная усадьба или жилой дом. Это особенность фотографии, как исторического источника, – отражать реальность в один конкретный момент. Другое дело, как это делает фотограф-художник, ведь нельзя забывать о том, что фотография – особый вид искусства, и многое зависит от умений фотографирующего, от приемов, которые он использует. Так, например, на отдельных страницах представлены утраты архитектурных памятников – те сооружения, фото которых помещены в альбом, но к моменту создания и издания книги были полностью разрушены и ныне не существуют. Эти фото помещены в конце и выполнены в инверсном, негативном стиле. Используя такой прием, автор воздействует на чувства читателей-зрителей. Это черные страницы альбома, и, воздействуя на читателей, автор все же выражает свое собственное отношение, свою боль за потери в чужой (!) для него культуре. Хотя подобное отношение указывает скорее на особое чувство приятия и понимания русской северной культуры Брумфилдом и ее проявления в архитектурных формах. Дополнительно отметим зафиксированные фотографом тенденции конца XX в. (времени, когда были сделаны снимки):

небрежение и стремление сохранить и восстановить утраченные ценности. Но развалины, судя по фотографиям, как упреки, продолжают существовать, в большинстве своем, в глупинке².

Второй уровень – это внутреннее построение глав. Здесь нельзя отметить строго выдержанной последовательности в расположении фотографий, за исключением одного главного принципа компонования каждой части – иллюстрирования памятников и храмовой, и гражданской архитектуры. Как правило, фотографии гражданских построек следуют за храмами и церквями, но за счет частичного перемешивания и некоторой свободы все архитектурное наследие предстает, как единое целое. Кроме того, удачным оказывается умелое вплетение, в ряд фото каменных строений, отдельных памятников деревянного зодчества, хотя сам автор объявляет «героем» своего повествования каменное наследие Вологодчины. Помогает восприятию и прием зрительного приближения отдельных частей здания, когда рядом с общим видом помещается фото деталей сооружения. Комплексность и единство стиля в альбоме заостряют характерные черты собственно архитектурных особенностей всех построек вместе и каждой в отдельности, что может дать возможность специалистам-искусствоведам рассматривать этот альбом, как фото-коллекцию архитектурно-строительной направленности. В связи с этим нельзя ограничиться лишь упоминанием о том, что все снимки выполнены в черно-белой манере. Дело в том, что отсутствие цвета – своего рода главный художественный и оформительский прием. Но, иллюстрируя форму, фотографу удается запечатлеть, и в этом несомненная его заслуга, закадровое содержание – передать эмоции, чувства, среди которых то боль за потери, то восхищение и та самая среда, которая, вроде бы, и находится за рамками фотографии. Эмоциональная насыщенность альбома в буквальном смысле слова очевидна. Таким образом, качество восприятия образа повышается вследствие присутствия реальности, но не цветной, а черно-белой, реальности в полутонах. Все это авторские находки, и они в большой степени воздействуют на чувства, больше передают ощущения через предельную ясность формы, чем форму, как таковую.

Единая лента снимков, сделанных в конце 90-х гг. XX века, показывает одновременно и прошлое, и настоящее архитектуры. Это и история, и современность, хотя фото не выглядят современными, поскольку сама повседневная среда или вовсе не попадает в рамки кадра, или же вуалируется в результате использо-

1751

¹ Камкин А. В. Наш человек в Луизиане // Там же. – С. 12-14.

² Например: Никольское. Ц. Рождества Богородицы // Там же. – С. 186; Анхимово. Ц. Спаса Нерукотворного // Там же. – С. 201; Ковжа. Сретенская церковь // Там же. – С. 200 и др.

вания черно-белой съемки. По таким фотографиям можно изучать формы архитектуры разных эпох, а можно вспоминать разрушения советской эпохи, но, наверное, самое главное, книга дает возможность увидеть и почувствовать атмосферу прошлого в настоящем времени. Альбом фиксирует современное состояние, в какой-то мере ставит точку гибельным тенденциям прошлого и, при этом, служит визуальным источником культуры в ее движении по хронологии лет. Это историко-культурная «фото-память», дающая представление о строительных достижениях прошлых эпох, стилевых направлениях в искусстве, а относительно XXI века еще и о внимании к сохранившемуся в культуре (или невнимании), об уникальном именно для российской глубинки существовании традиционной культуры в недрах «нового» мира. Не случаен, в связи с этим, интерес Брумфилда к регионам, а не столице.

Несомненно значение подборки снимков для зарубежных читателей – именно таким предстанет перед их взором Русский Север. А создание образа города, региона, культуры в целом очень сложная и требующая значительной продуманности задача. Поэтому, если вологодский ценитель альбома не в последнюю очередь задумается над авторством, над проблемой взгляда «со стороны», так называемого американского видения русской культуры, то для заграничного читателя альбом стал чуть ли не источником знаний по архитектуре, и вот где является незаменимой вся совокупность приемов, средств, использованных фотографом для достижения наибольшего эффекта.

Если говорить о конкретных памятниках архитектуры на страницах альбома, то это вполне традиционные для вологодских краеведов объекты изучения и любования: храмы Верхнего и Нижнего посада в Вологде³, Архиерейский двор, каменная и деревянная застройка города, Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри⁴, каменные церкви Белозерья⁵, Устюжны⁶, Тотьмы⁷, храмовый комплекс Великого Устюга⁸.

3 Среди них, например, следующие: Софийский собор, ц. Александра Невского, ц. Иоанна Златоуста, ц. Сретения, ц. Ильи Пророка на Каменье, ц. Иоанна Предтечи в Роценье, ц. Варлаама Хутынского, ц. Дмитрия Прилуцкого, ц. Константина и Елены и др. // Там же. – С. 17-59.

4 Там же. – С. 59-99.

5 Например: ц. Успения, ц. Спаса Всемилостивого, ц. св. Епифания, Преображенский собор и др. // Там же. – С. 161-173.

6 Казанская ц., храм Рождества Богородицы, ц. Благовещения // Там же. – С. 173-185.

7 Входиерусалимская ц., Вознесенский собор Спасо-Суморина мон-ря и др. // Там же. – С. 99-117.

8 Ансамбль Успенского собора, Прокофьевский собор, ц. Ильи Пророка, Никольская ц., Троице-Гледенский мон-рь и др. // Там же. – С. 117-161.

В заключение хотелось бы еще раз отметить важность вступительных слов автора, так как, не имеющий текстуальных дополнений и лишенный комментариев, фоторяд мог бы потерять свое содержание. В данном же случае, У. К. Брумфилд дает ответы на возможные вопросы, не дожидаясь их, объясняя, что и для чего он поместил под одну обложку под названием «Вологодский альбом»: «История архитектуры Вологды хорошо представлена в многочисленных публикациях... Цель этой книги – не пересказать эту историю, но представить интерпретацию этой богатой традиции через фотографию, которой я занимался здесь с 1991 г.»⁹.

Подводя итог, вернемся к трем пластам информации, о которых было заявлено в начале: прямой, косвенной и скрытой. То есть, во-первых, к тому, что показано, во-вторых, как это сделано и, в-третьих, что скрыто за изображением. Опираясь на эти постулаты, становится возможным характеризовать «Вологодский альбом», как эмоционально – насыщенный сборник фотографий архитектуры Русского Севера, передающий зрительный образ традиции в ее современном состоянии и основанный на конкретных, значимых для русской истории и культуры памятниках.

mariahs@yandex.ru

9 От автора // Брумфилд У. К. Вологодский альбом : Архитектурные памятники Вологодской области. Свидетельство в фотографиях / У. К. Брумфилд. – М. : Три квадрата, 2005. – С. 5-8.

